

С. ЖИЛИН, Ю. КИРИЛЕНКО, Т. СТЕПАНОВ

Под гвардейским знаменем

797594

Северо-Западное книжное издательство

1975

В о и н а м
24-й гвардейской
Краснознаменной
Евпаторийской
стрелковой дивизии,
рожденной
на вологодской земле,—
п о с в я щ а е т с я.

СТРАНИЦЫ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Три десятилетия минуло с той поры, когда утихли сражения Великой Отечественной войны, закончившиеся полной победой над гитлеровской Германией. Об этих событиях написано немало книг, каждую из них советские люди читают с большим интересом. Убежден, что и эта книга, написанная моими однополчанами о боевом пути 24-й гвардейской Краснознаменной Евпаторийской стрелковой дивизии, которой мне посчастливилось командовать на полях сражений, также привлечет внимание читателей.

В тяжелых оборонительных боях на подступах к Искову и Луге вологжане, из которых была сформирована 111-я дивизия, наносили сокрушительные удары по немецко-фашистским полчищам, рвавшимся к Ленинграду.

С исключительным мужеством и храбростью воины-гвардейцы дрались на многих участках Волховского фронта, особенно под Малой Вишерой, Мясным Бором и на Синявских высотах. Они внесли значительный вклад в разгром группировки Манштейна под Сталинградом, освобождали Ростовскую область, прорывали глубоко эшелонированную оборону противника на реках Миус и Молочная, освобождали Донбасс, Северную Таврию, Севастополь, Прибалтику и, наконец, штурмовали Кенигсберг и очищали от гитлеровцев Земландский полуостров. Таковы основные вехи боевого пути

111-й стрелковой, впоследствии 24-й гвардейской дивизии.

Характерно, что в обороне воины дивизии проявляли неодолимое упорство, а в наступлении — неудержимый порыв. Об этом хорошо рассказывают живые свидетели сражений, ветераны дивизии, авторы настоящей книги. Их воспоминания дополняют архивные документы. Так складывается объективное представление о характере фронтовой жизни однополчан, о доблестном боевом пути соединения, исчисляемого тысячами чрезвычайно трудных километров.

В книге ведется повествование о ратных подвигах сотен солдат, сержантов и офицеров. Знакомство с боевыми эпизодами в этой книге живо воскрешает в моей памяти множество дорогих мне фронтовых друзей, ныне здравствующих или отдавших свою жизнь во имя спасения Родины.

В книге приведены яркие факты, раскрывающие авангардную роль партийных организаций. Находясь в бою всегда впереди, коммунисты являли собой образцы мужества и бесстрашия, личным примером увлекали бойцов на подвиги. Авторам книги — ветеранам дивизии — удалось, на мой взгляд, достоверно рассказать об этом. Хорошо, убедительно показаны неотъемлемые качества воинов-гвардейцев: неукоснительное выполнение приказов, военная хитрость, выдумка, смекалка, творческое решение боевых задач и массовый героизм.

Страницы книги тепло рассказывают о тесной фронтовой дружбе воинов дивизии от рядового до генерала.

Нашей молодежи есть с кого брать пример, на кого равняться, у кого учиться мужеству и отваге. Уверен, что молодежь с большим интересом прочитает эту книгу. Но особенно будут дороги эти лаконичные записки моим дорогим однополчанам. Пользуясь случаем, я передаю всем фронтовым друзьям искренний, сердечный привет!

П. КОШЕВОЙ,

Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза.



НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Лужский рубеж.— Из огненного кольца.— Дивизия стала гвардейской.— В боях под Синявином.

В центре села Мараморки что в тридцати пяти километрах севернее Пскова — обелиск, у основания которого — цветы и пробитая пулей каска. На мраморной плите высечены слова: «Здесь похоронены командир 111-й стрелковой дивизии полковник Иванов Иван Михайлович и 40 солдат, сержантов и офицеров, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в июле 1941 года».

Полковник Иван Михайлович Иванов... До последнего времени считалось, что он пропал без вести. Кому и как удалось установить дату, место и обстоятельства его гибели?

Это сделали юные следопыты Псковщины. Их долгие поиски, беседы с теми, кто еще хорошо помнит суровое лихолетье войны, помогли восстановить подробности того короткого и полного драматизма боя, который разгорелся в Мараморке.

10 июля 1941 года наши части с боями отступали через Мараморку в сторону Луги. Вслед за обозами и санитарными автомашинами в деревне появилась группа красноармейцев, которая заняла оборону вокруг школы. Вскоре показались гитлеровские автоматчики на мотоциклах и бронетранспортерах. Подпустив врага на близкое расстояние, красноармейцы ударили из пулеметов и винтовок. Фашисты не ожидали такой

встречи, попятились, а затем обратились в бегство, оставляя убитых и раненых.

После этого из леса выползли вражеские танки. Прорвавшись в деревню, они обрушили на ее защитников шквал огня. Школа загорелась. Отстреливаясь, наши перебежками отступали. Силы были неравными. Все меньше и меньше красноармейцев оставалось в живых. У самой опушки леса пал от фашистской пули последний защитник деревни.

...Место, где были похоронены погибшие, деревенские старожилы показали следопытам, и те принялись за раскопки. Так были обнаружены останки сорока воинов, каски, оружие. Но никаких документов найти не удалось.

На поляне, под березой, следопыты разыскали могилу того, кто, отстреливаясь, последним уходил с поля боя. Стали раскапывать ее. Сначала увидели каску. Потом — нарукавные знаки, петлицы с полковничьими шпалами.

Кто же безвестный полковник? Ответить на вопрос помогла найденная тут же капсула. Вскрыв ее, прочли: «Иванов Иван Михайлович, уроженец деревни Княжны Стругокрасненского района Псковской области... Адрес жены — город Вологда...»

По запросу следопытов из архива Министерства обороны СССР прислали копию личного дела погибшего полковника, и перед ребятами раскрылась яркая жизнь советского человека, воина-патриота.

С юных лет Иван Михайлович познал подневольный труд у местных кулаков. В 1915 году был призван в царскую армию, участвовал в первой мировой войне. После Октябрьской революции добровольно вступил в ряды Красной Армии.

Иван Михайлович участвовал в обороне Петрограда от банд Юденича, воевал с белогвардейцами под Псковом, был ранен. Еще тогда, в годы гражданской войны, Иванов твердо решил навсегда связать свою жизнь с рабоче-крестьянской Красной Армией. В мирные дни закончил командные курсы и учил курсантов военных училищ. В 1932 году его назначили командиром отдельного пулеметного батальона, затем доверили полк, ставший вскоре одним из лучших в округе.

И вот Иван Михайлович Иванов назначается командиром 111-й стрелковой дивизии. На этом посту в полной мере проявились его организаторские способности и волевые качества.

...Только что закончилась финская кампания. Во главе полков, батальонов, дивизионов и рот стояли командиры, уже побывавшие в сражениях на Карельском перешейке. Все чувствовали, что провокация белофиннов — это лишь прелюдия к более тяжелому военному испытанию. Никто не считался со временем, никто не давал себе передышки — учились военному искусству и днем, и ночью.

Ранним июньским утром 1941 года мирная жизнь советских людей была прервана артиллерийской канонадой, взрывами бомб, грохотом танков. По всей западной границе — от Балтики до Черного моря — на нашу землю ринулись фашистские полчища...

Один из основных ударов гитлеровское командование нацелило на Ленинград. К колыбели нашей революции рвались отборные дивизии врага. В июле 111-я дивизия прибыла в район города Остров и заняла оборону вблизи границ Латвийской и Эстонской союзных республик.

Вот что вспоминает о тех днях ветеран дивизии, подполковник запаса, вологжанин Зосима Васильевич Белозеров:

«Я был тогда командиром роты 468-го стрелкового полка, которым командовал майор Дмитрий Демьянович Воробьев. Сразу же начались ожесточенные бои. Два раза Остров переходил из рук в руки. Под давлением превосходящих сил гитлеровцев дивизия отошла к Пскову. Снова бои. Особенно тяжелые — за районный центр Палкино. В течение двух суток войны нашего полка отражали яростные атаки танков и пехоты противника. Не считаясь с огромными потерями, гитлеровцы отчаянно рвались вперед. Только на этом участке огнем нашей артиллерии было уничтожено двадцать немецких танков и самоходных орудий».

...На правом фланге обороны вражеские атаки отбивали воины 532-го стрелкового полка под командованием майора Ивана Михайловича Власова. Основной натиск врага приняли на себя красноармейцы

батальона капитана Дементьева*, которые 5 июля отбили десять вражеских атак. Особенно храбро дралась рота лейтенанта Говорова...

Шестого июля противнику все же удалось потеснить наши части. Теперь упорные бои завязались у селения Дуловка близ железной дороги Остров — Псков. На этом участке стойко держали оборону роты 399-го стрелкового полка под командованием подполковника Макара Степановича Озерова (он только что заменил выбывшего из строя после ранения майора Александра Егоровича Филиппова).

Поддерживаемые противотанковым дивизионом и двумя батареями гаубиц, пехотинцы отразили пять сильных атак противника. В этих боях сержант Кочура из противотанковой пушки подбил четыре немецких танка. В одной из контратак наши воины захватили немецкую пушку со снарядами. Командир взвода младший лейтенант Белянкин тотчас развернул ее и, открыв огонь по фашистским танкам, подбил пять машин.

В деревне Грибули пушкари 286-го полка легкой артиллерии бились с прорвавшимися вражескими танками. С полудня до глубокой ночи шло сражение. Герои-артиллеристы остановили вражескую бронированную лавину и заставили уцелевшие танки повернуть вспять. Особенно отличился наводчик рядовой Пинчук. Оставшись один у орудия, он продолжал вести огонь и уничтожил пять танков.

Потери в живой силе и технике вынудили противника отказаться от лобового удара. Совершив обходной маневр, его механизированные части в сопровождении пехоты нависли над нашим правым флангом, угрожая перерезать дорогу Остров — Псков. Дивизия получила приказ отойти в районе Пскова за реку Великую и оседлать лужское шоссе.

Отход соединения прикрывала артиллерия. При этом вновь отличились артиллеристы 286-го полка и особенно батарея лейтенанта Журышова, умело сдерживавшая возрастающий напор противника.

Десять дней бойцы дивизии вели ожесточенные бои на дороге Псков — Луга. Они грудью защищали каж-

* К сожалению, имена и отчества многих однополчан стерлись в памяти, а установить их не удалось.

дую пядь земли, каждую деревню, каждый дом. В этих боях 10 июля пали смертью храбрых в неравной схватке с вражескими танками сорок воинов вместе с командиром дивизии Иваном Михайловичем Ивановым.

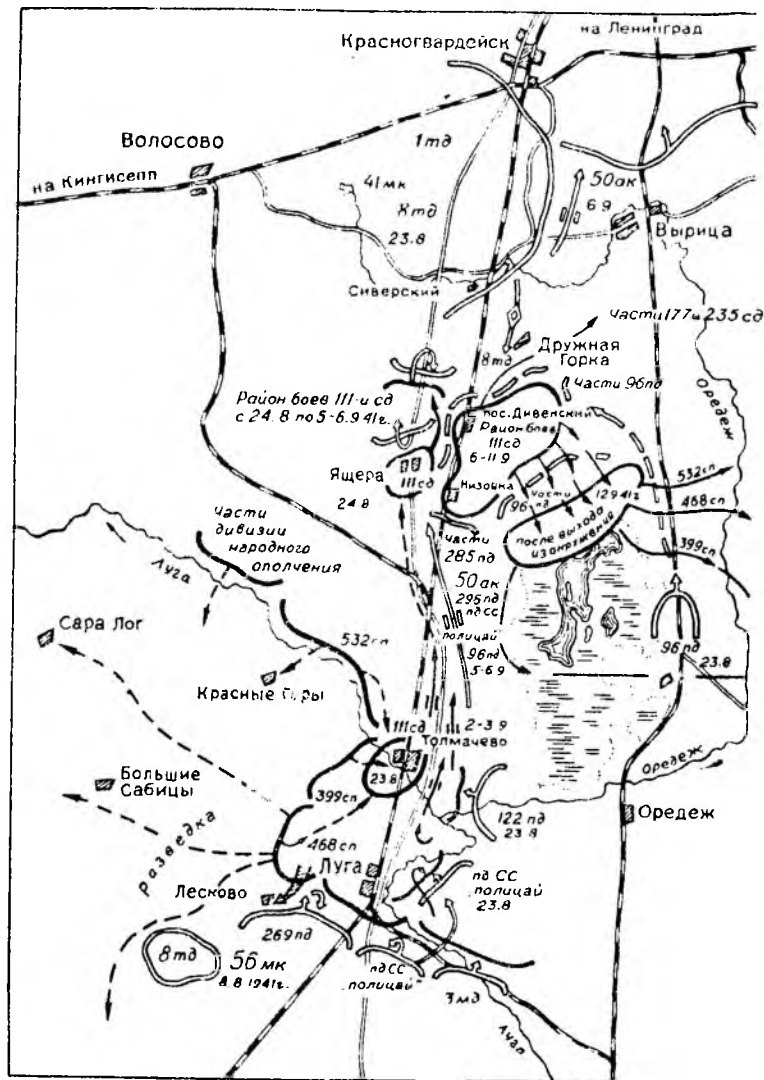
...Жертвы не были напрасными. Юго-западнее города Луги враг был остановлен. 111-я дивизия, теперь уже под командованием подполковника Сергея Васильевича Рогинского, вместе с другими соединениями 41-го корпуса, 18—19 июля заняла прочную оборону.

Противник бросал на Северо-Западный фронт все новые дивизии, применял дальнобойную артиллерию, массированные налеты авиации. Но Лужский рубеж оказался неприступным. Искключительная стойкость его защитников 15 августа была отмечена специальным приказом командующего фронтом Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова. Всему личному составу соединения была объявлена благодарность.

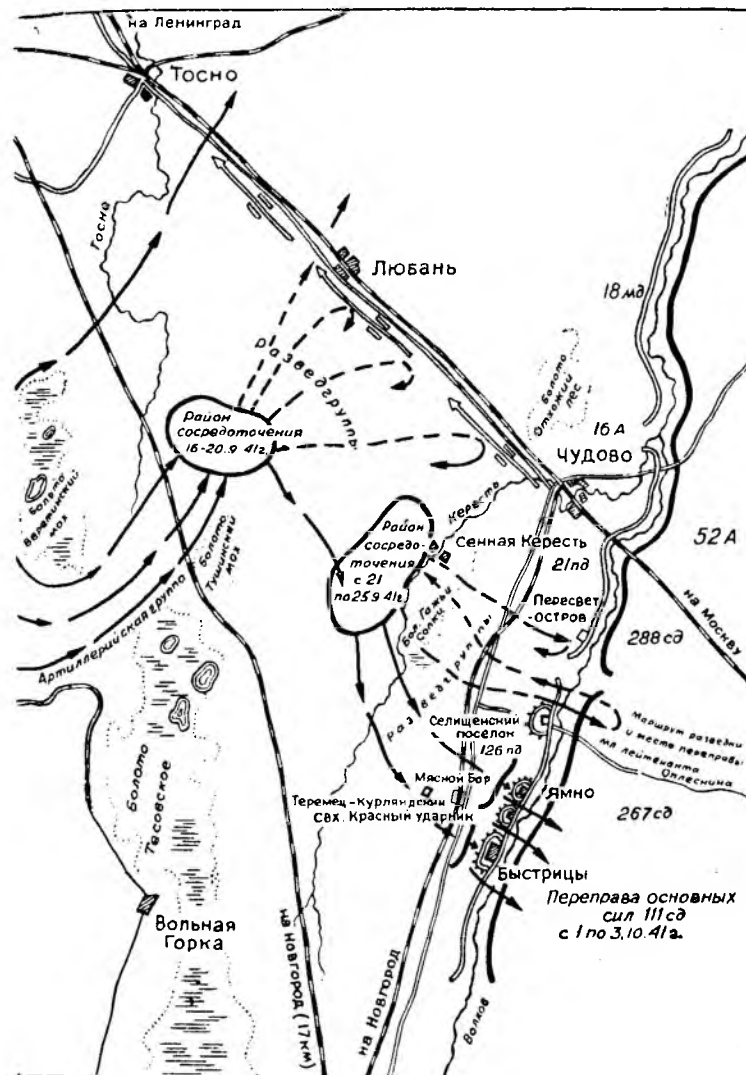
Отстоять Лужский рубеж во многом помогли местное население и ленинградцы, подготовившие надежные оборонительные сооружения. На танкоопасных направлениях возводились противотанковые рвы, «ежи» и надолбы, устанавливались железобетонные пулеметные гнезда, проволочные заграждения. Под огнем противника люди зачастую работали сутками и многие из них, как солдаты, пали смертью героев.

Более тридцати дней длилась оборона Луги. Расчет немецкого командования взять город с ходу потерпел провал. Тогда противник предпринял психический нажим. Как и прежде, день и ночь вражеские самолеты, орудия и минометы, танки и самоходки бросали на позиции защитников Луги десятки тонн раскаленного металла. Вслед за ним пьяные гитлеровцы поднимались теперь уже во весь рост и шли на наши позиции с засученными рукавами. Красноармейцы подпускали обнаглевших головорезов на близкое расстояние и косили пулеметным, ружейным и минометным огнем.

10 августа батальон капитана Гуза из 468-го полка отразил шесть психических атак. Перед заходом солнца немцы пошли в атаку седьмой раз. Отважный капитан поднял свой батальон и повел его в контратаку. Ошеломленные фашисты обратились в беспорядочное



Боевые действия 111 стрелковой дивизии на лужском и выходе из



красногвардейском направлениях и маршруты ее частей при окружения.

бегство. Преследуя противника, батальон Гуза отбросил врага на семь километров. Отступая, гитлеровцы оставили на поле боя сотни убитых и раненых.

В эти дни вражеские летчики вместе со смертоносным грузом сбрасывали в наше расположение тысячи листовок в надежде на то, что эти гнусные «творения» поколеблют стойкость советских воинов. Солдаты с презрением относились к грязным фашистским листкам.

В первые месяцы войны немецкое командование широко использовало диверсионные группы. Нередко в расположение наших тыловых частей под видом партизан или в форме красноармейцев проникали фашистские лазутчики. Стремясь посеять панику, они открывали беспорядочную стрельбу. Вылазки, как правило, заканчивались для захватчиков плачевно.

В дни Лужской обороны не раз отличались подразделения разведчиков. Они своевременно сообщали командованию о противостоящих частях и замыслах противника. В конце июля группа разведчиков во главе с капитаном Игнатьевым проникла в тыл врага с целью выявить численность войск в районе станции Ляды. Эта задача была успешно решена. Разведка вернулась без потерь и доставила ценные документы.

В это же время батальон капитана Кадочникова проник в расположение противника и внезапным ударом разгромил разведывательный батальон гитлеровской дивизии СС «Великая Германия». Было убито и ранено более двухсот немецких солдат и офицеров, захвачено много трофеев и важных документов. В операции особенно отличился командир роты лейтенант Алексей Павлович Чугуй. Он заменил выбывшего из строя комбата, сам был дважды ранен, но продолжал руководить боем.

На Лужском рубеже нашли свой бесславный конец тысячи завоевателей. Сотни немецких танков, тягачей, бронетранспортеров были подбиты огнем наших артиллеристов.

В своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «Группа армий «Север», наступавшая в составе двух полевых армий и одной танковой группы, встретив упорное сопротивление на Лужском укрепленном рубеже, в районе

Дно, на рубеже Старая Русса — Холм, а также в районе Кингисепп — Сиверский, понесла большие потери и без дополнительного усилия уже не могла наступать на Ленинград»¹.

Неприступность Лужской обороны заставила фашистское командование отказаться от лобового удара и искать слабые места на флангах. А они оказались в районах города Кингисеппа и станции Оредеж. Здесь подразделения ополченцев и наскоро сформированные из разрозненных отступающих частей отдельные роты и батальоны не смогли удержать позиций, дрогнули и отошли. Вражеские колонны сомкнулись севернее Луги. Защитники города оказались в кольце. Управление войсками было нарушено. При этих условиях оборона Лужского рубежа стала бесцельной.

Одновременно в середине августа 1941 года войска противника форсировали реку Шелонь, захватили город Сольцы и прорвались к Новгороду.

21 августа части 111-й дивизии по приказу оставили занимаемый район и получили задачу уничтожить противника, оседлавшего дорогу Луга — Ленинград вблизи Красногвардейска. Однако эту задачу выполнить не удалось. До Красногвардейска еще было далеко, когда в районе железнодорожной станции Дивенская дивизия встретилась с подвижными группами противника, проникшими сюда из районного центра Волосово. Завязались упорные бои.

Наши полки оказались в очень тяжелом положении. Не было дорог для доставки боеприпасов, продовольствия. Тыловые подразделения прокладывали их в топях восточнее шоссе Луга — Ленинград. Приходилось валить лес и делать из кругляка сплошной настил, — и все это под непрерывным обстрелом и бомбежками. Машины шли, в основном, в ночное время, а днем укрывались в лесу.

Особенно жаркие схватки разгорелись 27 и 28 августа в районе деревни Ящеры. Основной удар приняли на себя артиллеристы майора Кузнецова. Они подбили тринадцать танков, уничтожили одиннадцать пулеметов, подавили пять минометных батарей, взорвали склад мин и уничтожили около двухсот враже-

¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 290.

ских солдат и офицеров. Но и сами понесли большие потери.

Отвагу и мужество проявили буквально все воины. Сержант Самбаев подбил четыре танка, пытавшихся смять его расчет, и вместе с орудием вырвался из вражеского кольца. Расчет сержанта Николая Сергеевича Левковского отбил атаку пьяных гитлеровцев. Потерпев неудачу, фашисты открыли ураганный оружейный и минометный огонь. Мужественные артиллеристы отстреливались до тех пор, пока вражеский снаряд не снес с орудия щит. Но и после этого, сменив позицию, расчет бил прямой наводкой. Когда кончились боеприпасы, артиллеристы с винтовками и гранатами продолжали неравный бой.

Более двух суток удерживали дорогу и две просеки семнадцать бойцов из взвода лейтенанта Богданова. Они уничтожили более пятидесяти фашистских солдат и офицеров. Здесь немцы не продвинулись ни на шаг. С беспримерным героизмом сражались с врагом коммунисты. Они личным примером вдохновляли воинов на подвиги. Командир полка майор Кузнецов, будучи трижды ранен, продолжал руководить боями. Политрук роты Быков, возглавив группу воинов, уничтожил боевое охранение противника и овладел важным рубежом.

Умело преодолевая лесные завалы, красноармейцы внезапно врываются в расположение врага, и он в панике отступает. Но, придя в себя, немцы через некоторое время бросались в атаку. Десять дней и ночей продолжались изнурительные лесные бои. Кончались боеприпасы и продовольствие. Люди не знали ни сна, ни отдыха. Казалось, вот-вот настанет предел человеческим силам. Но воины выдержали.

9 сентября дивизия получила приказ выходить на соединение с частями, действующими со стороны Ленинграда в районе железнодорожной станции Вырица. Оторвавшись от противника, дивизия скрытно, по проселочным дорогам и просекам стала продвигаться на новый рубеж. Вскоре выяснилось, что Вырица и прилегающие к ней населенные пункты заняты подвижными немецкими частями. В местах вероятного про-

рыва фашисты сосредоточили усиленные отряды, которые непрерывно курсировали по дорогам, обстреливая ложбины и перелески.

Измученные, голодные бойцы, опустив головы, проходили через населенные пункты, еще не занятые врагом. Деревенские женщины со слезами на глазах спрашивали: — Куда же вы идете-то, ребята! Ведь немцы уже под Ленинградом...

Солдаты отмалчивались.

...В непрерывных рейдах по неприятельским тылам в дивизии не прекращалась политическая работа. Проводились партийные и комсомольские собрания, инструктивные совещания. Воины своими глазами видели следы зверских расправ врага над мирными жителями, грабежей и поджогов. Все это помогало политработникам воспитывать у личного состава ненависть к поработителям.

Командование дивизии — полковник Сергей Васильевич Рогинский, полковые комиссары Гавриил Семенович Емельяненко и Яков Вульфович Цивин, подполковник Иван Степанович Сорокин, командиры и комиссары полков, опираясь на партийные организации, в труднейших условиях сумели обеспечить крепкую воинскую дисциплину в подразделениях. Каждый патрон, каждая граната были взяты на строжайший учет. Бойцы сохранили все пулеметы, противотанковые ружья, винтовки. За ранеными и больными были налажены постоянное наблюдение и уход.

Людей мучил голод. В дивизии не осталось никаких продовольственных запасов. Чтобы поддержать силы бойцов, решили расстаться с частью обозных лошадей. Конину варили и ели без хлеба, без соли. «Рацион» пополнили грибы и ягоды. Но изнуренные, голодные и усталые солдаты продолжали бои.

В конце сентября 111-я дивизия сосредоточилась в районе деревни Финев Луг Новгородского района. После раздумий решено было прорвать фронт около Мясного Бора и переправиться на восточный берег Волхова, где занимали оборону наши войска.

Прежде чем принять такое решение, командир дивизии созвал совещание командиров частей и полит-

работников. Некоторые считали, что надо выходить из окружения небольшими группами под покровом ночи. Однако это предложение было отвергнуто. Командиры и политработники единодушно поддерживали командира и комиссара дивизии, которые настаивали на том, чтобы, образно выражаясь, действовать кулаком, а не растопыренными пальцами. В случае неудачи прорыва намечалось создать партизанский отряд и продолжать боевые походы по вражеским тылам.

Для связи с частями Красной Армии, расположенными за Волховом, штабные командиры выбрали из добровольцев самых мужественных и выносливых воинов. Созданный разведотряд состоял из пяти групп. В одну из них командир 468-го полка майор Воробьев рекомендовал включить опытных разведчиков: младшего лейтенанта Николая Васильевича Оплеснина и рядового Константина Ивановича Шипилова.

Вскоре разведотряд ушел на задание. Но вернулось лишь трое красноармейцев. Они рассказали, что у самого берега реки отряд был обнаружен немцами и что их командир, младший лейтенант Оплеснин, утонул. Сообщение встревожило командование. Все знали Оплеснина как отличного спортсмена, хорошего пловца. Никто не хотел верить в его гибель.

А в это время отважный разведчик был уже в штабе 52-й армии и помогал разрабатывать план переправы частей дивизии. О том, что произошло в ту ночь, Николай Оплеснин позднее рассказывал:

— Казалось, немцы нас не заметили. Все было тихо. Сторожевые посты неприятеля через строго определенные промежутки времени освещали реку ракетами. Повесят фрицы две-три «ламп», и долго видно все вокруг, как на ладони. Не успел я отмерить саженками и пяти-десяти метров, как над головой появился этот предательский фонарь. И тут же полоснул пулемет. Я нырнул. Нырять пришлось раз десять, пока, наконец, не выполз на тот берег. Меня заметили красноармейцы и помогли добраться до штаба батальона, обороняющего правый берег Волхова.

...Запомнив все детали выхода дивизии из окружения, Оплеснин в следующую же ночь вернулся к реке. Теперь ему предстояла переправа в дивизию. Он повторил свой подвиг.

На рассвете 27 сентября Николай Васильевич Оплеснин живым и невредимым прибыл в лесной лагерь дивизии и доложил о плане предстоящей переправы, назначенной в ночь с 4 на 5 октября 1941 года.

О мужестве разведчика рассказал после войны в газете «Красная звезда» подполковник запаса Е. Дзюба. Вот что он писал:

«Мы трижды пытались на лодке переправить Оплеснина с восточного на западный берег Волхова, но каждый раз нас преследовала неудача. Немцы замечали лодку, открывали сильнейший огонь, и гребцы вынуждены были возвращаться.

Что же делать? Сам Оплеснин предложил: «Знаете что, товарищ капитан? Я вплавь переберусь через Волхов. Дальше ждать нельзя».

Наблюдая за Оплесниным, видя его переживания за судьбу людей, находящихся в окружении, я восхищался его храбростью и преданностью Отчизне. Вот настоящий советский человек, готовый отдать жизнь за Родину! Он беспокоился за своих, говорил: «Ведь они меня там ждут. Я сегодня должен во что бы то ни стало переплыть».

...Итак, начинаем новую попытку. Идем к реке. Идем медленно, осторожно. Темно. Сидим в воронке, прислушиваемся.

Я оставляю Оплеснина, а сам иду к берегу и пробую воду. Вода ледяная, прямо в дрожь бросает.

Последние приготовления. Я натираю тело Оплеснина спиртом, прощаюсь. В шерстяных носках, брюках и гимнастерке он вошел в воду...»¹

Теперь, когда была установлена связь со штабом армии, были разведаны наиболее безопасные пути к переправе, командир дивизии отдал приказ о выходе из окружения.

...Тихая лунная ночь, озаряемая ракетами. Изнуренные сорокадневными боями и походами по вражеским тылам бойцы выступили на прорыв немецкого фронта.

Переправу назначили на утро 5 октября напротив поселка Селищи. Предстояло совершить 25-километро-

¹ «Красная звезда», 27 февраля 1958 г. — «Мужество разведчика».

вый бросок. На пути — железная и шоссейная дороги, соединяющие Новгород с Чудовом. По ним курсировали неприятельские поезда, автомашины, бронетранспортеры и мотоциклы с автоматчиками.

Дороги миновали без единого выстрела и сразу же попали в густой заболоченный ольшаник. Трехкилометровый путь по колену в воде был бесконечно долгим. Пройдя по рытвинам, оврагам и канавам прибрежные поля, передовые отряды наткнулись на боевое охранение противника. Завязалась жаркая перестрелка. Сложившаяся обстановка вынудила уклониться от намеченного маршрута. На берег реки вышли на три километра ниже намеченного места.

Однако времени на размышление противник не давал. Ружейный и пулеметный огонь под отвесным берегом не тревожил. Зато все ближе ложились снаряды и мины. На тысячу триста человек, вышедших к берегу, оказалось всего два дырявых баркаса, которые с трудом принимали по 6—7 человек.

Несмотря на такое положение, воины были спокойны и сосредоточены. Кто чувствовал в себе силы, пускался вплавь. Бойцы стали мастерить плоты: кто связывал несколько жердей, выдернутых из изгороди, кто к оконной раме из разрушенной избы подвязывал два-три полена, а иные тащили к берегу бревна и тут же отчаливали. Вскоре неприятель обнаружил район сосредоточения дивизии и открыл огонь.

Позже политрук вологжанин Василий Иванович Ипполитов вспоминал об этой переправе: «Сложил свои пожитки в плащпалатку, плотно завязал ее и, толкая впереди себя сверток, поплыл. Но не успел проплыть и двадцати метров, как завязанная в узелок палатка стала тонуть. Пришлось возвращаться к берегу. Мимо неся пучок жердей. Показалось, что с его помощью можно доплыть до желанного берега. Однако жерди служили хорошей мишенью, и немцы вели по ним прицельный огонь. В эти трудные минуты вспомнился Чапаев, плывший через реку под ураганным огнем. Вспомнились и его слова: «Врешь, не возьмешь!...». Когда немцы усилили огонь, я оттолкнул от себя жерди. Но до берега еще оставалось несколько метров. К тому же руки и ноги плохо повиновались. Как добрался до отмели,

толком не знаю. Помню только, что в голове неотвязно сидели слова: «Доплыву, доплыву, доплыву». На берег помог выкарабкаться какой-то боец, который на минуту раньше меня добрался до спасительной земли. С ним мы и нашли сборный пункт дивизии...»

Вышедших из окружения встречали вкусной похлебкой из ротной кухни. Медицинские работники следили, чтобы изголодавшиеся воины быстрее обрели силы. Для тех, кто пришел босиком и в одном белье, на полковом складе нашлись обувь и ватники.

День и ночь воины провели в лесу, а когда прибыл командир дивизии, походной колонной выступили в район станции Бурга Октябрьской железной дороги, что в пятнадцати километрах от Малой Вишеры. Здесь целый месяц части дивизии доукомплектовывались, получали боевую технику, проводили учения.

Фашисты решили взять Ленинград в двойное кольцо. С этой целью они предприняли глубокий обход города с юго-востока на Тихвин, чтобы соединиться с финскими войсками восточнее Ладоги. Для выполнения этого плана противник бросил в бой три корпуса. Одновременно началось вражеское наступление вдоль Волхова в сторону Волховстроя и на Малую Вишеру.

10 ноября 1941 года полки 111-й стрелковой дивизии по приказу штаба 52-й армии выступили в район деревни Глутно, которую неприятель превратил в опорный пункт. Задача дивизии состояла в том, чтобы овладеть этим пунктом, затем совхозом «Красный Балтик» и выбить противника из Малой Вишеры.

Утром 12 ноября заговорили наши артиллерийские батареи. После артиллерийской подготовки по открытому снежному полю первыми пошли в атаку батальоны 399-го стрелкового полка. Они быстро достигли окраины Глутно.

На второй день главный удар нанес 468-й стрелковый полк, которому удалось очистить от врага половину деревни. Пять суток с переменным успехом шло сражение за Глутно. И только к утру 17 ноября наши подразделения окончательно овладели этим важным пунктом на подступах к Малой Вишере.

С утра 18 ноября дивизия начала наступление на

южную окраину Малой Вишеры и совхоз «Красный Балтик». Немцы уже сумели опутать подступы к городу проволочными заграждениями, создать минные поля, пристрелять все бугорки и углубления. Но эти препятствия не могли сдержать наступательного порыва бойцов. Передовые подразделения завязали бои на окраине города. Им удалось перерезать Октябрьскую железную дорогу северо-западнее Малой Вишеры. Гитлеровцы, опасаясь окружения, стали поспешно отступать. К утру 19 ноября город Малая Вишера был полностью очищен от оккупантов.

В боях за Глутно, совхоз «Красный Балтик» и Малую Вишеру Новгородской области беспримерную храбрость и героизм проявили многие воины. Пулеметчики второй роты 468-го стрелкового полка Елманцев и Лукин под командованием мастера спорта лейтенанта Терентия Ивановича Степанова уничтожили более десяти гитлеровцев, доставили командованию важные документы.

Младший политрук Кириков, ворвавшись с группой бойцов в Глутно, лично уничтожил гранатами станковый пулемет и двадцать восемь гитлеровцев. Пулеметчик Морозов скосил более двадцати немецких солдат и заставил замолчать две огневые точки врага.

Среди отличившихся в этих боях были и ныне здравствующие вологжане С. И. Шелепин, Б. И. Мельников, А. К. Воробьев, Н. Е. Чаусенко, Ф. В. Лодыгин, Н. А. Выжлов, Н. А. Лоховинин, О. П. Чесноков и другие.

Хладнокровно и расчетливо руководили боевыми действиями командиры полков Дмитрий Демьянович Воробьев и Макар Степанович Озеров, комиссары полка и дивизии Александр Иванович Косачев и Гавриил Семенович Емельяненко. В критические минуты боя они были среди наступающих и личным примером вдохновляли бойцов и командиров на ратные подвиги.

Первым ворвался в Малую Вишеру батальон старшего лейтенанта И. Е. Ефимова.

Несколько дней пробыли фашистские завоеватели в городе, но и здесь, как всюду, где ступил их кованый сапог, пылали пожарища. На одной из окраин города бойцы обнаружили трупы замученных фашистами советских людей, в числе которых были дети. Во всех час-

тях и подразделениях прошли митинги. Воины дали клятву отомстить гитлеровским варварам за страдания и кровь советских людей.

В декабре дивизия совместно с другими соединениями 59-й армии вела тяжелые бои, очищая от противника восточный берег Волхова. Особенно отчаянно оборонялись фашисты в деревне Веретье. Этот и другие опорные пункты прикрывали дорогу Горнешно — Гладь, по которой велось снабжение тихвинской группировки немецких войск.

Две недели продолжался ожесточенный бой за Веретье. Противник нес огромные потери, но продолжал упорно сопротивляться. Почти все наши полковые пушки вели огонь по укреплениям врага прямой наводкой. Одновременно по огневым точкам били минометы, станковые пулеметы, снайперы. Особенно много работы выпало на долю роты минисметчиков 468-го стрелкового полка, которой командовал двадцатилетний лейтенант Владимир Кайко.

Минометчики с точностью до одной минуты узнали распорядок дня гитлеровцев и умело использовали их педантичность. Как только подходило время для приема пищи, враг не проявлял активности. В эти-то минуты Кайко и менял позиции. Выпустит по десятку мин на каждый ствол и тут же переходит на другие рубежи.

В боях за Веретье воины впервые познакомились с фашистскими «кукушками». Наши снайперы их «снимали», но приходилось глядеть в оба и на переднем крае, и в тылу. Осада этого населенного пункта многому научила воинов 111-й дивизии. В последующих боях на восточном берегу Волхова они действовали уже более успешно. В них отличились бойцы второго батальона 468-го полка, которым командовал старший лейтенант Папсуев. Многие были отмечены боевыми орденами и медалями, а комбат удостоен ордена Ленина.

...Новогодняя морозная ночь. Дивизия походными колоннами бесшумно движется по лесным тропам. Получена боевая задача — оседлать дорогу Грузино — Чудово на западном берегу Волхова. В полночь на коротком привале полковой комиссар Александр Иванович Косачев собрал политработников, тепло поздравил их с Новым годом и напутствовал:

— Идите к бойцам. Пожелайте им успехов в 1942 году...

В январе дивизия получила новую боевую задачу. Подразделения сосредоточились на западном берегу Волхова в районе населенного пункта Ямно. Соединению предстояло прорвать правый фланг фашистских войск, блокировавших Ленинград, затем вклиниться в оборону противника в направлении на Чудово—Любань и тем самым облегчить положение защитников города Ленина. Эта задача была возложена на вновь созданную 2-ю ударную армию, в состав которой вошла и 111-я дивизия.

Южнее Мясного Бора, на шоссе Новгород—Чудово, стояла деревенька Любино Поле. Гитлеровцы превратили ее в опорный пункт: подходы к деревне были перекрыты минными полями и рядами колючей проволоки. Гарнизон противника насчитывал более 300 человек.

Штурм Любина Поля начался на рассвете. Первыми заговорила артиллерия и минометы. На головы врага обрушились тонны раскаленного металла. Казалось, после такого мощного налета не могло остаться ничего живого. Но атака пехоты захлебнулась под шквалом вражеского огня.

На следующий день с новой силой началась обработка обнаруженных огневых точек противника, но и на этот раз штурмующие подразделения не имели успеха.

Командир дивизии Сергей Васильевич Рогинский принял решение блокировать Любино Поле. Основная роль в выполнении приказа отводилась саперам. Комиссар саперного батальона майор Анатолий Иванович Ульянов вспоминает, что задача была необычайно сложной. Предстояло разрушить крупные инженерные сооружения, перерезать и заминировать все коммуникации, связывавшие Любино Поле с тылами немцев. Операция прошла блестяще.

Фашистские танки, спешившие на выручку осажденного гарнизона, подрывались на минах, установленных нашими саперами. С каждым днем кольцо сжималось все туже. Немцы попытались наладить снабжение гарнизона с воздуха. Самолеты сбрасывали на парашютах контейнеры с продовольствием, но не все они попадали по назначению: красноармейцы охотно принимали вражеские грузы.

Блокирование опорного пункта Любино Поле завершилось 11 февраля 1942 года. Выполнение этой задачи позволило нашим войскам значительно расширить прорыв, что было важно для безопасности коммуникаций 2-й ударной армии, части которой уже вклинились в оборону противника на запад от Волхова на 60—70 километров и находились в пятнадцати километрах от Любани и в тридцати — от частей 54-й армии Ленинградского фронта. Тысячи советских людей были вызволены из фашистской неволи. Многие из них находили приют в солдатских землянках и ждали окончательного освобождения родных мест.

13 февраля 111-я дивизия была подчинена 59-й армии. Теперь она получила задачу наступать вдоль железной дороги Новгород—Чудово в северном направлении. Командование стремилось максимально расширить горловину прорыва, в которую вошли конный корпус генерала Гусева и 2-я ударная армия. Наступление велось на Любань.

Немцы яростно контратаковали боевые порядки наших подразделений, стремясь сдержать их продвижение. С 14 по 16 февраля было отбито пять контратак. На седьмой день наступления части дивизии перерезали дорогу, соединяющую два мощных опорных пункта: Ольховку и Спасскую Полисть, и продолжали продвигаться к Чудову.

Дивизия двигалась по густому хвойному лесу. Четко обозначенной линии фронта не было. Нередко подразделения, сами того не подозревая, оказывались на флангах или даже в тылу противника. Завязывались короткие, но жаркие бои, которые обычно заканчивались разгромом гитлеровцев.

Бывало, что и немецкие части проникали в наш тыл. 20 февраля рота фашистских автоматчиков совершила нападение на второй эшелон 532-го стрелкового полка. Тыловики не растерялись. Первым заметил приближение гитлеровцев начфин полка старший лейтенант Носов. Он быстро организовал оборону. Ездовые, повара, санитары, раненые, все, кто мог держать в руках винтовку и гранату, уничтожили около сотни гитлеровцев, обратив остальных в бегство. На просеке недобитые фашисты столкнулись с нашей разведкой и были окончательно разгромлены.

Преодолевая упорное сопротивление противника, 2 марта батальоны лейтенанта Тараненко и старшего лейтенанта Катышева из 468-го стрелкового полка перерезали вторую дорогу, соединявшую пункты Сенная Кересть и Глушица, а через четыре дня достигли населенного пункта Карпов-2, что в семи километрах юго-западнее Чудова. На этом наше продвижение вперед закончилось. Началось затухание наступательных действий и на других направлениях.

Воины сетовали на отсутствие поддержки с воздуха, на недостаток снарядов, на плотный огонь противника. Вражеская авиация буквально висела над нашими войсками, прижимая их к земле. А гитлеровских стервятников никто не беспокоил: ни зенитчики, ни летчики. Как писал позже маршал К. А. Мерецков, Волховский фронт в те тяжелые дни имел всего-навсего двадцать истребителей, а зенитных батарей вообще не было¹.

«Наш 286-й артиллерийский полк находился в районе деревни Ольховка, — вспоминает командир орудия старший сержант Виктор Ильич Седаков. — Батареи были расположены в болотах и кустарниках. Сначала утонули в глубоком снегу, а затем снег растаял и приходилось искать сухое место на кочках и в кустах. Орудия засасывало в пучину, лошади перебиты, боеприпасов очень мало. Так как пехоты впереди не было, то у нейтральной полосы залегли сами артиллеристы. От врага их отделяло 100 метров».

Семнадцать суток артиллеристы отбивали атаки. Из ста пятидесяти воинов, бывших студентов педагогического института имени Карла Либкнехта, отстаивающих этот рубеж, осталось в живых лишь несколько человек.

На помощь дивизии подходили резервы. Нелегко было маршевым ротам преодолеть узкую щель прорыва, которая прошивалась ружейным и пулеметным огнем, обстреливалась из пушек и минометов. Медицинская помощь раненым и даже сложные операции проводились в палатках, разбитых в 300—400 метрах от передовой. Как только стемнело, колонны подносчиков тащили в заплечных мешках боеприпасы и продовольствие на передовую, а возвращались с ранеными. Когда

¹ К. А. Мерецков. Страницы воспоминаний. М., Политиздат, 1970, стр. 228.

таял снег и шел дождь, настилы скрывались под водой. Люди шли в болотном месиве, падали в воронки, путались в проволочных заграждениях.

Немецкие войска с каждым днем все ожесточеннее контратаковали позиции наших войск, обеспечивавших коммуникации 2-й ударной армии западнее Мясного Бора. 19 марта противнику удалось перерезать коридор в четырех километрах к западу от Мясного Бора. Затем в течение двух с половиной месяцев, до 6 июня, когда немцы окончательно закрыли этот коридор, шли ожесточенные сражения. С обеих сторон на узкую полосу земли враг ежедневно выбрасывал тысячи снарядов и мин. Борьба с превосходящими силами врага шла на равных.

Дивизия не воевала еще и года, но на ее долю выпало немало боевых испытаний. Сколько пройдено дорог, сколько ожесточенных сражений? И все это в тяжелейшей обстановке.

Ратный подвиг дивизии получил высокую оценку. За героизм и мужество 111-я стрелковая дивизия 17 марта 1942 года была переименована в 24-ю гвардейскую стрелковую.

Радостная весть разнеслась по всем частям и подразделениям. Приказ Народного Комиссара обороны был прочитан в каждой роте и батарее, в каждом взводе и артиллерийском расчете.

В эти дни дивизия заняла рубежи перед сильно укрепленной фашистами Спасской Полистью, расположенной на шоссе Новгород—Чудово. Молодые гвардейцы обрушили всю мощь своего огня на вражеские укрепления. Полтора месяца дрались они с неослабевающим упорством. 19 марта 1942 года у деревни Приютино погибли Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Николай Васильевич Оплеснин и начальник штаба дивизии гвардии подполковник Рубен Асоторович Арутюнян. Каждый гвардеец тогда дал клятву драться с врагом так, как дрались Оплеснин и Арутюнян.

В середине мая 24-я гвардейская дивизия была временно выведена из боев в район деревни Вяжищи, расположенный на восточном берегу Волхова. Здесь полки пополнили свои ряды, привели в порядок материальную часть, отдохнули и через двадцать дней

вновь заняли позиции в районе Спасской Полисти. Армиям Волховского фронта предстояло вместе с защитниками Ленинграда разорвать кольцо блокады.

В это время командир дивизии полковник Сергей Васильевич Рогинский и полковой комиссар Гавриил Семенович Емельяненко были вызваны в штаб Волховского фронта, где получили новые назначения. Рогинский принял 4-й гвардейский корпус, а Емельяненко возглавил политотдел 4-й армии. Командование дивизией временно принял начальник штаба подполковник Мамед Асманович Асманов.

Вторая половина июня и первая декада июля 1942 года прошли непривычно тихо. Обе стороны молчали. Природа залечивала раны, оставленные разрывами снарядов и мин. Обильно росла лесная трава с цветами «иван-да-марья», оделись в зеленый наряд искалеченные березы, появились лесные птицы. Но это было затишье перед бурей.

Чтобы хорошо воевать и жить с минимальными удобствами, красноармейцы строили в болотах, вместо траншей, деревоземляные насыпи, вместо окопов — насыпные открытые площадки, прокладывали бревенчатые настилы и гати, сооружали деревянные платформы для пушек и минометов. Все это отнимало много сил, требовало изобретательности.

Как всегда, в такие фронтовые паузы много работы было у разведчиков. Каждую ночь они уходили в поиск — командование должно знать силы противника. Однажды разведчики взяли «языка», которого до тех пор долго не удавалось захватить. Как было дело — рассказал участник группы захвата Александр Карасев.

...Исходный рубеж наблюдательного пункта. Хорошо видна немецкая оборона. Немцы без всякой маскировки «закапывались» в землю. На второй день разведчики заметили зеленый бугорок. Он то появлялся, то пропадал.

«Так ведь это немецкий секрет!» — определили разведчики. Смена поста проходила ранним утром и поздним вечером. Решили взять «языка» утром, сразу после смены. Высокая трава и кустарник позволили почти вплотную приблизиться к цели. В окоп прыгнули Андрей Фролов и Петр Гуцол, самые сильные и ловкие. Четверо из группы захвата поспешили на помощь, а затем

вместе с добычей стали быстро уходить в тыл. Шесть человек прикрыли их отход.

Операция прошла без единого выстрела. Дюжего обер-ефрейтора рассмотрели уже на своей территории, сняв с него маскировочную плащ-накидку и зеленую сетку, надетую поверх каски. Первое время фриц менялся в лице, дрожал, не мог сказать ни слова. Потом охотно принял от разведчиков еду, при этом жаловался на плохое питание в своей армии, часто восклицал: «Гитлер капут!»

На первом же допросе выяснилось: перед командованием стоял матерый фашист, прослуживший в гитлеровской армии шесть лет. Он хвастался походами по странам Западной Европы, нагло говорил и о целях прихода на русскую землю, и о своем расовом превосходстве. Однако страх за собственную шкуру заставил дать нужные показания. Впоследствии эти данные очень пригодились тем, кто сменил 24-ю дивизию у Спасской Полисти.

В ночь на 11 июля дивизия неожиданно была выведена вновь в район деревни Вяжищи. А затем под покровом ночи, походные колонны и обозы направились в Малую Вишеру. Здесь спешно погрузились в железнодорожные вагоны и поехали в сторону Москвы, затем — на Череповец и к Тихвину. Бойцы терялись в догадках — что означает этот трехдневный кружной путь? Но когда по вагонам разнеслось, что миновали Тихвин, никто уже не спрашивал, куда едем. У всех была одна мысль — мы будем прорывать блокаду Ленинграда.

В последний день пути гвардейцы на своих вагонах обнаружили надписи: «топливо», «продовольствие», «фураж». Это была маскировка. Раздадут старшины горячую пищу где-нибудь на глухом полустанке — и снова торопливый перестук колес.

Весь путь от малой Вишеры до деревни Вальково Волховского района был проделан за три дня и настолько скрытно, что не было ни одной команды «Воздух!» Выход частей на исходные рубежи остался незамеченным. Все приказы командиров отдавались устно.

2 июля 1942 года командование дивизией принял полковник Петр Кириллович Кошевой, впоследствии один из видных военачальников Советской Армии, Маршал Советского Союза.

Петр Кириллович уже воевал под Тихвином. Здесь он прошел в декабре 1941 года суровую школу. Его дивизия решала самую тяжелую задачу — овладеть городом. И успешно выполнила ее.

На новом участке Волховского фронта началось знакомство с местностью, с районом боевых действий, который, в общем, мало отличался от новгородских и чудовских лесов и болот. Только Синявинские высоты возвышались всего на десять-пятнадцать метров над болотистой равниной. Именно эти холмы были ключевой позицией. Противник просматривал с них местность на несколько километров окрест.

Фашисты сидели на Синявинских высотах уже одиннадцать месяцев и принимали все меры, чтобы сделать этот район неприступным. Здесь было множество узлов сопротивления и опорных пунктов, до предела насыщенных артиллерией и минометами, опоясанных мощными инженерными сооружениями. Гарнизоны опорных пунктов и узлов сопротивления размещались в прочных блиндажах, соединенных глубокими ходами сообщения.

От наших исходных рубежей на речке Черной до Невы было всего шестнадцать километров. Все командиры и бойцы считали, что при хорошей подготовке к наступлению и дружном натиске можно достичь берега Невы за два дня.

Противник значительно усилил группу армий «Север». К осени 1942 года сюда была переброшена часть войск из Крыма, сосредоточены крупные силы артиллерии и авиации. Общее руководство Гитлер возложил на генерал-фельдмаршала Манштейна, которого считал специалистом по штурму приморских городов.

Каждый гвардеец нашего соединения хорошо понимал общую задачу совместных действий Волховского и Ленинградского фронтов. Главная роль в прорыве блокады отводилась Волховскому фронту. Командование решило прорвать оборону врага южнее Синявино и, выйдя к Неве, соединиться с частями Ленинградского фронта. К выполнению этой задачи привлекались две армии — 8-я и 2-я ударная. Наша 24-я гвардейская дивизия входила в состав 8-й армии. В ходе подготовки к наступлению большое внимание уделялось коммуникациям.

Полки получили пополнение. Вооружались и обучались тактике боя на ходу. Политработники дни и ночи проводили с бойцами. Они создавали ротные парторганизации, вели беседы о Ленинграде, о разгроме немцев под Москвой и Тихвином, о гвардейской присяге.

В один из августовских дней все части и подразделения дивизии выстроились на опушке леса для получения гвардейского знамени и нагрудных гвардейских знаков. Воины стояли в торжественном строю в новом обмундировании, с новым автоматическим оружием (ППШ и ППД), с гранатами.

Горнист сыграл: «Слушайте все». Небольшой дивизионный оркестр грянул марш, и на правом фланге развернулось алое полотнище гвардейского знамени. Оно величаво поплыло вдоль рядов. Представитель штаба армии принял древко из рук знаменосца и после краткого приветственного слова под мощное троекратное «ура» вручил символ гвардейской славы и доблести комдиву П. К. Кошевому.

Петр Кириллович стал на колени и поцеловал знамя. В этот же момент гвардейцы преклонили колена и поклялись не запятнать драгоценную реликвию в предстоящих боях.

В ночь на 27 августа дивизия заняла исходные рубежи. В первый эшелон встали 70-й и 71-й полки. Дивизии был придан танковый батальон 7-й танковой бригады. Однако командование больших надежд на танкистов не возлагало. Оно знало, что их техника не приспособлена к боям в условиях лесисто-болотистой местности. Так оно в ходе наступления и оказалось.

Петр Кириллович Кошевой вспоминает, что за три дня до штурма командиров дивизий прорыва вызвал комфронта К. А. Мерецков и каждому задал вопрос о готовности к наступлению. Об этом он дважды докладывал Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Настроение у всех было приподнятое. Воины твердо верили в успех. На острие атаки шли сильнейшие дивизии. За ними стояли наготове 4-й гвардейский корпус и 2-я ударная армия.

На рассвете 27 августа 1942 года началась двухчасовая артиллерийская обработка врага, завершившаяся

мощными залпами «катюш». После этого весь правый фланг армии от Ладожского озера до опорного пункта Вороново пришел в движение. Гвардейцы поднялись в атаку. В первый день наступления передовые части прошли три километра. На второй день стало труднее. Наш левый фланг не продвинулся ни на шаг. Командир дивизии приказал ввести в бой 72-й полк. На третий день части дивизии перерезали железнодорожную линию Мга—Шлиссельбург. До Невской Дубровки осталось не больше четырех километров.

В первой половине дня комдиву Кошевому позволил член Военного Совета фронта генерал-лейтенант А. И. Запорожец. «Вы знаете,— сказал он,— что недавно учрежден орден Александра Невского? Придете на Неву и получите этот орден».

Над расположением 72-го полка был сбит немецкий бомбардировщик. Летчик опустился на парашюте. Привели его к комдиву. Фашист вел себя вызывающе. Но на вопросы отвечал охотно. Он сказал, что служит в 1-ом воздушном флоте, который несколько дней назад переброшен под Ленинград с Запада. В конце допроса пленный угрожающе заявил, что удары с воздуха будут нарастать. Это оказалось правдой.

Одновременно с бомбовыми ударами начались контратаки.

В одном из телефонных разговоров с комдивом Кошевым начальник штаба фронта генерал-лейтенант Г. Д. Стельмах сказал, что на Волховский фронт прибыл «новый гость».

—Ты слышал про Манштейна?— спросил Кошевого Стельмах.— Это тот самый гитлеровский военачальник, который овладел Севастополем. Он пожаловал к нам со своей армией. Так что прошу, как говорится, любить и жаловать,— пошутил под конец начштаба фронта.

Гитлер перебросил Манштейна с задачей захватить Ленинград. Однако наступление соединений Волховского фронта вынудило гитлеровское командование направить прибывшие из Крыма и с Запада части на ликвидацию прорыва.

Как же складывалась обстановка в районе Синявино? Полки 24-й гвардейской дивизии были построены в два эшелона. Первым поднялся в атаку 70-й, а вслед за ним — 71-й полк. Воины с большим трудом форсировыва-

ли синявинские болота, отражая непрерывные контратаки, особенно опасные с флангов.

Наступающие не получали достаточной поддержки от артиллеристов и авиаторов. 70-й полк понес значительные потери еще при форсировании речки Черной. Выбыл из строя командир полка полковник Титов. Всю тяжесть кровопролитного боя принял на себя 71-й полк, который за три дня преодолел тринадцать километров в направлении к Неве. Гвардейцы были в четырех километрах от станции Мга и слышали грохот орудий Ленинградского фронта. В этих боях отличились гвардейцы 2-го батальона 71-го полка (командир И. П. Проценко, комиссар А. С. Дрыгин), отразившие три контратаки противника и уничтожившие шесть танков и до батальона фашистских автоматчиков.

В начале сентября противник оправился и отбивал все наши атаки. Несмотря на огромные потери в живой силе, фашисты стремились во что бы то ни стало перерезать наши коммуникации. Пятого сентября им это удалось. Был прорван левый фланг соседней дивизии и 72-го полка.

Были дни, когда бойцы отбивали по пять-семь контратак. В невероятно трудных и жестоких боях смертью храбрых пали сотни гвардейцев, в том числе командир 1-го батальона 70-го полка старший лейтенант И. Ф. Горюнов, командир 71-го полка подполковник И. Н. Моторичев и комиссар полка старший батальонный комиссар П. И. Амелин.

Нашим войскам на этом участке противостояли пять пехотных, три горно-егерские и одна танковая немецкие дивизии, много артиллерии и большая часть авиации 1-го воздушного флота. Пожалуй, в людях-то мы не уступали, а вот в технике, и особенно в авиации, силы явно были неравные.

В синявинских боях отличились гвардейцы 71-го полка, вклинившегося во вражескую оборону. Отражая непрерывные контратаки, красноармеец П. Г. Губченко уничтожил пятнадцать гитлеровцев, рядовой В. А. Яковлев гранатой подорвал пушку и уничтожил более десятка немецких солдат. Снайпер А. М. Мартынов истребил тридцать шесть фашистов. Губченко и Яковлев за свои подвиги были награждены орденами Ленина, а Мартынов — орденом Красного Знамени.

Бронебойщик сержант К. П. Куликов подбил сначала орудие противника, а затем гранатой уничтожил весь расчет.

Дерзко и самоотверженно действовали артиллеристы 50-го гвардейского полка, которым командовал гвардии подполковник, ныне генерал-полковник, начальник академии имени Дзержинского Ф. П. Тонких. За первые два дня наступления было уничтожено более двухсот немецких солдат, три минометных батареи, десять пулеметных точек и подавлен огонь двух пушечных батарей. Меткость артиллерийских залпов достигалась тем, что наблюдатели шли вместе с пехотой и корректировали огонь батарей. Один из них, гвардии старший лейтенант Козловский, был ранен, но не покинул поля боя, сказав: «Ленинград — впереди, и я пойду только вперед».

Во время одной из вражеских контратак на батальон старшего лейтенанта Буткевича из 72-го гвардейского полка шли восемь танков и до батальона пехоты. Бронебойщики младшего лейтенанта Чуракова меткими выстрелами остановили две машины, но остальные продолжали ползти вперед. Тогда вступили в дело расчеты противотанковых пушек. Командир батареи младший лейтенант Н. В. Шишкин был уже дважды ранен, истекал кровью и не мог вести огонь. Тогда к орудиям встал старший лейтенант К. М. Байгарин. Он сумел подбить еще три танка. Остальные повернули назад.

Группа автоматчиков во главе с политруком роты Рыбалко, отражая яростную контратаку, уничтожила около сотни немецких солдат. Противник отступил с большими потерями. В этом бою пал смертью храбрых и отважный политрук, и многие его соратники.

20 сентября противник перешел в общее контрнаступление, пытаясь отрезать и расчленить наши передовые части, в том числе и 71-й гвардейский полк, которым после гибели командира и комиссара стал командовать начальник штаба гвардии капитан Т. И. Степанов.

Обстановка в районе Гайтолово сложилась трудная. Бойцы не имели автоматных патронов, а доставка боеприпасов прекратилась, так как коммуникации были нарушены. В день приходилось отбивать по пять-шесть контратак. Гвардейцы сражались стойко.

28 сентября в штабе 71-го полка был получен приказ командования дивизии отойти на восточный берег Черной реки.

Вот как это было. Собрав под покровом ночи бойцов, капитан Степанов повел их на штурм немецкой группировки, перерезавшей путь к основным частям 8-й армии. План командира был дерзок. Он направил группу прорыва по кратчайшему пути через населенный пункт Гайтолово, где было наибольшее скопление немцев, а не луговиной, по которой они вели прицельный артиллерийский и минометный огонь.

Вслед за группой прорыва на вражеские позиции ринулись и другие подразделения. Приходилось действовать штыком и прикладом. Конечно, без потерь не обошлось, хотя они были сравнительно невелики. Немцы скоро разгадали замысел гвардейцев, но не могли применить массированного огня, так как наши воины вели бой в самой гуще захватчиков. Воспользовавшись несколькими минутами замешательства в стане врага, основная масса отряда Степанова прорвалась к нашим передовым траншеям на восточном берегу Черной реки.

Однако вторая группа под командованием комиссара второго батальона политрука А. С. Дрыгина, прикрывавшая группу капитана Степанова, оказалась отрезанной от основных сил полка. Патронов не было. Приходилось отбиваться от наседавших гитлеровцев трофейными ручными гранатами.

Ветеран дивизии Анатолий Семенович Дрыгин вспоминает, что в руколашной схватке 28 сентября из пистолета застрелил четырех гитлеровцев. Под покровом ночи ему удалось собрать бойцов и вновь сколотить отряд. Однако несколько попыток вырваться из окружения в ночь на 29 сентября оказались безуспешными. Нащупать слабые места в его расположении помогло тщательное изучение расположения противника. На рассвете 30 сентября политрук Дрыгин вывел из немецкого тыла более двухсот воинов. С этого времени Анатолий Семенович стал командовать вторым батальоном 71-го гвардейского стрелкового полка.

Частям и соединениям Волховского и Ленинградского фронтов не удалось прорвать блокаду Ленинграда. Они с болью в сердце оставляли обильно политые

своей кровью, отвоеванные метры родной земли, но, несмотря на отступление наших войск, расчеты гитлеровского командования взять штурмом город Ленинград осенью 1942 года потерпели окончательный крах. Все свои резервы, переброшенные с других фронтов, враг был вынужден израсходовать на Синявинских высотах.

Если осенью 1942 года нашим войскам не удалось прорвать блокаду, то в январе 1943 года 2-я ударная армия под командованием генерала Романовского эту задачу выполнила. 24-я гвардейская дивизия в этот успех внесла весомую долю ратного труда.



МЕЖ ВОЛГОЙ И ДОНОМ

Эшелоны идут на юг. — На речке
Мышковой. — Гвардейцы наступают.

Трудные дни переживала наша Родина осенью и зимой 1942 года. Враг, не считаясь с огромными потерями, рвался к Волге, захватил значительную территорию на Северном Кавказе, стремился отрезать Москву от южных районов страны.

На Сталинградском и Кавказском направлениях немцы сосредоточили огромные людские и материальные силы. Под Сталинградом действовали пятьдесят дивизий, 6-я полевая и 4-я танковые армии врага. Для отпора им советское командование создало резервные армии. Одна из них во второй половине октября 1942 года стала 2-я гвардейская. Ее костяк составили обстрелянные бойцы гвардейских соединений, воевавшие на различных фронтах. В числе их была и наша дивизия, которая по приказу оставила Волховский фронт 15 октября.

Эшелоны шли по знакомой дороге — через Тихвин, Череповец, Вологду. Остался позади Волховский фронт, хмурый Северо-Запад с его суровой природой, болотами и лесами, ломаной линией фронта, где воины дивизии стойко переносили тяжелейшие испытания.

Всем хотелось взглянуть на Москву. Но эшелоны прошли ее ночью по окружной дороге. Много было разговоров и предложений о том, куда идут наши поезда... Миновали Тамбов.

— Ну, конечно же, теперь наш путь в Саратов! А может, к Сталинграду? — рассуждали в теплушках.

Догадкам положила конец команда разгружаться на станции Платоновка. После семикилометрового марша навстречу ледящему ветру, части пришли в город Рассказово. Население тепло приняло воинов. Но гостеприимные рассказовские домики вскоре пришлось оставить. Подразделения отправились в ближайший лес, где началось сооружение землянок. За два дня гвардейцы построили не только жилье, но и бани. Военская жизнь пошла своим чередом. В те дни солдаты часто получали посылки и письма из глубокого тыла. Как они согревали сердца бойцов!

Через неделю в дивизию стали прибывать новички: тихоокеанские моряки, курсанты училищ — молодец к молодцу! Что и говорить, отличное пополнение!

Начали выдавать новое зимнее обмундирование — полушубки, валенки. Морякам очень не хотелось расставаться с привычной формой, и командование разрешило бушлаты и тельняшки на вещевые склады не сдавать.

Дивизия получала новые автоматы, пулеметы, пушки, минометы и другое вооружение. Это радовало гвардейцев. Значит, советские люди в глубоком тылу сумели за короткий срок наладить производство отличного оружия.

Части комплектовались и проходили тактические учения. Политработники вели кропотливую партийную и комсомольскую работу. За месяц, который незаметно пролетел в напряженной работе, в партию было принято свыше четырехсот воинов, отличившихся в боях на Волховском фронте.

Бойцы внимательно следили за фронтовыми сводками. С огромной радостью слушали сообщение Совинформбюро 23 ноября. В нем говорилось об успешном окружении вражеской группировки под Сталинградом.

Наконец подготовка и комплектование частей дивизии завершились. Теперь уже никто не сомневался, что вновь созданная 2-я гвардейская армия, а в ее составе и 24-я дивизия, предназначена для окончательного разгрома окруженных немецких сил в районе Сталинграда.

В начале декабря части дивизии вновь погрузились в железнодорожные теплушки. Теперь каждая рота занимала по несколько вагонов, а не один-два, как это

было месяц назад, когда ехали с Волховского фронта. В вагонах было весело, разучивались новые песни, привезенные моряками и курсантами. Особенно понравилась всем тогда песня Дунаевского «На врага, за Родину, вперед!» Дивизионные разведчики в пути дали два самодеятельных концерта.

В Рассказове, в дивизионном клубе, был создан ансамбль из профессиональных работников эстрады. Участники ансамбля распределились на марше по вагонам и также устраивали небольшие концерты. Многим понравился дуэт Одарки и Карася в исполнении Людмилы Ходыкиной и Владимира Ивасенко. Всеобщий восторг вызвала впервые услышанная песня «Ты, одесит, Мишка».

На станции Иловля и Лог составы прибыли ночью. Утром гвардейцы покинули обжитые теплушки, плотно поели и с полной боевой выкладкой встали на лыжи. Предстоял форсированный марш. В лицо дул ледяной ветер. В пути над колонной появились два «кукурузника» — так бойцы называли самолеты У-2. С них сбросили какие-то тюки. Выяснилось, что в воздушных посылках были рукавицы, которых не оказалось на дивизионном вещевом складе во время комплектования. Забота тыловой службы подняла настроение. Солдаты шутили, что при такой экипировке сам черт не страшен.

Погода была неустойчивой. Днем шел снег с дождем, а ночью мороз сковывал одежду и обувь так, что люди с трудом могли передвигаться. Первые десятки километров солдаты пытались идти на лыжах, но вскоре пришлось от них отказаться. Многие приспособивали лыжи вместо санок и везли на них свое снаряжение. Через каждый час делали десятиминутные привалы. Люди ложились и мгновенно засыпали. Но команда «подъем» вновь поднимала гвардейцев, и они занимали свои места в походных колоннах.

Прошло больше суток. За спиной осталось шестьдесят пять километров, а марш продолжался. Хорошо экипированные для действий в зимних условиях гвардейцы оказались в тяжелом положении, когда наступила оттепель. За день валенки набухали от сырости, а ночью замерзали. Бойцы смертельно устали, многие спали на ходу, некоторые обмораживались.

Первым крупным населенным пунктом был город Калач. Здесь гвардейцы увидели множество разбитых немецких автомашин, бронетранспортеров, танков и другой военной техники. Эта картина ободрила воинов, уставших от многокилометрового похода.

Не доходя до Калача, на Дону дивизия получила несколько неожиданный приказ: продолжать марш в юго-западном направлении и быть готовой к встречному бою с механизированными частями под командованием уже знакомого нам по Волховскому фронту генерал-фельдмаршала Манштейна.

В хуторе Вертячем, встретившемся на пути, противник также оставил много танков и бронетранспортеров. Такого количества трофейной техники бойцам еще не приходилось видеть, и они с интересом рассматривали бронированные чудовища с крестами на бортах.

Но что это? Навстречу бредут, опустив головы, красноармейцы, беспорядочно движется артиллерия на конной тяге, санитарные повозки с ранеными, тыловики. Выяснилось, что под напором войск Манштейна отступают из-под Котельникова наши части. Гвардейцы молча пропускали отступающих через свои ряды. Стало понятно, что впереди — встреча с врагом, рвущимся на выручку Паулюса. «Еще один удар, и блокада будет снята», — так писали в листовках, сбрасываемых с самолетов в Сталинградский котел, фашистские захватчики. Передовым частям Манштейна до окруженных войск оставалось пройти около тридцати километров. Но на их пути встала 2-я гвардейская армия.

К вечеру 19 декабря командир дивизии П. К. Кошевой на «эмке» выехал на речку Мышкову. Левый берег — обрывистый, правый — пологий. Ширина речушки не более четырех метров, а глубина — по колено.

Здесь комдив встретил заместителя командира отступающего корпуса генерала Шарагина, который сказал, что он идет последним. «Вот ведь как получается, — подумал Кошевой, — войска наступают — командир в авангарде, войска отступают — командир в арьергарде...». Но размышления были прерваны налетом немецкой авиации. Фашистские стервятники гонялись буквально за каждым грузовиком, каждым солдатом.

Пришлось оставить «эмку», наскоро забросать ее снегом и залечь за снежным бугром. Здесь же, на бугре, на скорую руку был оборудован НП.

Что в это время происходило на противоположном берегу речушки Мышковой, где находился хутор Нижне-Кумский?

Наблюдая за противоположным «вражеским» берегом, комдив увидел, что он очень обрывистый, лишь в одном месте прорыт крутой спуск к реке, на котором, как вкопанный, стоит «студебеккер».

К автомашине подошел немецкий танк, но тут же развернулся и залязгал гусеницами в Нижне-Кумский. В это время хутор огласился сильным шумом.

Первоначально там появилось несколько десятков танков. Вслед за ними на бронетранспортерах, автомашинах и мотоциклах прибыло до батальона пехоты. Солдаты стали разбегаться по домам и закапываться на северной окраине. Вскоре в Нижне-Кумском появилась артиллерийская часть.

В это время к наблюдательному пункту П. К. Кошеревого подошли передовые батальоны 70-го и 72-го полков, которыми командовали капитаны Д. В. Казак и В. И. Тимошенко, закадычные друзья. Казаку комдив приказал занять рубеж, а ночью атаковать хутор Нижне-Кумский. Тимошенко же велено быть на чеку, и если батальону капитана Казака будет тяжело, по его сигналу оказать необходимую помощь.

Казак и Тимошенко сознавали, что задача предстоит нелегкая, договорились помогать друг другу. Казак, по натуре сдержанный, четко повторил поставленную перед ним боевую задачу и попросил разрешения готовить людей к атаке. Тимошенко, более резкий и отчаянный, заверил, что он своего друга в беде не оставит. Комбатам дали прямую связь с НП командира дивизии и радиостанции, работающие на коротком расстоянии.

Вскоре на наблюдательный пункт прибыли командиры 70-го и 72-го полков майор Петр Петрович Ткаченко и полковник Гавриил Ефимович Кухарев. Это были мужественные офицеры, обладающие большим военным опытом. Оба они не раз побывали в переделках на Волховском фронте.

Петр Петрович, оптимист и весельчак, в самых сложных ситуациях всегда находил единственно пра-

вильное решение. Офицеры полка уважали его за простоту, душевность и большую заботу о личном составе.

Полковник Кухарев был другого склада. В боевой обстановке он так же, как и Ткаченко, разбирался хорошо, управление боем всегда твердо держал в своих руках, в нужный момент умел поддержать подчиненных, поднять боевое настроение. Но мы знали за ним небольшую слабость: любил прихвастнуть. Вот и сейчас, услышав о задании, которое получил капитан Казак, Гавриил Ефимович бодро воскликнул: «Да мы их в два счета разнесем!»

На левом фланге 24-й дивизии заняла оборону 98-я дивизия под командованием полковника И. Ф. Серегина. Правым нашим соседом была 300-я дивизия полковника И. М. Афонина. 33-я дивизия генерала А. И. Утвенко находилась во втором эшелоне 1-го гвардейского корпуса, которым командовал генерал И. И. Миссан.

Итак, 2-я гвардейская армия развернулась против войск Манштейна. Теперь задача состояла в том, чтобы не только остановить немцев на реке Мышковой, но и разгромить их на этом рубеже, а затем преследовать на Котельниковском направлении. Дивизия должна была в ночь на 20 декабря атаковать противника в хуторе Нижне-Кумском и развивать успех в направлении населенного пункта Верхне-Кумский.

Основной удар наносил 3-й батальон 70-го полка, которым командовал капитан Д. В. Казак. Вспомогательный, сковывающий удар справа должен был нанести 2-й батальон 72-го полка под командованием капитана В. И. Тимошенко.

Вместе с командирами полков комдив еще раз вышел на передний край обороны, уточнил с ними рубежи для броска в атаку. Он пожелал офицерам боевого успеха и возвратился на свой наблюдательный пункт, когда уже совсем стемнело.

Порывистый ветер гнал поземку. Но в траншее было сравнительно тихо и тепло. Ординарец принес кусок вареного мяса и как-то ухитрился приготовить горячий чай. Только тогда П. К. Кошевой вспомнил, что почти сутки ничего не ел.

Атака была назначена на самое глухое время. В два часа ночи батальон Казака перешел речку Мышкову и бросился на штурм. Разгорелся жаркий бой, длившийся-

ся до рассвета. Противник открыл сильнейший огонь. Рота лейтенанта Кречета сумела выдвинуться на окраину хутора с левого фланга и бросилась в атаку. В тот же момент заговорили минометы лейтенанта Орумбекова. Под прикрытием минометного огня гвардейцы Кречета напали на фашистских танкистов и в считанные минуты уничтожили двадцать танков и их экипажи.

Бой то затихал, то разгорался с новой силой. Гвардейцы метр за метром продвигались вперед. Бронебойщики Фофанов и Болдырев под командованием сержанта Лодского, действуя на правом фланге, подбили два танка и подожгли автомашину противника.

В ночном бою батальон капитана Казака овладел половиной хутора Нижне-Кумский и прочно там закрепился.

Как только наступил рассвет, в Нижне-Кумский приехал П. К. Кошевой. Там уже был Ткаченко, а вскоре появился и Кухарев. Когда совсем рассвело, Кошевой встретил до предела измученного и раненного в руку и ногу Казака. Комдив спросил, что осталось от его батальона.

— Сказать пока точно не могу, но потери большие, товарищ генерал, — ответил тот.

Потери в батальоне капитана Казака составляли около половины личного состава. Ночная атака обеспечила внезапность нападения, но невозможно было применить танки и артиллерию. А силы у фашистов были немалые. Вот почему так трудно пришлось атакующему батальону.

— Давал ли ты сигнал своему другу Тимошенко? — спросил генерал.

— Нет, — сказал Казак.

Помощи он действительно не просил. Комдив приказал срочно эвакуировать раненного комбата в госпиталь.

Позднее Кошевой случайно встретил в Москве Тимошенко, который после Сталинграда стал командовать полком в 33-й дивизии. Вскоре Тимошенко было присвоено звание Героя Советского Союза...

21 декабря, рано утром, гитлеровцы контратаковали 70-й полк силой до сорока танков в сопровождении пехоты. Бой сразу принял ожесточенный характер. Особенно много работы выпало на долю бронебойщиков.

Первым подбил вражеский танк красноармеец Глубчиков. Затем сержант Петушков в течение нескольких минут поджег четыре танка, а комсомолец Блинов — шесть.

Когда выбыл из строя пулеметный расчет, старшина третьей роты комсомолец М. М. Рец пропустил фашистские танки, а затем поднял из траншеи станковый пулемет и открыл огонь по пехоте, уничтожив более двух десятков немецких солдат. Вдруг его пулемет замолчал, и сразу же пятеро фрицев бросилось на пулеметчика. Действуя штыком и прикладом, смельчак сразил троих, а двое убежали.

В разгар боя на позицию первого взвода противотанковых ружей лейтенанта А. Н. Кулдышева прорвались танки. Один из них Кулдышев подбил из противотанкового ружья. В это время осколком снаряда ему оторвало правую руку. Обливаясь кровью, Кулдышев схватил левой рукой противотанковую гранату и бросился под второй танк. Ценой жизни мужественный офицер спас свое подразделение. За этот подвиг гвардии лейтенант комсомолец А. Н. Кулдышев был посмертно награжден орденом Ленина.

В ночь на 22 декабря части дивизии полностью выбили немцев из Нижне-Кумского.

Теперь на пути дивизии был хутор Верхне-Кумский. Вели туда две дороги. По правой шли 72-й и 50-й полки. По левой — первым двигался 70-й, а за ним — 71-й полк. Генерал Кошевой ехал впереди семидесятого.

Справа вспыхнул бой. Это передовой отряд 72-го полка наткнулся на боевое охранение немцев. Кошевой остановил машину, прислушался. Проехали еще немного и вдруг — взрыв! «Эмка» подорвалась на mine. Капитан Иван Ламбоцкий сидел впереди, его ранило в ногу, а комдива слегка контузило. Оказывается, заехали на минное поле, с которого с трудом удалось выбраться.

В боях за хутор Верхне-Кумский отличились гвардейцы 72-го стрелкового и 50-го артиллерийского полков. Здесь шел ожесточенный бой с немецкими танками. Артиллеристы поставили орудия на прямую наводку, уничтожив девятнадцать машин. Участник этого сражения командир артиллерийского взвода лейтенант А. А. Михно вспоминает:

«Задачу моему взводу ставил начальник артиллерии дивизии подполковник Сапрыкин. Она состояла в том, чтобы быстрым маршем выйти на рубеж, занятый 72-м стрелковым полком, установить связь с командиром полка полковником Кухаревым, быть готовым к отражению контратаки, а ночью вести по противнику огонь. При этом необходимо было непрерывно менять огневые позиции...

Всю ночь с разных позиций слышались выстрелы и разрывы мощных снарядов. На рассвете 23 декабря 1942 года немецкая пехота под прикрытием танков и артиллерийско-минометного огня пыталась сбить наши части с занятых рубежей. Гвардейцы сражались мужественно и не только отбили атаки гитлеровцев, но и сами перешли в наступление. Захватчики упорно отстаивали каждое здание. Многие их танки из-за недостатка бензина были закопаны в землю, и использовались как неподвижные огневые точки. Однако они не могли сдерживать нашего натиска».

В этом бою отличились многие воины дивизии. Геройские подвиги лейтенанта Кулдышева, капитана Казака, старшины Реца и многих других вдохновляли солдат и офицеров на массовый героизм. На плечах отступающего врага дивизия ворвалась в хутор Верхне-Яблочный.

В декабре на Дону стояли двадцатиградусные морозы, сопровождающиеся жгучим восточным ветром.

— Было это в конце дня 24 декабря,— рассказывает маршал П. К. Кошевой.— У меня до того замерзли ноги, что никакого терпения не было. Я зашел в хату и попросил затопить печь. Сажу около огня, отогреваюсь. Вдруг нагрянул представитель ставки генерал-полковник А. М. Василевский в сопровождении командира соседней 33-й дивизии генерала А. И. Утвенко.

— Ну, брат, видел вашу работу! — сказал довольный Александр Михайлович.— Молодцы дрались вы гвардейцы!

...В Волгограде на Мамаевом кургане скульпторы вылепили барельеф героя-краснофлотца Михаила Панчахи.

Этот мужественный воин из противотанкового ружья подбил семь танков. Кончились боеприпасы, когда на него напозла восьмая машина. Под рукой

оказалась бутылка с горючей жидкостью. Когда моряк взмахнул рукой, чтобы бросить бутылку в танк, ее разбила вражеская пуля. Облитый жидкостью, он вспыхнул как факел. Отважный воин бросился на жалюзи танка и своим телом поджег машину. Об этом беспримерном подвиге краснофлотца из 62-й армии в тот же час стало известно всем воинам 2-й гвардейской армии. Политработники вспомнили о литературном герое Данко из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль», который в трудную минуту вырвал из своей груди сердце. Оно вспыхнуло ярким пламенем, осветив идущему за Данко народу путь из мрака.

Враг много раз бросался в контратаки, посылая вперед танковые подразделения. Как только фашистские танки приближались на дистанцию, позволяющую разить наверняка, гвардейцы обрушивали на них всю мощь своего огня.

За первой цепью танков следовали обычно вторая, третья и четвертая, уже с автоматчиками на броне. 23 декабря в Верхне-Кумском на 72-й полк шли даже пятый и шестой эшелоны. Однако немногие из врагов остались целы. Это был гигантский костер горящей немецкой техники. Каждый советский солдат свято соблюдал железный закон: «Там, где обороняется гвардия, — враг не пройдет».

Измотав силы Манштейна, 2-я гвардейская армия не позволила ему продвинуться ни на шаг. Боевая задача Верховного Главнокомандующего была успешно выполнена.

Героическими усилиями советской гвардии план гитлеровского командования вывести из окружения армию Паулюса был сорван. Механизированные части под командованием Манштейна в результате огромных потерь утратили наступательную способность. 2-я гвардейская армия получила возможность приступить к выполнению главной своей задачи — окончательному разгрому Котельниковской группировки противника.

Теперь гвардейцам предстояло оправдать второй свой девиз: «Там, где наступает гвардия, — враг не устоит!». В приказе командующего 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанта, впоследствии Маршала Совет-

ского Союза Р. Я. Малиновского, ставилась задача: «Нанести главный удар на правом фланге в направлении Громославки, балка Неклинская, чтобы во взаимодействии с войсками 51-й армии окружить и уничтожить основные силы неприятеля на рубеже реки Аксай. В дальнейшем развивать наступление на Котельниково»¹. Полоса наступления армии уже расширилась до сорока, а глубина — до 100 километров. Командующий решил всю операцию провести за четыре дня.

В 8 часов утра 24 декабря 1942 года после десятиминутного артобстрела переднего края противника 2-я гвардейская армия пошла в наступление. Первые минуты боя показали, что фашисты не намерены отходить с рубежей, взятых ими с огромными потерями. Они непрерывно и яростно бросались в контратаки в сопровождении танков, артиллерии и при поддержке с воздуха. Особенно отчаянно сопротивлялись гитлеровцы в районах Верхне-Кумского и Васильевки. Именно сюда был направлен главный удар армии — во фланг и тыл вражеской группировки, а осуществляли его наша 24-я гвардейская и 98-я стрелковая дивизии. Через четыре часа после начала атаки гвардейцы 72-го и 50-го полков полностью очистили Верхне-Кумский.

71-й полк ворвался в населенный пункт Громославка. Здесь разгорелся жаркий танковый бой. Танкистам успешно помогали наши бронебойщики и артиллеристы. Ни одному вражескому танковому экипажу не удалось вырваться из Громославки.

Сбитый с позиций на речке Мышкова, где теперь проходит канал Волго-Дон, неприятель, прикрываясь сильными танковыми арьергардами, отходил за реку Аксай. В оперсводке штаба армии говорилось: «С утра 24 декабря войска армии главными силами перешли в наступление, нанося удар в направлении Громославки, Шестаков. Оказывая упорное сопротивление, противник оставил Верхне-Кумский, Спецпоселок, колхоз им. 8 марта, Заготскот, Васильевку, Парижскую Коммуну, Бирзовой. Огнем артиллерии и минометов противник пытается задержать наступление наших войск, но всюду сметается с пути. Набирая темпы и развивая

¹ «В наступлении гвардия». Воениздат, 1971, стр. 51.

успех, гвардейцы стремительно продвигаются вперед...». ¹

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. Фашисты за ночь сумели довольно прочно закрепиться на подступах к реке Аксай, поставили плотную огневую завесу. Только во второй половине дня полки 24-й дивизии при поддержке 7-го танкового корпуса под командованием генерала Т. А. Ротмистрова овладели населенным пунктом Новоаксайск, а части соседней 98-й дивизии полковника И. Ф. Серегина форсировали реку Аксай и завязали бои на окраине хутора Заливского.

Развивая успех, части дивизии 25 декабря заняли населенные пункты Генераловский и Ново-Аксай. В этой операции отличился второй батальон 71-го полка под командованием гвардии капитана А. С. Дрыгина. Бойцы батальона стремительным броском с марша овладели хутором Генераловский, не потеряв ни одного человека. В бою А. С. Дрыгин был ранен — пуля вошла в шею и застряла под левой лопаткой. Но несмотря на это, он в течение суток оставался в строю. Батальон отбил три яростных атаки врага, а затем сам перешел в наступление. Лишь после этого командир оказался в медсанбате. Однако через неделю он уже был со своим батальоном. За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, и за умелое руководство боевыми действиями батальона А. С. Дрыгин был представлен к ордену Красного Знамени.

В боях за Генераловский и Ново-Аксай гвардейцы наголову разгромили вторую румынскую пехотную дивизию.

До Котельникова оставалось около семидесяти километров. Командование армии решило остановить передовые стрелковые части, чтобы привести их в порядок после недельных сражений, подтянуть резервы.

Перед дивизионной и полковыми разведками была поставлена задача — уточнить силы обороняющегося противника и при возможности взять пленных. Сводную группу дивизионной разведки возглавил сержант Ковальчук. Исходной позицией был намечен хутор Генераловский. Дальше на юго-запад, примерно в километре, находился противник. Разведчики шли справа

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 20, ч. 17.

от дороги, ведущей на Котельниково. Чутье подсказывало им, что враг близко.

Вдруг на пути встретились большие шалаши, стоявшие в два ряда. Приняв их за брошенную стоянку разгромленных румынских частей, разведчики бесшумно двигались вперед. Неожиданно раздался тревожный крик и многоголосый шум, затем беспорядочная пальба, но из шалашей никто не выходил.

Как действовать? Не сговариваясь, разведчики дружно ударили из автоматов по шалашам. Выяснилось, что в шалашах сидели румыны и ждали, когда подойдут русские, чтобы сложить оружие.

...На пути гвардейцев стоял город Котельниково. Противник хорошо подготовил оборону этого важного железнодорожного узла и опорного пункта, с утратой которого окончательно рушились все надежды Гитлера на вызволение 6-й армии Паулюса из Сталинградского котла. Северную окраину Котельникова опоясывала река с обрывистыми берегами. Заминированное пространство за рекой простреливалось на многие километры. Гарнизон состоял исключительно из немецких частей и подразделений, которые вели сильный артиллерийский и пулеметный огонь.

Однако гитлеровцы уже не в состоянии были выдержать танковой атаки с севера, запада и востока. Боясь окружения, они стали спешно эвакуировать свои части. Во второй половине дня наши танкисты ворвались на полевой аэродром, где стояли без горючего пятнадцать исправных самолетов. Здесь же были захвачены огромные склады боеприпасов.

Первым вместе с танкистами сюда ворвался разведотряд 71-го полка. Завязался бой с немецкой группой прикрытия, которая вскоре была рассеяна. В этой дерзкой схватке отличились разведчики: сержант Михаил Иванов, старший сержант Иван Тихонов, рядовые Борис Виктор и Анатолий Семенов. В ночь на 29 декабря Котельниковский гарнизон был полностью разгромлен.

Пленные сообщили, что при отходе им была поставлена задача взорвать самолеты и склады с боеприпасами, поджечь в городе как можно больше домов и других объектов. Однако этим разбойничьим намерениям не суждено было осуществиться.

Правда, пожаров избежать не удалось. Горел хлебозавод. Бойцы, пытаясь спасти муку, выносили мешки из нижнего этажа, куда еще не проник огонь.

Итак, Котельниково, откуда гитлеровцы начали свой поход к Сталинграду, было в наших руках. Здесь враг потерял около трех тысяч убитыми и пленными, шестьдесят пять орудий и минометов, пятнадцать самолетов, сотни бронетранспортеров, автомашин и другое военное имущество, а также крупные склады с боеприпасами и продовольствием. Остатки разгромленных частей Манштейна отходили за реку Сал.

Теперь задача 2-й гвардейской армии состояла в том, чтобы преследовать противника по левому берегу Дона. 31 декабря части нашей дивизии ворвались в станицу Николаевскую. Здесь же встречали и новый, 1943 год. В это время потребовался «язык». Разведчики Ковальчук, Пикалов и Задубровский, переодетые в крестьянскую одежду, инсценировали «бегство от русских». Они сидели в санях и, погоняя лошадь, мчались по станице Николаевской в сторону немцев. Неприятельские группы из боевого охранения переходили на новые рубежи. Поравнявшись с одной из групп, разведчики пригласили в сани утомившихся солдат. Дальнейшее произошло мгновенно. Лошадь свернула в тихий переулочек, разведчики выхватили из-под соломой автоматы и быстро разоружили немецких солдат. Те, обезумев от страха, даже не подали голоса.

Так же понукая лошадку, «деревенские парни», обутые в лапти и одетые в рваные полушубки, по окраинным улицам доставили троих пленных в штаб дивизии. Это был хороший новогодний подарок разведчиков нашему командованию...

Овладев станицами Николаевской и Богоявленской, дивизия с ходу заняла хутор Костырочный. Пытаясь задержать наступление гвардии, противник 9 января силами до шестидесяти танков в сопровождении полка пехоты контратаковал 70-й полк и вновь захватил часть Костырочного. Затем гитлеровцы ударили по Богоявленской. Но здесь уже окопались артиллеристы 50-го полка. Они приняли на себя танковый удар и не пропустили ни одной машины.

Участник боя за хутор Костырочный командир минометной батареи старший лейтенант А. О. Гуссар рас-

сказывает, что 70-й полк на подходе к станице Виноградовской был встречен сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Пришлось залечь и занять оборону.

— В этот момент, — вспоминает Гуссар, — прибежал посыльный и сказал, чтобы я немедленно явился к командиру полка майору П. П. Ткаченко, который находился в двухстах метрах от моей минометной батареи. Петр Петрович сказал, что о начальнике артиллерии полка ничего неизвестно, артиллерией и минометами никто не руководит.

«Принимай командование и действуй по своему усмотрению», — приказал он. А едва я выскочил из-за угла дома, где только что стояли командир полка майор Ткаченко и замполит старший батальонный комиссар Глезаров, как разорвался снаряд, который сразил обоих. Об этом мне сказал чудом оставшийся в живых адъютант командира полка лейтенант Виктор Шилин. Я приказал убрать орудия за дома, а как только фашистские танки приблизятся на 200—300 метров, выкатывать их на прямую наводку. Минометчикам приказал не прекращать огня, чаще менять огневые позиции. Вся надежда была на артиллеристов и минометчиков, так как отступать в чистое поле было бессмысленно. Бой шел до конца дня. Мы потеряли до семидесяти процентов личного состава полка, но выстояли.

Примечателен и такой эпизод. После длительного преследования противника второй батальон 71-го полка, которым командовал капитан А. С. Дрыгин, сосредоточился в балке, в трех километрах севернее хутора Ведерниково. Батальон вел разведку и готовился к наступлению на Ведерниково.

Пока ротные повара готовили ужин, разведчики успели обследовать подступы к населенному пункту. С западной стороны Ведерникова они обнаружили лишь один немецкий пулемет. Двое бойцов засели в окоп и решили наблюдать, а если обстоятельства позволят, то и уничтожить фашистских пулеметчиков. Двое других пошли докладывать комбату.

При обходе рот А. С. Дрыгин слышал разговоры, что неплохо бы сейчас внезапным ударом выбить противника с хутора и отдохнуть в теплых хатах. Ком-

бат хорошо понимал желание солдат. Собрав командиров подразделений, обсудив с ними план действий, по тревоге поднял батальон. Решили скрытно зайти в тыл противнику и в глухую полночь нанести внезапный удар. Чтобы не вызвать на себя огонь своих же частей с севера, были посланы связные предупредить соседей о предстоящей атаке.

Батальон успешно совершил маневр. Ровно в два часа из семнадцати станковых, тридцати трех ручных пулеметов, автоматов и винтовок открыл ураганный огонь. По команде комбата бойцы атаковали противника и освободили Ведерниково. Было захвачено много автомашин, склады с боеприпасами и продовольствием, шестнадцать орудий и тридцать шесть минометов. Гитлеровцы потеряли убитыми более ста человек.

Дивизия стремительно продвигалась по Дону. Замерзшие реки, озера и лиманы позволяли обходить опорные пункты с флангов и создавать для противника угрозу окружения. А этого-то после Сталинградского котла немцы боялись пуще всего.

По расчетам командира дивизии в один из январских дней 72-й полк к 15 часам должен был выйти к Северному Донцу. Без всякой опаски Кошевой на машине прибыл в условленное место, но полка там не оказалось. Позднее выяснилось, что полковник Г. Е. Кухарев решил остановить подразделения на обед раньше назначенного часа. Однако Кухарев знал, что Кошевой должен быть где-то близко и на всякий случай выслал конный взвод. Ничего не подозревая, шофер комдива прибавлял газу.

«Не померещилось ли? — недоумевая спросил сам себя Петр Кириллович, когда вдруг увидел впереди четырех немецких солдат. — И надо же так опростоволоситься!»

Мгновенно оценив обстановку, Кошевой приказал водителю И. Власенко:

— Резко тормози и бери автомат. Я сажусь за руль.

Но тут заглох мотор. Пришлось поменяться ролями. Схватив автомат, комдив выскочил на дорогу.

— Бросайте оружие! — приказал он ошеломленным фрицам. Те бросили автоматы, а шофер Власенко сразу же их подобрал. Только теперь комдив

и его водитель почувствовали, что опасность миновала. Вскоре подоспел и конный взвод 72-го гвардейского полка.

Ожесточенные бои вспыхнули в период с 24 по 27 января на реке Маныче за хутор Малая Западенка. Неприятель бросал в контратаки танки, мотопехоту, применял массированные налеты авиации, но все было тщетно.

В ночь на 27 января сопротивление врага было сломлено и части дивизии овладели этим важным населенным пунктом.

В боях за хутор Малую Западенку храбро дрались гвардейцы 71-го полка.

Стойко переносили фронтовые невзгоды наши замечательные женщины. Вся медицинская служба, от батальонного санитарного пункта до армейского и фронтового госпиталей, была в основном в их руках. Кроме того, они отлично выполняли обязанности связистов и пекли хлеб, стирали белье и ходили в разведку.

Как-то январским утром, когда разведрота дивизии готовилась к маршу, в конце колонны появилась высокая белокурая девушка с санитарной сумкой через плечо. Одета по-зимнему, на голове шапка-ушанка. Это была новая медсестра. Она казалась робкой, необстрелянной. Бойцам и в голову не приходило, что Галя Балакина успела побывать во многих боях, участвовала в разгроме немцев под Москвой. Отважная девушка прошла с дивизией весь ее боевой путь.

...Вскоре полки вышли на рубеж реки Аксай. Штаб дивизии разместился в Старо-Черкасской. Ночами небольшие группы смельчаков добирались по льду к правому берегу, где тянулась железная дорога, служившая для немцев основным оборонительным поясом. В начале февраля морозы ослабли, и наши бойцы часами лежали под берегом, наблюдая за действиями противника. Случалось, гвардейцы выдавали себя. Тут же раздавались пулеметные очереди, взлетали ракеты, но обрывистый берег надежно защищал от пуль.

Пожалуй, больше всего в это время досаждала вражеская авиация. 10 февраля десять «юнкерсов» сбросили свой груз на штабные службы и подразделения. Прямым попаданием был разбит домик, в котором

разместились работники политотдела. Из его развалин выбралось несколько человек и среди них инструктор по учету старший лейтенант Федор Деменок и писарь старший сержант Яков Шкворенко. Погибли секретарь дивизионной парткомиссии Андрей Лещук, секретарь политотдела Владимир Озаринский, фотограф Владимир Клячин, писарь Михаил Луковский. 12 февраля они были похоронены в братской могиле на станичной площади.

15 февраля 1943 года 2-я гвардейская армия взяла Новочеркасск. Жители города тепло приветствовали освободителей. А гвардейцы снова рвались вперед, чтобы быстрее очистить от неприятеля Донбасс.

За время наступательных боев от Сталинграда до Матвеева кургана дивизия прошла около трехсот километров. Она освободила 84 населенных пункта, в том числе город Котельниково, станицы Романовскую, Камышевскую, Морозовскую, Николаевскую, Семикаракорскую, Константиновскую, Кочетовскую. На подступах к Ростову овладели такими важными узлами сопротивления противника, как Усьман, Верхне-Подпольный, Нижне-Подпольный.

В начале марта впереди показался Матвеев курган. За ним простиралась огромная лощина, по которой петляла река Миус. Потерпев сокрушительное поражение под Сталинградом, гитлеровское командование громогласно заявило, что на Миус-фронте русские обломают себе зубы.

Миусская оборона немцев имела протяжение в сто километров и глубину до двадцати пяти. Ходы сообщения связывали передний край с тылами. Враги соорудили здесь восемьсот опорных пунктов. О мощи этой линии мы узнали в ходе июльских и августовских сражений за Донбасс. А пока, преследуя противника, части успешно форсировали реку и заняли ряд высот на северо-восточных склонах.

В этих боях совершил подвиг гвардии рядовой 71-го полка Василий Кузьмич Тепляков, уничтоживший из станкового пулемета более пятидесяти солдат и офицеров противника.

Пулеметчик гвардии рядовой Михаил Бурсаев писал в армейской газете «В атаку»: «Мы вели сначала огонь вместе, но мой пулемет «засло». Пока я во-

зился с пулеметом, Тепляков один вел огонь, отбивая атаки фрицев».¹

Немцы повредили пулемет Теплякова. Был ранен и пулеметчик. Но он не покинул поле боя и продолжал действовать автоматом и гранатами. К счастью, Бурсаев смог отремонтировать свой «максим» и он опять открыл огонь. Вскоре пришла подмога.

В дивизионной газете в марте—апреле 1943 года были напечатаны письма Василия Кузьмича Теплякова сыну Максиму. В одном из них он писал: «Уже третью войну я воюю. Видал виды. Хлебнул соленого и горького, сладкого и кислого, как говорится в народе. Понюхал пороху. Я всегда смело смотрел смерти в глаза, и она не выдерживала, отворачивалась. Смелость, храбрость советского человека — сильнее смерти. А смелость и храбрость — в крови советского человека...»

О Василии Кузьмиче Теплякове фронтовой поэт написал такие строчки:

«Твой подвиг нам вспомнится снова и снова
В рядах закаленных гвардейских полков.
Бей немца, громи супостата лихого!
Бей насмерть, гвардеец, как бьет Тепляков!»

Василий Кузьмич Тепляков до войны работал токарем на одном из ленинградских заводов. В годы первой мировой войны получил два Георгиевских креста. Участник гражданской войны. В 1941 году, когда ему исполнилось сорок семь лет, добровольно вступил в ряды Красной Армии и стал пулеметчиком.

За подвиги, совершенные в марте 1943 года на реке Миус, Тепляков награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». Ему было присвоено звание старшины, а затем младшего лейтенанта.

В мае 1943 года Василий Кузьмич Тепляков вступил кандидатом в члены КПСС. В июле 1943 года офицер-ветеран В. К. Тепляков пал смертью храбрых под станицей Степанковой.

¹ Газета «В атаку», 25 марта 1943 г.



ОТ МИУСА ДО МОЛОЧНОЙ

В боевом резерве. — Подготовка к прорыву. — Сокрушение «Миус-фронта».

Фронт на Миусе стабилизировался. Наступало относительное затишье. Началась весенняя распутица. В это время в дивизию пришел приказ о передаче участка обороны одной из стрелковых дивизий 28-й армии.

Измотанные в боях, поредевшие части соединения отводились в район деревни Чистополье, в резерв для пополнения. Трудным был этот сорокакилометровый марш из-под Матвеева кургана.

В Чистополье разместился штаб дивизии и дивизионные подразделения. Полки заняли ближайшие деревни и хутора, почти до основания разрушенные. Вскоре начались полевые занятия. Во всех ротах и батальонах прошли партийные собрания. Стали готовиться к приему пополнения. За время последних боев в партийных организациях подразделений накопилось много заявлений по приему в члены и кандидаты партии. Теперь эти дела начали поступать в дивизионную партийную комиссию. Секретарем ее стал майор Василий Иванович Ипполитов, он заменил погибшего в станице Старочеркасской Андрея Николаевича Лещука. Большая работа по оформлению партийных документов возлагалась на фотографа. А в станице Старочеркасской вместе с А. Н. Лещуком погиб и наш опытный фронтовой фотограф лейтенант Владимир Клячин,

уроженец Вологды. После долгих поисков в артиллерийском полку нашли фотографа, старшего сержанта Михаила Андреевича Черных.

Партийная комиссия заседала в полуразрушенной глинобитной хатке. Ожидавшие вызова гвардейцы устраивались на завалинке дома или в полутемных сенцах. Воины, отличившиеся в недавних боях, волновались.

На одном из заседаний партийная комиссия принимала в члены партии группу разведчиков. Волнуясь, рассказывали свои короткие юношеские биографии Александр Карасев, Николай Кондратенко, Андрей Фролов и другие. Каждый из них давал обещание еще лучше выполнять свои боевые задачи в предстоящих боях, действовать смело и решительно в разведывательном поиске, отдать все силы разгрому фашистских оккупантов.

Получив из рук начальника политотдела майора Н. Д. Ермоленко партийные билеты, разведчики заботливо прятали их в карманы гимнастерок, ближе к сердцу...

Наступили теплые апрельские дни. Степные дороги совсем просохли. Наладилось снабжение, подвоз продовольствия и боеприпасов. В это время дивизия и получила задачу совершить марш на северо-восток и сосредоточиться в районе города Свердловска Ворошиловградской области.

Местность здесь была холмистой, в долинах протекали небольшие речки и ручейки. Встречались глубокие овраги, поросшие кустарником. Стрелковые полки расположились в селах Павловка и Медвежанка. Штаб дивизии, разведрота и другие дивизионные подразделения разместились в поселке шахты Володарка, тылы дивизии и медсанбат — в селе Курячий.

Предстояло создать оборонительный рубеж на восточном берегу реки Каменки и подготовиться к наступательным боям. Комдив созвал совещание командного состава. Оно проходило в уцелевшем клубе шахты Володарка. На следующий день началось сооружение оборонительного рубежа.

Бои под Сталинградом, наступление на Дону, весенние бои на Миусе заставили командиров обратить самое серьезное внимание на разведку, роль которой

особо возросла во время маневренных наступательных боев и преследования отступающего противника. Враг был сильным, хитрым и коварным. Каждый промах разведки, недооценка сведений о противнике или отсутствие таких данных нередко ставили наши подразделения в очень трудные условия. Подобные трудности в действиях разведки имели место и в других частях и соединениях Красной Армии. Поэтому в приказе Верховного Главнокомандующего 23 февраля 1943 года, в день 25-летия Советских Вооруженных Сил, была поставлена задача: улучшать разведку — глаза и уши армии.

В конце апреля в дивизию начало поступать пополнение.

Первыми беседовали с новичками офицеры разведки: нужно было подобрать в разведроту самых опытных, бывалых воинов. Часто вместе с офицерами новичков встречали ветераны разведывательных подразделений. Внешне их беседа казалась обычной и будничной. Но опытные разведчики, не раз добывавшие «языков» из неприступных вражеских блиндажей, внимательно присматривались к новичкам и спрашивали себя: «Пошел бы я в разведку вот с этим молчаливым и застенчивым парнем?», «Или вот с тем коренастым крепышом, который со знанием дела замсчает, что «фриц» на переднем крае тоже не дурак и нужно думать, как его перехитрить».

Часто с новичками беседовали парторг разведроты старший сержант Григорий Хименко, сержант Петр Гуцол — один из лучших разведчиков дивизии.

Прошло несколько дней и наши разведподразделения были полностью укомплектованы. В один из апрельских дней в клубе шахты Володарка был открыт дивизионный слет разведчиков. Генерал П. К. Кошевой рассказал о задачах разведчиков в предстоящих боях, вспомнил о тех бедах, что случились на пути от Сталинграда до Миуса из-за оплошностей разведки.

Наступил Первомай. Спокойная обстановка фронтового резерва позволила отметить Международный праздник трудящихся торжественными митингами и собраниями. Вечером по подразделениям состоялись концерты художественной самодеятельности. Особым успехом пользовалось выступление самодеятельного

коллектива дивизионного клуба. Затаив дыхание, слушали воины, как играет на баяне старший лейтенант В. Таскаев. Выступали певцы, чтецы, декламаторы, танцоры.

Но уже на следующий день снова начались боевые будни. Чтобы подготовить подразделения к форсированным маршам, почти ежедневно проходили занятия по строевой подготовке. Эти занятия обычно сопровождались стремительными бросками взводов и рот на несколько километров.

Часто на полях учений дивизии появлялся командир 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Иван Ильич Миссан. Он был высок ростом и широк в плечах. Его голубые глаза спокойно и внимательно смотрели на зеленеющую степь, на уставших, но довольных солдат, на командира роты, спешившего к нему, чтобы доложить о ходе занятий. Рядом с комкором коренастый и подвижный П. К. Кошевой выглядел особенно молодо. Чувствовалось, что Миссан не просто любил комдива, а относился к нему как отец. Часто, вопреки всем уставам, он обращался к П. К. Кошевому просто, по-селянски: «Подожди, Петро, не горячись, здесь трошки лучше будет сбросить так...» И Иван Ильич предлагал свое решение тактической задачи.

Весной и летом 1943 года по решению Государственного Комитета Обороны весь личный состав Красной Армии и Военно-Морского Флота должен был принять присягу. К присяге приводились все военнослужащие, независимо от того, что они были приведены к присяге ранее.

Личный состав дивизии должен был принимать присягу 23 мая. В этот день с утра все полки и отдельные подразделения дивизии выстроились со своим боевым оружием для торжественной церемонии. Перед строем 71-го гвардейского стрелкового полка первым принял присягу командир дивизии, генерал-майор И. К. Кошевой.

Заметно волнуясь, он громко прочитал клятву на верность Коммунистической партии, советскому народу и Родине, а затем поставил на листе свою подпись. После командира дивизии принимали присягу командир полка, его заместитель, командиры батальонов.

Особенно волновались, принимая присягу, молодые

воины, недавно вступившие в ряды гвардейцев. К полудню церемония принятия присяги была закончена. Во всех подразделениях состоялись праздничные обеды.

В последующие дни продолжалась теперь уже ставшая привычной боевая учеба. Разведчики дивизионной разведроты начинали занятия с первыми лучами солнца.

Очень часто начальник разведки дивизии майор Ибрагимов и командир разведроты капитан Ольшанников поднимали разведчиков ночью. Ставилась задача — совершить форсированный переход в заданный район.

На всех занятиях и во всех походах рядом с разведчиками шла со своей сумкой санинструктор разведроты Галя Балакина.

На занятиях в поле разведчики усиленно отрабатывали приемы, необходимые в рукопашной схватке. Занимались они парами: например, один выступал в качестве часового, другой — нападающего. Часовой должен был выдержать поединок с разведчиком, вооруженным деревянным ножом. А разведчик в свою очередь стремился захватить часового.

По-мальчишески тонкий и худощавый Саша Карасев оказывался в паре с могучим тяжеловесом, сибиряком Николаем Середой. Разведчики большого роста и крепкого телосложения до поры, до времени были уверены, что обучение и тренировка им не очень нужны: «Сила есть — ума не надо», — шутя говорили они своим более слабым, как казалось, соперникам. Но очень скоро выяснилось, что «малыши» хорошо отработали на практике хитроумные приемы рукопашного боя. Одним из первых это почувствовал Середа. Вот сейчас он должен тихо, без шума захватить «беспечного часового» Карасева. Часовой выпустил из рук свое оружие, его автомат лежит на траве. Огромный Середа тихо, по-кошачьи подкрадывается сзади, а затем делает прыжок и пытается заключить в свои объятия Карасева. Если это Середе удастся, он захватит своими железными руками грудь Карасева. Тогда Саша и превратится в «языка». Но в самый последний момент, когда могучие объятия Середы готовы сомкнуться, Карасев быстро и резко приседает, захватывает нападающего за руку и перебрасывает его через себя на землю.

«Чистая» победа на стороне Карасева, а Середа поднимается с земли, потирая ушибленные места и добродушно чертыхаясь.

В мае над расположением дивизии стали появляться фашистские самолеты-разведчики. Поэтому все подразделения были выведены из населенных пунктов и размещены в долине реки Каменка и в глубоких балках. Деревья и кустарники надежно укрывали людей и технику от воздушных разведчиков.

Работы по сооружению обороны были закончены, когда по приказу командира дивизии начали сооружать рубеж на западном берегу реки Каменки. Этот рубеж был обращен фронтом на восток и при его сооружении шутники из бывалых солдат говорили новичкам:

— Для себя мы подготовили траншеи, теперь нужно подумать и о противнике.

— Это зачем же? — удивлялись новички.

— А затем, — спокойно отвечал ветеран, — что как только мы закончим работу, артиллеристы и минометчики пристреляются к позициям, можно будет сюда и фашистов посадить.

Кажется, так до конца не поняли молодые, серьезно или в шутку такое сказано. На следующий день, когда работы были закончены, по траншеям, действительно, начали пристреливаться орудия и минометы. Еще через день район позиций был оцеплен и начались учения с боевой стрельбой. Позиция на высоком западном берегу была похожа на укрепления врага вдоль реки Миус.

По сигналу командира дивизии по траншеям «противника» открыли огонь артиллеристы и минометчики. Тем временем пехотинцы преодолели водную преграду и начали взбираться на кручу. Разрывы своих мин и снарядов были все ближе, когда артиллерия и минометы перенесли огонь на вторую траншею. Как в настоящем бою пехота поднялась в атаку и вскоре овладела первой траншеей. В это время высоко в небе послышался гул авиационных моторов, и двухмоторные пикирующие бомбардировщики «Петляковы» развернулись в строй правого пеленга и один за другим начали пикировать в направлении артиллерийских позиций «противника». Перед выходом из пикирования са-

молеты сбрасывали бомбы и вновь круто взмывали в небо.

Когда пехота достигла второй траншеи, разнеслось предупреждение: «Танки!». И с левого фланга в направлении занятой пехотой траншеи грозно устремились «тридцатьчетверки». Сегодня они обозначали контратакующие танки противника. Пехотинцы должны были пропустить их через траншею, а затем отсесть огнем следующую за танками пехоту «противника». Танки были уже совсем близко перед траншеями, в которых залегли пехотинцы.

Командир дивизии генерал-майор П. К. Кошевой с группой офицеров наблюдал с небольшого кургана неподалеку от траншеи, как будет проходить обкатка пехоты.

Пока танки были на солидном расстоянии, все пехотинцы вели из траншей «огонь» по смотровым щелям танков. Но стоило грозным машинам подойти ближе, как несколько молодых солдат выскочили из спасительной траншеи и бросились наутек. Тем временем танки перешли траншею и остановились. А испуганные беглецы наскочили на комдива и тоже остановились, тяжело дыша.

П. К. Кошевой сердито махнул рукой и подошел к солдатам. Он понимал их состояние.

— Что же вы, хлопцы, испугались? — заговорил он спокойно. — Ведь пехотинец в окопе, с гранатой и автоматом всегда сильнее танка. А если из траншеи выскочишь, танк и в самом деле гусеницами придавит... Побежишь — из пулемета срежет.

Вместе с одним молодым солдатом Петр Кириллович подошел к траншее, внимательно осмотрел ее и предложил:

— Ложись на свое прежнее место и я лягу около тебя, голова к голове.

Прежде чем прыгнуть в траншею, командир дивизии дал знак командиру ближайшего танка, чтобы он повторил заход. Танк развернулся и отошел в исходное положение, а затем пошел на траншею и открыл огонь из пушки холостыми снарядами. Едва его гусеницы, сбросив рыхлую землю на спины генерала и солдата, вышли на ровное место, П. К. Кошевой встал в полный рост и продолжил урок:

— Вот теперь самое время бросать противотанковую гранату и встречать огнем пехоту, которая будет идти за танком. А залежишься в окопе, не отсецешь пехоту от танков, тогда тебе и конец...

В предстоящих боях следовало ожидать массированного применения противником танков на сравнительно узких участках прорыва. Поэтому нашим войскам нужно было научиться маневрировать противотанковыми средствами и быстро создавать мощные истребительно-противотанковые группировки.

Дни, заполненные учебой, летели незаметно. 5 июля развернулось грандиозное сражение на Курской дуге. Чувствовалось приближение новых боев и на Южном фронте, в Донбассе. 13 июля поступил приказ о выдвижении дивизии к реке Миус, в район восточнее Дмитриевки.

К вечеру вытянулись в походные колонны стрелковые полки.

Подготовка в маршу не осталась незамеченной жителями ближних сел и поселков. За три с лишним месяца, пока шла боевая учеба, у многих появились здесь добрые друзья и знакомые, — теперь они хотели проводить гвардейцев в бой, пожелать им успехов и солдатского счастья... Многие из жителей Павловки, Медвежанки, Володарки влились в ряды дивизии.

Утром 14 июля дивизия сосредоточилась вблизи разрушенной деревни Дьяково. Через деревню на запад к Миусу шла дорога. Слева от дороги поднималось высокое плато, прорезанное широкой балкой. Справа простиралась низина, по которой протекала небольшая речка Нагольная, приток Миуса. На западе, в нескольких километрах от расположения дивизии, был хорошо виден высокий правый берег Миуса, занятый противником.

Рубеж на западном берегу реки Миус противник начал строить еще в октябре 1941 года, когда гитлеровское командование готовило удар на Ростов. В ноябре 1941 года, после мощного контрудара Красной Армии, немецко-фашистские войска оставили Ростов и были отброшены на Миус, где оборонялись до лета 1942 года. Отступая под ударами Красной Армии зимой и весной 1943 года из-под Сталинграда и с Северного Кавказа, гитлеровские войска вновь оказались на реке Миус.

Надеясь удержать Донбасс, фашистские войска по приказу Гитлера проводили здесь с марта 1943 года интенсивные работы по укреплению обороны. Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн писал в своей книге «Утерянные победы» о планах фашистского командования: «Донбасс играл существенную роль в оперативных замыслах Гитлера. Он считал, что от владения этой территорией... будет зависеть исход войны... Гитлер утверждал, что без запасов угля этого района мы не сможем выдержать войну в экономическом отношении»¹.

Оборонительный рубеж противника на реке Миус к лету 1943 года имел густую сеть траншей, ходов сообщения, окопов, мощных опорных пунктов и узлов. Оборону усиливали многочисленные блиндажи, дзоты, противотанковые и противопехотные препятствия, минные поля. Вся местность перед передним краем и в глубине обороны находилась под перекрестным пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Гитлеровцы считали свой рубеж неприступным и называли его «Миус-фронт».

Оборону «Миус-фронта» держала 6-я немецкая армия под командованием генерал-полковника Холлидта. Эта армия была создана по приказу Гитлера вместо разгромленной в Сталинграде 6-й армии фельдмаршала Паулюса. В состав армии Холлидта входили четыре армейских корпуса, сформированные из отборных фашистских дивизий.

Главный удар по прорыву «Миус-фронта» должны были наносить 5-я ударная и 28-я армии. Им следовало прорвать оборону гитлеровцев в районе Дмитриевки и создать плацдарм для дальнейшего наступления в Донбассе. 2-я гвардейская армия составляла второй эшелон Южного фронта и должна была развивать успех после прорыва обороны противника армиями первого эшелона. 16 июля поступил приказ командующего войсками Южного фронта генерал-полковника Ф. И. Толбухина перейти в наступление против немецко-фашистских захватчиков.

Наступление началось 17 июля в 3 часа 30 минут

¹ Э. Манштейн. Утерянные победы, стр. 458.

мощной артиллерийской подготовкой. Артиллерия и минометы взламывали и разрушали оборону гитлеровцев на Миусе в течение двух с половиной часов. От разрывов снарядов и мин сотрясалась земля. В 6 часов утра, когда участок прорыва был закрыт сплошными облаками дыма, пыли и гари, артиллерийская канонада несколько утихла — поднялась в атаку пехота. Одновременно в воздухе одна за другой волнами пошли эскадрильи грозных штурмовиков «Ил-2». Они шли на малой высоте, а над ними рассекали небесную синеву в разных направлениях «Лавочкины» — истребители прикрытия. Еще выше шли на запад пикирующие бомбардировщики «Пе-2».

Противник оказал ожесточенное сопротивление. Из глубины обороны открыли яростный огонь артиллерийские батареи. Над полем боя появилась фашистская авиация.

Во второй половине дня наступающие дивизии преодолели оборону противника на высотах вдоль западного берега Миуса и стали медленно продвигаться к деревням Степановка и Мариновка. В направлении прорыва выступили дивизии 13-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-го гвардейского механизированного корпуса.

Вечером поступил приказ о выступлении 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

Утром 18 июля бой на западном берегу Миуса разгорелся с новой силой. В течение всего дня дивизии 2-й гвардейской армии вели тяжелые бои, упорно вгрызаясь в оборону противника. К вечеру 18 июля бой удался от реки, на западном берегу образовался плацдарм до десяти километров по фронту и глубиной до восьми. Наши войска овладели деревней Мариновка. За первые два дня боев было отбито двенадцать контратак гитлеровцев.

В частях дивизии, которая находилась в резерве командарма, продолжалась интенсивная подготовка к тяжелым боям за освобождение Донбасса. Гвардейцы занимались тактикой, изучали новые приемы боевых действий противника. В ожидании предстоящих боев все были по-особенному сосредоточены и подтянуты. Солдаты не упускали случая, чтобы узнать, как идут дела на переднем крае.

Напряжение боев на участке прорыва за Миусом с каждым днем нарастало. К 24 июля противник перебросил на этот участок с белгородского направления дивизии СС «Мертвая голова» и «Райх», 3-ю танковую и 16-ю моторизованную дивизии. Сюда же были переброшены три пехотные дивизии, державшие оборону на южном фланге «Миус-фронта». Теперь противник ежедневно обрушивал на наши войска мощные танковые удары, поддержанные яростными атаками с воздуха.

28 июля дивизия получила приказ вступить в бой западнее деревень Степановка и Мариновка. Сборы частей были недолгими, и уже на рассвете 29 июля полки заняли свои рубежи.

Передний край дивизии проходил западнее деревни Мариновки. Лесопосадка позади рубежа, занятого стрелковыми батальонами, была буквально распахана после недавних массированных бомбардировок фашистских «Хейнкелей». К северо-западу от нашего переднего края возвышалась черная, вся обожженная высота Саур-Могилы. На ней располагались наблюдательные пункты фашистских артиллеристов, склоны высоты были усеяны огневыми точками.

День 29 июля начался как обычно массированным налетом бомбардировщиков «Хе-III». После этого открыла огонь фашистская артиллерия. Затем вновь пришла авиация, — и так весь день до темноты. К ночи обстановка усложнилась. На отдельных участках стрелковые батальоны вклинились в расположение гитлеровцев. В некоторых местах фашистская пехота схватывала наши части с флангов. Возникла необходимость уточнения обстановки и выяснения сил противника.

В поиск ушли две группы дивизионных разведчиков.

Одна группа смогла только уточнить обстановку. Вторая группа вела поиск на сравнительно тихом участке. Поэтому группа двигалась по небольшой ложбинке в полный рост. Когда ложбинка кончилась, разведчики вышли на открытое место. И здесь при вспышках ракет по ним хлестнули автоматные очереди. В схватке с фашистами кто-то из разведчиков успел дать короткую очередь из автомата. Один разведчик выхва-

тил гранату, но не успел ее бросить и упал, сраженный вражеской пулей.

Утром следующего дня наши подразделения отбросили гитлеровцев с рубежа, и тогда удалось восстановить картину последнего боя разведчиков. Группа захвата оказалась в нескольких метрах от траншеи боевого охранения врага. Разведчики Юрий Цветков, Михаил Федотов, Андрей Фролов, Николай Кондратенко и Сагды Насибуллин лежали на выгоревшей земле, не выпуская из рук оружия.

День 30 июля выдался жарким. Едва над донецкой степью поднялось июльское солнце, завязалась яростная артиллерийская дуэль между нашими и фашистскими батареями. Не успела еще утихнуть артиллерийская канонада, как в небе появились «Хейнкели». Пехота, надежно зарывшаяся в землю, выдержала бомбардировку.

После ожесточенной артиллерийской и авиационной подготовки враг в течение дня несколько раз атаковал части дивизии. Гвардейцы стойко отражали эти атаки, затем сами контратаковали... Много раз за день водил своих бойцов в контратаки командир 2-го стрелкового батальона 71-го гвардейского стрелкового полка капитан Александр Рыженко. Вместе с комбатом ходил в контратаку впереди бойцов заместитель командира батальона, старший лейтенант А. Маковей.

На участке 72-го гвардейского стрелкового полка особенно тяжелые бои вел 1-й стрелковый батальон капитана А. Л. Назарова. В критические моменты боя батальон поддерживали огнем артиллеристы полковой батареи под командованием старшего лейтенанта С. Д. Солощенко.

В батальоне было много комсомольцев, и здесь часто можно было видеть всегда бодрого и никогда не унывающего комсорга полка старшего лейтенанта К. А. Злобина.

Весь день 30 июля на участке дивизии шли тяжелые бои. Обстановка изменялась почти каждый час. Командиры стрелковых полков ни на минуту не упускали управление действиями своих подразделений.

Командир дивизии генерал-майор П. К. Кошевой находился на наблюдательном пункте у обрыва глубокой балки, уходившей к югу от деревни Мариновка.

Вся балка была изрыта бомбами и снарядами. Вблизи блиндажа командира дивизии заняла позицию зенитная пулеметная установка.

Перед наступлением темноты бой стал утихать. По полевым дорогам в сторону переднего края двинулись повозки хозяйственных взводов, дымящие полевые кухни, автомашины с боеприпасами. Подразделения дивизии получили небольшую передышку.

...31 июля дивизия снова вела тяжелые бои. У немцев на нашем участке действовали дивизии СС — «Мертвая голова» и «Райх». Атаки эсесовцев следовали одна за другой. Действия фашистской пехоты поддерживала авиация, совершавшая непрерывные массированные налеты на боевые порядки дивизии. К исходу дня гвардейцы успешно отбили все атаки противника.

Ночью стрелковые батальоны приводили в порядок свою оборону. Артиллеристы 50-го гвардейского артполка скрытно выдвинули на прямую наводку 76-миллиметровые орудия. Саперы прикрывали рубежи обороны нашей пехоты противотанковыми минными полями.

На наблюдательном пункте командира дивизии всю ночь шла напряженная подготовка к новым боям. Вместе с комдивом работали майоры Мальцев и Ибрагимов. Перед утром была уточнена задача полков на следующий день: прочно удерживать занимаемые рубежи, уничтожать фашистские танки, отсекаать фашистскую пехоту от танков и расчленять ее боевые порядки. На рассвете на НП комдива прибыл командир 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор И. И. Миссан.

Выслушав доклад П. К. Кошевого, он сказал:

— Дивизия должна стоять на своих рубежах насмерть, стоять по-сталинградски. От вашей стойкости в обороне будет зависеть успех действий всего корпуса. День предстоит очень тяжелый, Петр Кириллович. Противник подтянул много танков и пехоты. Будет трудно и жарко.

— Понял, Иван Ильич, — ответил командир дивизии. — Свою задачу мы выполним.

— Это хорошо, но я прошу тебя еще и о другом: нужно беречь людей и технику — нас ждет Донбасс, ждет Украина.

Ранним утром 1 августа гитлеровцы пошли в атаку. Как и в предыдущие дни, атаке пехоты предшествовали яростные бомбардировки с воздуха. Над полем боя одновременно «висело» сто пятьдесят — двести самолетов. Командование гитлеровских люфтваффе бросило в бой все, что могло.

Еще рвались бомбы, сброшенные с самолетов, а уже открыла беглый огонь фашистская артиллерия. Наконец наступил момент, когда гитлеровское командование сочло, что ничего живого в нашем расположении не осталось. Орудия и минометы противника перенесли огонь в глубину, а в направлении наших позиций, перед лесопосадкой, развернулись широким фронтом около пятидесяти танков. Вслед за танками пошла в атаку пехота. Фашистские солдаты шли во весь рост и строчили из автоматов. И в этот миг на головы атакующих гитлеровцев обрушились с грозным свистом снаряды наших «катюш». Сплошная стена черного дыма и багровых вспышек пламени накрыла атакующую пехоту. Одновременно открыли огонь прямой наводкой по танкам противотанковые орудия 26-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона и 76-миллиметровые орудия 50-го гвардейского артиллерийского полка. Фашистские пехотинцы заматались по степи. Атака гитлеровцев вновь захлебнулась.

Но фашистское командование вводило в бой все новые части. Не считаясь с потерями, ударная группировка противника упорно стремилась к Миусу.

На некоторых участках противнику удалось потеснить наши части. Неподалеку от Мариновки дрогнувших было гвардейцев одной из стрелковых рот 71-полка развертывал в боевой порядок заместитель командира полка майор А. С. Дрыгин. На участке 70-го стрелкового полка организовал ударную группу из автоматчиков, разведчиков, связистов агитатор полка капитан Д. С. Авдеенко. Туда же с НП комдива пришел работник политотдела С. Н. Жилин. Группа решительно контратаковала гитлеровцев и восстановила положение. Во время боя Авдеенко был ранен в голову, потерял сознание и оказался неподалеку от немцев. На помощь к нему устремился старшина М. А. Хухров. Он перевязал Авдеенко и помог добраться до медпункта.

Во второй половине дня атаки фашистов особенно усилились.

Степь перед нашими подразделениями была усеяна танками с черными крестами на башнях. Многие из них горели. К исходу дня полки нашей дивизии по приказу командования были отведены на новые позиции западнее Дмитриевки.

Со 2 по 6 августа дивизия стойко удерживала занимаемые рубежи, отражая многочисленные атаки. Тяжелые бои здесь вел 70-й гвардейский стрелковый полк, командование которым вместо выбывшего из строя прежнего командира принял майор А. С. Дрыгин. Полк шаг за шагом продвигался вперед, расширяя плацдарм на западном берегу Миуса.

Батальоны полка действовали в очень трудной обстановке — плацдарм простреливался противником на всю глубину, на флангах гитлеровцы держали под прицельным огнем пулеметов и артиллерийских орудий все проходы и переправы через Миус. Боеприпасы доставлялись на плацдарм только ночью. В течение трех дней боев пищу для солдат удалось доставить только один раз. Стояла нестерпимая жара, и за водой с переднего края ходили с котелками к Миусу.

С каждым днем редели ряды стрелковых рот. В такой обстановке командир дивизии ввел в бой рядом с 70-ым полком свой последний резерв — учебный батальон. Гвардейцы полка и учебного батальона атаковали гитлеровцев смело и решительно. Бойцов учбата вел в атаку заместитель командира по политчасти майор Михаил Андреевич Глазов. В разгар боя его сразил фашистский снаряд. Бойцы учебного батальона под командованием майора В. И. Тимошенко успешно выполняли боевую задачу.

В первых числах августа бои на Миусе приняли оборонительный характер. Противник вывел из боев танковые части. Фашистская пехота зарылась в землю. В ночь с 6 на 7 августа дивизия была выведена с переднего края в район восточнее Дмитриевки. Предстояли новые бои за освобождение Донбасса и начаться они должны были с прорыва Миус-фронта.

Прорыв обороны противника был намечен на прежнем участке, уже хорошо изученном во время июльских боев. Войска 2-й гвардейской армии должны были

действовать на центральном участке прорыва южнее районного центра Куйбышево, на фронте шириной в девять километров.

Главная полоса обороны противника проходила по правому берегу реки Миус. Населенные пункты и отдельные высоты были превращены в мощные узлы сопротивления. Были оборудованы также оборонительные рубежи вдоль рек Мокрый Еланчик и Еланчик Кальмиус, Мокрые Ялы и Кальчик. Укрепления на западном берегу реки Кальмиуса гитлеровское командование назвало «позиция Черепаха». Оборонительный рубеж в районе Мариуполя, опиравшийся на реки Мокрые Ялы и Кальчик, получил устрашающее название «позиция Крокодил».

В первой половине августа гитлеровское командование перебросило с Миуса в район Харькова дивизии СС — «Райх» и «Мертвая голова» и 3-ю танковую дивизию; на изюм-барвенковское направление ушли 23-я танковая и 16-я моторизованная дивизии. Но и после этого 6-я армия противника, оборонявшая рубеж на Миусе, представляла собой внушительную силу. В состав армии входили одиннадцать отборных дивизий, объединенных в три армейских корпуса.

Подготовка наших войск к наступлению была закончена 16 августа. Ночью стрелковые полки заняли исходные позиции. 17 августа артиллеристы и минометчики провели пристрелку разведанных целей.

На рассвете 18 августа вдоль реки Миус и в степных балках стелился туман. Еще ночью во все роты и батареи неутомимые почтальоны доставили армейские и дивизионные газеты, где было опубликовано обращение Военного Совета Армии: «Дело нашей гвардейской чести вышибить немецких захватчиков из Донбасса, освободить Украину. Этого требует от нас Родина».

В шесть утра дружно ударили наши орудия и минометы. Над передним краем противника встала сплошная черная стена разрывов. Шквал огня бушевал в течение пяти минут, а затем артиллерия и минометы в течение 45 минут вели огонь по разрушению укреплений на переднем крае противника. После этого в течение получаса продолжался мощный огневой налет по первой траншее. Налет закончился ложным переносом огня в глубину обороны противника. В это время на

его переднем крае ожили и проявили себя неподавленные огневые точки. По этим огневым точкам артиллерия и минометы нанесли короткий, но сильный десятиминутный огневой налет, в котором принимали участие дивизионы «катюш». Едва огневой вал сместился в глубину обороны противника, поднялась в решительную атаку пехота.

Через несколько минут пехотинцы уже вели бой в первой траншее противника. Гитлеровцы упорно цеплялись за каждый окоп, блиндаж, ход сообщения. Вскоре враг, не выдержав дружного натиска воинов дивизии, стал откатываться.

Стрелковые роты гвардейцев повели наступление на вторую траншею. Сильный пулеметный и автоматный огонь гитлеровцев на участке 1-го стрелкового батальона 71-го гвардейского стрелкового полка прижал к земле пехотинцев. Атака второй траншеи могла захлебнуться. И тогда впереди поднялся заместитель командира батальона капитан Федор Болончук.

— За мной, вперед на врага! — громко крикнул замполит и устремился, держа в одной руке автомат, а в другой гранату, к позициям фашистов.

Стрелки и автоматчики дружно поднялись в атаку и вскоре ворвались во вторую траншею. В самый разгар атаки капитан Болончук был сражен вражеской пулей, но гвардейцев уже нельзя было остановить. Яростно сопротивлявшиеся фашисты были выбиты и из второй траншеи.

При прорыве вражеской обороны на Миусе мужественно сражался комсорг 1-го стрелкового батальона 72-го гвардейского стрелкового полка рядовой Ф. М. Стренин. Когда началась атака укреплений фашистов на обрывистом берегу Миуса, Федор Стренин первым взобрался на отвесный скалистый берег и забросал гранатами два дзота фашистов. В одном из них отважный комсорг захватил исправный пулемет и немедленно открыл огонь по отступающим гитлеровцам. Воодушевленные его примером, гвардейцы батальона преодолели скалистую кручу и захватили вражескую траншею, а затем выбили фашистов и из второй траншеи. В боях на Миусе Ф. М. Стренин огнем из автомата, пулемета и гранатами уничтожил сорок три гитлеровца. Так комсомольский вожак сдержал

свое слово, которое он дал перед боем в заявлении о вступлении в партию.

Перед штурмом миусских укреплений многие гвардейцы подали заявления о вступлении в партию. В этих заявлениях они давали клятву беспощадно громить врага, освобождая Донбасс. Во всех заявлениях была одна общая фраза: «На прорыв Миус-фронта хочу идти коммунистом». Клятву, данную партии, сдержали все. Многие отдали жизнь за освобождение Донбасса, так и не успев получить партийный билет.

Фашисты оказывали упорнейшее сопротивление. Во второй половине дня 18 августа действия пехоты противника начала поддерживать сильным огнем фашистская артиллерия, в воздухе появилась вражеская авиация. Бомбардировщики с черными крестами приходили эскадрильями. Над полем боя их встречали наши истребители, завязывались бои, гитлеровские воздушные разбойники не выдерживали атак наших истребителей и спешно удирали. В воздухе устанавливалось господство нашей авиации.

В полосе прорыва дивизии все контратаки врага успешно отбивались нашими стрелками, автоматчиками и пулеметчиками. Цепи гитлеровцев накрывали беглым огнем минометы. Меткий огонь вели гаубицы дивизиона майора С. И. Налимова.

Храбро и умело сражались с врагом наши пулеметчики. В 71-м гвардейском стрелковом полку особенно отважно сражался расчет рядового С. П. Тарариева. Его пулемет всегда оказывался на наиболее угрожаемом участке и скашивал цепи атакующих фашистов.

Прогрызая оборону гитлеровцев, части дивизии вскоре овладели хутором Скелянский, точнее его развалинами. К исходу 18 августа дивизия вклинилась в полосу обороны противника на два километра. Части нашего правого соседа, 387-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии сумели продвинуться вперед на расстояние до десяти километров. Это создавало благоприятные условия для развития успеха наступления на правом фланге дивизии.

Утром 19 августа, учитывая успех наступления частей 5-й ударной армии, командующий 2-й гвардей-

ской армией генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров ввел в бой на правом фланге нашей дивизии 2-й гвардейский механизированный корпус. Командование 6-й немецкой армии в течение ночи предприняло экстренные меры, чтобы остановить продвижение наших войск. С участка фронта южнее Матвеева кургана были сняты и переброшены в район действий нашей 2-й гвардейской армии части 17-й и 111-й немецких дивизий.

Отбивая контратаки противника, части дивизии вели тяжелые бои. Наши саперы и артиллеристы расчищали путь танкам, а танкисты громили очаги сопротивления противника, обеспечивая продвижение стрелковых рот. Во второй половине дня батальоны 71-го гвардейского стрелкового полка подошли к населенному пункту Ново-Бахмутский, превращенному противником в мощный узел сопротивления. В трехстах метрах восточнее Ново-Бахмутского фашистская артиллерия остановила продвижение наших танков. Немедленно в поединки с противотанковыми орудиями противника вступили батареи 26-го гвардейского отдельного противотанкового дивизиона и 50-го артиллерийского полка. Через некоторое время наши артиллеристы подавили фашистские орудия и расчистили танкам путь.

На головной танк вскочил заместитель командира 2-го батальона 71-го стрелкового полка старший лейтенант А. Маковей. В одной руке он держал красное знамя, в другой — автомат. Высоко подняв над головой знамя, Маковей крикнул: «Вперед, за Родину!» Стреляя на ходу, танки двинулись вперед. Вслед пошли в атаку гвардейцы 2-го батальона. Проскочив кукурузное поле, атакующие ворвались в Ново-Бахмутский. Завязались упорные уличные бои.

Гитлеровцы цеплялись за каждый дом и несколько раз контратаковали батальон. После двухчасового боя противник был выбит из Ново-Бахмутского. В этом бою фашисты потеряли убитыми более двухсот солдат и офицеров. Развивая достигнутый успех, батальоны 71-го полка к исходу дня 19 августа овладели высотами западнее Ново-Бахмутского.

Утром 20 августа части дивизии овладели хутором Бишлеровка и продолжали наступать на хутор Мариенгейм во фланг противнику. Потеряв Бишлеровку, гиг-

леровцы предприняли яростную контратаку, чтобы восстановить положение. Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» бомбили наши огневые позиции артиллерии и минометов, танки, наблюдательные и командные пункты. Бомбардировкой был накрыт НП 71-го полка. Командир полка майор Т. И. Степанов был контужен, но не покинул поля боя и продолжал руководить отражением вражеской контратаки.

Во второй половине дня 21 августа части дивизии выбили гитлеровцев из Камышевахи. В течение дня 22 августа полки с боями продвигались к реке Крынке. В районе балки Калиновка разведывательная группа под командованием лейтенанта А. Рыбака скрытно проникла в расположение противника. Двенадцать разведчиков замаскировались в кукурузе и наблюдали, как выдвигается на новые позиции пехота противника. Гитлеровские солдаты были вооружены винтовками и ручными пулеметами и минометами. За первой ротой с небольшим разрывом двигалась вторая рота пехоты противника. Разведчики приготовились к неравному бою и в этот момент заметили отдельно шагавшего фашистского офицера. Бесшумно и стремительно они выбежали наперерез. Увидев перед собой разведчиков в маскировочных костюмах, офицер поспешно бросил оружие и поднял руки. Вскоре пленный был доставлен в штаб дивизии.

На рубеже реки Крынка бои шли несколько дней. При этом обнаружилось, что части противника не создали сплошного фронта, действовали в большинстве случаев без непосредственной локтевой связи на флангах. Этим сразу же воспользовались наши дивизионные разведчики. На рассвете 24 августа они устроили засаду на стыке подразделений противника севернее Успенской, взяв в плен два «языка».

24 августа на дивизионный командный пункт под охраной четырех артиллеристов был доставлен взвод гитлеровцев — 27 человек, среди них два офицера. Они были взяты в плен недалеко от наблюдательного пункта командира 3-го дивизиона майора С. И. Налимова. Произошло это так. Группа артиллерийских разведчиков под командованием старшины Л. Ф. Михайлишина была направлена на наблюдательный пункт дивизиона. В кукурузе Михайлишин заметил большую группу при-

таившихся гитлеровцев. Старшина направил часть своих бойцов в обход и отрезал фашистам путь к отступлению. Когда обходной маневр был закончен, артиллеристы по команде Михайлишина устремились к гитлеровцам с двух сторон. Не ожидавшие дерзкой атаки наших воинов, фашистские солдаты и офицеры подняли руки вверх.

До вечера в разведотделение штаба дивизии было доставлено еще несколько групп пленных солдат и офицеров, взятых в бою за рекой Крынкой гвардейцами 70-го и 71-го стрелковых полков. Среди пленных было много добровольно сдавшихся. В своих показаниях большинство пленных говорило о бесперспективности войны, развязанной Гитлером, о неизбежности полного военного поражения фашистской Германии.

Бой на западном берегу реки Крынки начался утром 26 августа. Первым вступил в бой 1-й стрелковый батальон 71-го гвардейского полка под командованием капитана Михаила Миронова. Гвардейцы действовали решительно, умело и напористо. После ожесточенного ближнего боя батальон выбил гитлеровцев из траншей. Но вскоре фашистская пехота опомнилась от внезапного удара и контратаковала батальон при поддержке танков и самоходных орудий. Гвардейцы не дрогнули и стойко встретили врага. Артиллеристы открыли огонь по танкам и самоходкам. Минометчики накрыли огнем фашистскую пехоту, шедшую вслед за танками. Стрелковые роты батальона Миронова встретили пехоту противника плотным огнем из винтовок, автоматов и пулеметов. Противник не выдержал и откатился на исходные позиции, оставив много убитых.

После первой неудачной контратаки гитлеровцы бросились во вторую, стремясь вернуть потерянные рубежи. Наши бойцы отсекали сильным фланговым огнем фашистскую пехоту от танков. Гитлеровцы залегли на ровном поле. В это время по пехоте и танкам открыли огонь батареи 50-го гвардейского артиллерийского полка. Фашисты отступили, оставив на поле боя два подбитых танка и до 250 убитых солдат и офицеров.

Успешно отразив две контратаки, батальон капитана М. Миронова начал преследовать противника, занял несколько траншей, захватил двенадцать станковых

пулеметов и пятнадцать минометов. Действия батальона Миронова поддерживали другие батальоны 71-го полка, подразделения 70-го и 72-го полков. Правее полосы наступления нашей дивизии опрокинули гитлеровцев и быстро начали продвигаться вперед полки 33-й гвардейской дивизии. Преследуя отступающего противника, дивизия овладела станцией Успенская на железной дороге Москва — Симферополь, хутором Черниговским и деревней Марфинской. После взятия Марфинской полки вышли на участке Анастасиевка — Марфинская — Селезнев к реке Мокрый Еланчик. Выход соединений 2-й гвардейской армии на рубеж Мокрого Еланчика создавал угрозу полного окружения 29-го армейского корпуса противника, действовавшего на побережье Миусского лимана и удерживавшего Таганрог.

Два дня, 28 и 29 августа, полки вели бои с противником на рубеже реки Мокрый Еланчик. Гитлеровское командование предпринимало лихорадочные меры для того, чтобы удержать свои позиции в Донбассе.

Как стало известно позднее, Гитлер, обеспокоенный положением на фронте, создавшимся после Курской битвы и прорыва фронта на Миусе, срочно прилетел в Винницу и 27 августа провел совещание высшего командного состава. Совещание обсуждало обстановку на южном участке фронта в Донбассе. Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн доложил Гитлеру о потерях войск в Донбассе и стал доказывать необходимость срочного усиления группы новыми дивизиями. Гитлер боялся потери Донбасса и обещал Манштейну перебросить дивизии с других участков Восточного фронта.

Бои за Донбасс показали, что немецко-фашистская армия всецело служила интересам крупнейших заправил финансового и промышленного капитала Германии. Заводы и шахты Донбасса были сконцентрированы в руках Круппа, Флика, Маннесмана. Завод «Азовсталь» в Мариуполе захватил рейхсмаршал Геринг.

Стремясь любой ценой удержать Донбасс, фашистское командование к концу августа перебросило сюда свежие части: из Крыма 13-ю танковую дивизию, из группы «Центр» 9-ю танковую и 258-ю пехотную дивизии, с изюм-барвенковского направления пришла

17-я танковая дивизия. Все эти соединения были сконцентрированы в полосе действий 2-й гвардейской и 5-й ударной армий. В район Анастасьевка — Марфинская была подтянута 13-я танковая дивизия противника.

29 августа командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Толбухин поставил перед 2-й гвардейской армией задачу: разгромить противника на рубеже реки Мокрый Еланчик и к утру 30 августа выйти на рубеж Кутейниково — совхоз «Металлист» — высота 199,4 — Покрово — Киреевка — Кузнецово — Михайловка. 24-я гвардейская стрелковая дивизия должна была выйти на рубеж Будариново — Хапрово, Слюсарев — Шурупово, Андреевский, Береговой и прочно закрепиться на рубеже вдоль реки Еланчик¹.

В течение 29 августа дивизия, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, продвигалась к реке Сухой Еланчик. К исходу 29 августа были взяты населенные пункты Краснодарский, Вареники, Новоселовка, Екатериновка. Части дивизии вышли на восточный берег реки Еланчик.

Как только полки достигли заданного рубежа, за реку Еланчик ушла группа дивизионных разведчиков, которая должна была установить силы противника в населенных пунктах Нижняя Каменка и Широкое. Разведгруппа быстро нащупала стык между подразделениями противника и по ложине проникла за его передний край. Дальше до самой Нижней Каменки простиралось большое поле с высокой спелой кукурузой. Маскируясь в кукурузе, разведчики благополучно прошли четыре километра и подошли к восточной окраине деревни. Немцев там не оказалось.

Однако, возвращаясь обратно через Нижнюю Каменку, разведчики увидели, что в деревню входит около десятка автомашин с пехотой. Стало ясно, что противник спешно заполняет промежутки в обороне на Еланчике.

Во время боев в районе Еланчика ценные разведывательные данные командованию доставил отважный юный разведчик четырнадцатилетний Леня Федосов. Переодетый деревенским мальчиком, Леня обошел несколько деревень в районе фашистской обороны, уста-

¹ «В наступлении гвардия». Воениздат, 1971, стр. 130.

новил расположение, численность и вооружение гитлеровцев.

В первой половине дня 30 августа командование 6-й немецкой армии предприняло отчаянную попытку спасти войска 29-го армейского корпуса, зажатые в Таганроге. Для этого правее полосы наступления нашей дивизии, на рубеже Зеленый — Покрово — Киреевка, при поддержке ста танков была введена в бой 258-я пехотная дивизия. После ожесточенного боя на участке совхоз «Металлист» — Вышневый противник вклинился в оборону наших войск.

По замыслу командующего армией, генерала Г. Ф. Захарова 33-я и 87-я дивизии заняли оборону на флангах у основания клина фашистских войск, а 3-я гвардейская дивизия сдерживала продвижение острия клина. На северном и южном флангах было начато формирование мощных артиллерийских группировок из частей 13-го и 1-го гвардейского стрелковых корпусов. В состав группировки 1-го гвардейского корпуса на южном фланге была частично передана артиллерия 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Восточная артиллерийская группа в полосе 3-й гвардейской стрелковой дивизии была сформирована из армейских артиллерийских частей.

На следующий день, 31 августа, командующий 6-й немецко-фашистской армией генерал Холлидт возобновил атаки на фронте прорыва. Но наши войска обрушили на противника мощный артиллерийский огонь. Когда огонь артиллерии, минометов и грозных «катюш» стихал, в воздухе появлялись эскадрильи бомбардировщиков «Пе-2» и штурмовщиков «Ил-2». Фашистские войска оказались в огневом «мешке». В течение 1 и 2 сентября шел жаркий бой с вклинившимся противником. Артиллеристы перемололи ударную группировку противника. 2 сентября прорыв врага на правом фланге дивизии был ликвидирован, части 87-й и 3-й гвардейских стрелковых дивизий вновь вышли на рубеж совхоз «Металлист» — Вышневый — Покрово — Киреевка.

3 сентября соединения 2-й гвардейской армии и среди них 24-я гвардейская стрелковая дивизия атаковали противника на рубеже реки Еланчик. Гитлеровцы начали откатываться к западу на реку Кальмиус.

В связи с этим командующий 6-й армией генерал-полковник Холлидт издал приказ, в котором говорилось: «Отступление армии при любых обстоятельствах должно получить свое окончательное завершение на позиции «Черепеха», позицию «Черепеха» сохранять длительный период времени».

Преследуя отступающего противника, стрелковые полки дивизии к 4 сентября достигли реки Кальмиус.

Эта река не представляла серьезной преграды на пути наших войск. Но у нее был крутой западный берег, где гитлеровцы возвели оборонительные сооружения.

Стрелковым батальонам захватить с ходу траншеи противника из-за сильного пулеметного и минометного огня гитлеровцев не удалось. Необходимо было тщательно и без промедления подготовиться к прорыву укреплений на Кальмиусе. Весь день 5 сентября полки готовились к штурму позиции «Черепеха».

Командир дивизии генерал П. К. Кошевой внимательно изучил обстановку и, выслушав доклады командиров полков, одобрил дислокацию и боевые порядки батальонов.

Много дела было 5 сентября у политработников. Парторги рот и батальонов беседовали с гвардейцами на переднем крае, вместе с командирами расставляли коммунистов на наиболее ответственные участки и направления. Парторг 71-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант П. И. Сизов весь день провел в 1-м стрелковом батальоне. В последних боях батальон успешно громил врага, но при этом понес потери в личном составе. Парторг полка помог расставить коммунистов по взводам, пулеметным и минометным расчетам.

Бои перед выходом на рубеж реки Кальмиус показали, что солдаты и офицеры противника начинают понимать бессмысленность войны, чаще теперь сдаются в плен. Но геббельсовская пропаганда стала еще сильнее запугивать солдат «ужасами» русского плена. Поэтому 23 августа командующий генерал-полковник Ф. И. Толбухин издал специальный приказ, в котором говорилось:

«...Немецкие солдаты и офицеры начинают сознавать бесперспективность войны, в которую их втянул

Гитлер, и неизбежность полного поражения Германии. Вследствие этого значительно возрастает число перебежчиков — солдат и офицеров, сдающихся в плен... Те, кто бросили оружие и прекратили борьбу против Красной Армии, перестают быть нашими врагами».

Командующий фронтом приказывал своим войскам:

«1. Все красноармейцы и командиры должны принять все зависящие от них меры для сохранения жизни немецких солдат и офицеров, сдающихся в плен.

2. На поле боя оказывать помощь всеми видами огня немецким солдатам и офицерам, которые сдаются группами или в одиночку...

3. Всех сдавшихся в плен немедленно отправлять с поля боя и эвакуировать...

4. Все сдавшиеся немецкие солдаты и офицеры обеспечиваются продовольствием...

5. Если окажется необходимым — обеспечить военнопленных обмундированием, чистым бельем и оказать им медпомощь...»¹.

Наши войска всегда действовали по отношению к военнопленным именно так, как было сказано в приказе. Приказ имел большое значение для разоблачения геббельсовской пропаганды и адресовался он в первую очередь солдатам и офицерам противника. Он был переведен на немецкий язык, отпечатан в виде листовки, которая разбрасывалась нашей авиацией. Его транслировали для солдат противника через громкоговорящую установку.

Такие передачи проводились, например, в ночь с 5 на 6 сентября на участке 72-го гвардейского стрелкового полка. Сержанты В. Грозницкий и В. Беловолов, воспользовавшись вечерними сумерками, выдвинули и замаскировали громкоговоритель на нейтральной полосе. Как только стемнело, капитан Ю. И. Кириленко начал передачу. Приказ был повторен несколько раз, а затем над долиной Кальмиуса разнеслись слова популярной песни «Катюша». Эту песню любили наши солдаты и ненавидели гитлеровцы: слова песни напоминали о грозной боевой «катюше» и ее огневых снарядах.

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4908, д. 142, л. 116.

После передачи на левом фланге громкоговорящая установка переместилась на правый фланг 72-го полка.

Утро 6 сентября было спокойным и тихим. После ночной перестрелки умолкли пулеметы, задремали в своих окопах гитлеровские солдаты. Как раз в это время по пыльной дороге со стороны противника в долину реки Кальмиус спустилась крытая автомашина, замаскированная желтовато-зелеными полосами. Переехала мост через реку и пошла по дороге, ведущей в боевые порядки 72-го полка. Дорога проходила недалеко от наблюдательного пункта командира дивизии. П. К. Кошевой в это время стоял на краю кукурузного поля и смотрел на западный берег Кальмиуса. Автомашина, спокойно двигавшаяся по дороге, сначала не привлекла внимания комдива — в дивизии было много трофейной техники. Но когда до машины осталось не более пятидесяти метров, Петр Кириллович обратил внимание, что за рулем сидит солдат в немецкой форме, а рядом с ним дремлет унтер-офицер. Медлить было нельзя. Генерал выхватил пистолет и крикнул красноармейцу комендантского взвода.

— Игнашенко, ко мне!

Расторопный и исполнительный Игнашенко через мгновение оказался рядом и направил автомат на фашистов.

Водитель резко затормозил машину и выскочил на обочину с поднятыми руками. Проснувшийся от резкой остановки унтер-офицер тоже проворно выпрыгнул из кабины и поднял вверх руки. Игнашенко разоружил гитлеровцев и по приказанию комдива отвел в разведотделение. Генерал вызвал по телефону командира 72-го стрелкового полка и строго спросил:

— Клабуков, что сейчас делает полк?

— Держит оборону на восточном берегу Кальмиуса, — последовал спокойный ответ ничего не подозревавшего командира полка.

— Твой рубеж мне с ординарцем приходится оборонять, — рассердился Кошевой, — только что мы взяли на участке твоего полка трофеи и пленных...

Унтер-офицер и солдат на допросе показали, что они направлялись из города Сталино в один из батальонов, занимавших оборону на Кальмиусе. Дорогу они не знали, но офицер, направлявший их, сказал, что на

Кальмиусе сплошная линия обороны и можно ехать спокойно. Пленные сообщили некоторые новые сведения о группировке частей противника южнее Сталино. Кроме того унтер-офицер рассказал о том, что командующий группой армии «Юг» фельдмаршал Манштейн отдал распоряжение об уничтожении всех важных в военном отношении объектов Донбасса: шахт, заводов, железнодорожных станций и мостов.

Весь день 6 сентября дивизия готовилась к прорыву позиции «Черепаша». На наблюдательных пунктах велось детальное изучение переднего края противника, выявление и пристрелка разведанных целей. Дивизионные разведчики выдвинули свой наблюдательный пункт к самой реке.

Бои по прорыву противника на западном берегу Кальмиуса начались перед рассветом 7 сентября. Наступлению стрелковых батальонов предшествовала короткая, но интенсивная артиллерийская подготовка. Под прикрытием огня артиллерии стрелковые роты переправились на западный берег Кальмиуса и завязали бой за первую траншею. Вскоре она была занята. Но противник переходил в контратаки. Жаркий бой ведет 1-й батальон 70-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана Касьяненко. Командир 70-го стрелкового полка майор А. С. Дрыгин все время в гуще боя. Штаб обеспечивает командиру непрерывное управление боем, готовит и передает боевые донесения командира полка в штаб дивизии.

Батальоны 71-го стрелкового полка, захватив первые траншеи противника, успешно продвигаются вперед. И здесь бойцам приходится отражать контратаки фашистов. Несколько раз поднимал в атаку своих бойцов комбат 2-го батальона капитан А. Рыженко. Во время одной из атак он был тяжело ранен. Но батальон успешно выполнил боевую задачу.

К исходу дня части дивизии с упорными боями продвинулись на запад и вышли на рубеж Обильное — Новая Ласпа. Соединения 2-й гвардейской армии, действовавшие правее полосы наступления дивизии, во второй половине дня прорвали оборону противника и начали развивать успех. Вечером подвижной отряд 87-й гвардейской стрелковой дивизии ворвался на восточную окраину города Сталино. 8 сентября войска 5-й

ударной и 2-й гвардейской армий полностью очистили от гитлеровских захватчиков город Сталино — шахтерский центр Донбасса.

Противник не выдержал удара наших войск и вынужден был оставить рубежи. Попытки фашистского командования удержать центральные и западные районы Донбасса рухнули. 8 сентября в Запорожье, в штаб группы армий «Юг», прилетел Гитлер. Он надеялся своим присутствием поднять боевой дух 6-й и 1-й танковых армий. Фельдмаршал Манштейн в докладе Гитлеру следующим образом характеризовал положение группы армий: «Противнику удалось пробить брешь на северном фланге 6-й армии шириной в 45 км, где сражаются только остатки двух наших дивизий. Контратаки небольшими имеющимися у нас танковыми силами не могли закрыть эту брешь. Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы армий»¹.

Гитлер был вынужден согласиться на дальнейший отход группы армий «Юг», но потребовал остановить наступление Красной Армии на более узком фронте перед Днепром.

Фельдмаршал Манштейн вечером 8 сентября отдал приказ 6-й и 1-й танковым армиям перейти к подвижной обороне, которую они должны организовать так, чтобы обеспечить стойкость войск и выиграть как можно больше времени для осуществления отхода.

В 1943 году гитлеровские войска, отступая под ударами Советской Армии, проводили в соответствии с приказами и директивами гитлеровского руководства политику «выжженной земли». Когда немецко-фашистские войска начали поспешное отступление из Донбасса, обер-палач Гиммлер в дополнение к предыдущим приказам о создании «выжженной земли» отдал совершенно секретный приказ о разрушении Донбасса. Этот приказ был адресован руководителю войск СС и полиции на Украине Прюцману. Гиммлер требовал от Прюцмана всяческого содействия генералу Отто Штапфу — начальнику военно-экономического штаба «Ост».

¹ Э. Манштейн. Утраченные победы, стр. 514.

Немецко-фашистские войска пунктуально выполняли преступные директивы и приказы командования, уничтожая на своем пути все.

Город Сталино гитлеровцы начали уничтожать накануне вступления в него наших войск. Солдаты-фашистские поджигали и взрывали жилые дома, школы, больницы, промышленные предприятия.

8 сентября части 24-й дивизии уверенно продвигались на запад. Утром 9 сентября 70-й и 71-й полки взяли большое село Старо-Игнатьевку, а затем выбили противника с высот западнее села.

Немцы предприняли сильную контратаку и остановили дальнейшее продвижение наших частей. В течение дня гитлеровцы несколько раз пытались вернуть Старо-Игнатьевку. Фашистская авиация группами по двадцать пять — тридцать бомбардировщиков «Хейнкель-III» массированно бомбардировала Старо-Игнатьевку. Налеты велись с разных направлений. Всю ночь в селе пылали пожары. Село было почти полностью уничтожено, погибло много мирных жителей. Наши стрелковые батальоны зарылись в землю и потерь не имели. Штаб дивизии двигался через Старо-Игнатьевку вечером. Пожары и воронки от бомб задерживали движение колонны штаба и он попал под три последние бомбардировки. Были раненые среди офицеров, дивизионных связистов и саперов. Прямым попаданием бомбы была разбита машина командира дивизии. П. К. Кошевой успел укрыться в воронке.

Утром 10 сентября стрелковые батальоны продолжали теснить противника. При этом была отбита контратака гитлеровцев, поддержанная пикирующими бомбардировщиками «Ю-87». Попытка гитлеровцев задержаться на промежуточном рубеже в районе Старо-Игнатьевки провалилась. Противник начал отступать на рубежи реки Кальчик.

В течение 10 сентября части дивизии, преследуя отступающего противника, с боями пробивались к железнодорожной линии Волноваха — Мариуполь и перерезали ее.

Пересекая железнодорожный путь, гвардейцы впервые увидели результаты применения фашистами технической «новинки», предназначенной для массового тотального разрушения железнодорожной сети. Все

шпалы между рельсами были разорваны пополам. Местные жители рассказали, что из Мариуполя в Волноваху прошел паровоз, который тащил за собой тяжелый кованый крюк. Этот крюк рвал деревянные шпалы и выводил из строя путь.

День 11 сентября выдался пасмурным. Противник под прикрытием арьергарда торопливо отступал. Стрелковые полки преследовали немцев, двигаясь походными колоннами: впереди буквально по пятам гитлеровцев шли разведчики. Около 16 часов полки прошли через небольшой совхозный поселок и вышли в открытое поле. Оставалось шесть-семь километров до реки Кальчик.

В районе деревни Малый Янисаль на подступах к реке Кальчик противник встретил колонны полков интенсивным артиллерийским огнем. Полки развернулись из походных колонн в линию батальонов, с ходу преодолели реку Кальчик и захватили плацдарм на западном берегу.

В это время в воздухе появились пикирующие бомбардировщики «Ю-88» и стали сбрасывать бомбы... на головы своих пехотинцев. Гитлеровцы переполошились, в воздух полетели серии ракет. Такие же серии трофейных ракет дали и наши стрелковые батальоны. Фашистские летчики прекратили бомбардировку, набрали высоту, совершили два круга, осматривая поле боя, и опять... обрушили бомбы на свои же войска. Такая неожиданная «поддержка» помогла нашим подразделениям оттеснить противника, расширить плацдарм и закрепиться на достигнутых рубежах.

Вечером 13 сентября дивизия получила приказ — ночью внезапно атаковать и прорвать оборону противника. В 22.00 стрелковые цепи поднялись и без единого выстрела двинулись вперед. Гитлеровцы обнаружили наши роты только тогда, когда они подошли вплотную к их окопам и огневым точкам. Едва в воздух взвились первые осветительные ракеты, как над степью разнеслось гвардейское «ура!». Ошеломленные гитлеровцы начали поспешно оставлять свои окопы. Так же успешно опрокинули и погнали противника и другие соединения 2-й гвардейской армии. За день 14 сентября дивизия, преследуя противника, продвинулась на 20—25 километров.

В первой половине дня 15 сентября части дивизии достигли реки Берда и взяли большое село Белоцерковку. Когда бойцы вступили на окраину села, улицы были совершенно пусты. Однако едва жители крайних домов услышали русскую речь, по селу разнеслась радостная весть: «Наши пришли!». И улица стала заполняться ликующими людьми. Впереди шел седой дед. В руках он держал хлеб-соль. «Это вам, сынки, освободителям нашего села».

Молодые гвардейцы растерялись. Но тут подошел бывалый воин. Он принял из рук деда хлеб-соль, поцеловал верхнюю корочку паляницы и передал ее молодым бойцам. После этого старший сержант крепко обнял старика, расцеловал его троекратно и сказал, обращаясь к стоявшим вокруг жителям Белоцерковки:

— Спасибо вам, люди добрые, за ваш трудовой хлеб. Пусть никогда больше не будет ходить сапог оккупанта-фашиста по нашей земле. Мы даем вам гвардейское слово: изгнать гитлеровцев со всей советской земли...

Поздно вечером дивизия подошла к горящей деревне Андреевка. Здесь фашистские факельщики успели совершить свое черное дело. После того как факельщики убрались из деревни, враг в течение некоторого времени вел пулеметный огонь по улицам и не давал тушить пожары. И лишь когда огонь охватил большую часть строений, фашистский арьергард поспешно отошел на запад.

...Над деревней высоко в небо поднимались столбы густого черного дыма. Языки пламени освещали зловещим светом окрестности. Проходя через горящую Андреевку, бойцы еще крепче сжимали в руках боевое оружие, ускоряли шаг и клялись отомстить врагу за его злодеяния.

В нескольких километрах западнее деревни Салтычия продвижение стрелковых полков было остановлено упорным сопротивлением гитлеровцев. В ночь на 18 сентября полки дивизии внезапно атаковали противника, овладели линией высот и погнали ошеломленных гитлеровцев на запад. Когда бойцы пересекали полотно железной дороги Пологи — Осипенко, они увидели, что и здесь все шпалы были разорваны.

Командующий армией, генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров в приказе по армии от 18 сентября 1943 года писал: «Войска 2-й гвардейской армии ночной атакой в ночь с 17 на 18.9—43 г. прорвали заранее подготовленную позицию противника, и, овладев командными высотами вдоль линии железной дороги Пологи — Осипенко, вынудили его к отходу в западном направлении.

Войска армии в ночном бою показали образцы мужества и героизма.

Приказываю: всему генеральскому, офицерскому, сержантскому и рядовому составу частей армии, участвовавшему в боях по прорыву обороны противника и в его преследовании, объявить благодарность»¹.

После прорыва оборонительного рубежа в районе Пологи — Осипенко (ныне Бердянск) противник под прикрытием маневренных заслонов начал быстрый отход на запад. 18 и 19 сентября, преследуя противника, дивизия шла вдоль степных рек, притоков реки Молочной. В долинах их через каждые три-пять километров были расположены деревни, окруженные садами. Задержку на рубеже Пологи — Осипенко гитлеровцы использовали для полного уничтожения всех этих деревень.

Опрокинув очередной фашистский заслон, наши части ускорили наступление. 20 сентября было пройдено около сорока километров. На следующий день обозначились высоты, тянувшиеся с севера на юг. Командиры, сверив карту с местностью, передали во все роты известие: «Впереди река Молочная!» На подходах к ней бойцы преодолели противотанковый ров, сооруженный еще в 1941 году частями, оборонявшими юг Украины и Донбасс. За противотанковым ровом на склоне, обращенном к реке Молочной, раскинулся большой молодой сад, а за ним начиналось открытое поле. Здесь батальоны были встречены артиллерийским огнем противника. Преодолев под огнем поле, роты пересекли южнее города Молочанска железнодорожную линию Большой Токмак — Ново-Федоровка. Были освобождены населенные пункты Мунтау и Тигенгаген. Дальше простиралась речная долина. С

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 67, л. 54.

высокого правого берега противник вел сильный огонь. Но дивизия пробилась к реке Молочной.

После выхода войск Южного фронта на Молочную закончилась операция по освобождению Донбасса. Разгром группы фашистских армий «Юг» имел большое политическое, экономическое и военное значение. Освобождение Донбасса и выход войск Южного фронта на реку Молочную поставил под угрозу оборону немецко-фашистской армии в нижнем течении Днепра и на ближних подступах к Крыму.



ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Командир дивизии. — Конец «Линии
Вотана». — В степях Северной Тав-
рии. — Кинбурнская коса.

Началась привычная для гвардейцев подготовка к штурму сильно укрепленной полосы противника. Подтягивались тылы, в роты и батальоны вливались бойцы из пополнения. Среди них было много гвардейцев, возвращавшихся в строй после излечения в госпиталях. Новичков распределяли по отделениям и расчетам так, чтобы рядом с ними были ветераны, прошедшие под гвардейскими знаменами боевую закалку.

Едва началась подготовка к форсированию реки Молочной, как стало известно, что наш командир генерал-майор П. К. Кошевой назначен командиром 63-го стрелкового корпуса 51-й армии.

Петр Кириллович командовал дивизией со 2 июля 1942 года по 23 сентября 1943 года. По военному времени это немалый срок. Под его командованием соединение сражалось с врагом под Синявином, громило ударную группировку фельдмаршала Манштейна в сталинградских степях. Дивизия прошла с боями весь Дон, прорывала рубеж Миус-фронта, участвовала в освобождении Донбасса.

Наш комдив являл собой пример боевого советского военачальника, воспитанного Коммунистической партией. Он показал себя талантливым, мужественным и храбрым генералом, глубоко познавшим совет-

скую военную науку и творчески применившим свои знания на поле боя.

Родился П. К. Кошевой 8 декабря 1904 года в городе Александрия на Украине. Шестнадцатилетним подростком вступил в 1920 году в Красную Армию, участвовал в боях за власть Советов на фронтах гражданской войны. Потом были годы учебы и совершенствования своего воинского мастерства. Первая встреча с фашистской военной машиной у молодого командира Красной Армии произошла в Испании. В 1939 году Петр Кириллович окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Великую Отечественную войну П. К. Кошевой начал командиром 65-й стрелковой дивизии. Уже первые ее бои были наступательными. В результате умелого маневра и стремительной атаки дивизия нанесла решающий удар по глубоко вклинившейся группировке фашистов и овладела Тихвином.

Отличительная черта П. К. Кошевого как командира — постоянная связь с командирами полков, батальонов, рот, которые были для него не просто подчиненными, а боевыми товарищами, помощниками, верной опорой в бою. Командир дивизии хорошо знал своих офицеров, относился с особым вниманием к людям смелым, творческим и инициативным. Наблюдая за действиями командиров в бою, генерал безошибочно оценивал их сильные и слабые стороны, смело выдвигал людей достойных, показавших в бою не только храбрость, но и высокое воинское умение. Воспитанниками генерала были многие молодые офицеры дивизии. П. К. Кошевой внимательно следил за тем, как накапливают в боях опыт и мастерство капитаны Д. В. Казак и В. И. Тимошенко, как растет буквально на глазах молодой офицер оперативного отделения штаба дивизии майор П. В. Мальцев.

Еще во время боев под Синявином командир дивизии присматривался к комиссару 2-го стрелкового батальона 71-го полка старшему политруку А. С. Дрыгину. Когда в тяжелой обстановке батальон оказался без командира, П. К. Кошевой без колебаний поручил командование батальоном комиссару Дрыгину. В дальнейшем во время боев под Сталинградом в районе хутора Генераловский, на Дону при взятии хутора Ве-

дерников, станиц Константиновская и Семикаракорская генерал не раз отмечал смелые и тактические грамотные действия комбата. После выхода дивизии на рубеж реки Миус в феврале 1943 года командир дивизии выдвинул А. С. Дрыгина на должность заместителя командира полка, а затем и командира 70-го полка.

Подобным же образом сложилась фронтовая судьба командира 71-го гвардейского стрелкового полка майора Т. И. Степанова. Под Синявином командир дивизии назначил молодого офицера на должность начальника штаба полка. Когда синявинские бои вступили в драматическую завершающую стадию, майору Степанову пришлось принять на себя и командование полком. В феврале 1943 года в самый разгар наступления на Дону командир дивизии П. К. Кошевой ходатайствовал о назначении Терентия Ивановича командиром полка. Комдив знал, что Степанов не имел военного образования, но видел у него прирожденные способности командира, ценил его настойчивость и постоянную жажду совершенствования военных знаний.

Так сформировалось крепкое ядро командного состава. Большинство офицеров считало дивизию родным домом и в случае ранения стремилось не уходить из дивизии, а оставаться для лечения при медсанбате. Это создавало дополнительные трудности для медицинских работников. Командир медсанбата майор медицинской службы С. А. Болотский докладывал о перегруженности, но каждый раз комдив был на стороне патриотов дивизии и советовал Сергею Андреевичу, если это не создает угрозы для лечения и здоровья командиров, не эвакуировать их в армейские госпитали.

Командир дивизии был скрупулезен в отработке планов каждой боевой операции. Он не считался ни со временем, ни с усталостью. Все отделы штаба трудились с максимальным напряжением. Оперативники тщательно проверяли свои схемы и расчеты, связисты готовили схемы и направления связи, штаб артиллерии прорабатывал варианты поддержки пехоты на поле боя огнем и колесами. Политический отдел готовил мероприятия по партийно-политическому обеспечению предстоящего боя. В это время на командном пункте

дивизии царила атмосфера сосредоточенной деловитости.

Начинался бой — командир дивизии был впереди на своем наблюдательном пункте. Место Петр Кириллович выбирал в боевых порядках полков, с учетом развития обстановки, особенностей местности, откуда всегда можно было видеть действия полков и батальонов, наблюдать за противником. Находясь на НП, П. К. Кошевой был готов лично прийти на помощь командиру полка или батальона, оказавшемуся в трудном положении. При этом он со своей оперативной группой нередко принимал непосредственное и активное участие в бою.

Во время боев под Синявином наблюдательный пункт дивизии оказался отрезанным прорвавшимися в тыл гитлеровцами. П. К. Кошевой придвинул свой НП к наблюдательным пунктам полков и продолжал руководить боем против численно превосходящего противника в невероятно сложной обстановке.

После нескольких дней напряженного сражения командующий армией приказал соединению сосредоточиться в новом районе. Для выхода в этот район полки должны были прорываться через расположение фашистских частей. С боем прорывалось ночью и управление дивизии. Колонну штаба и дивизионных подразделений вел командир дивизии П. К. Кошевой. Он был как всегда спокоен, подтянут и всем своим видом вселял уверенность в успешном исходе боя. Прорывалась колонна управления по болотистой низине в районе деревни Гайтолово, в промежутке между двумя фашистскими пулеметными гнездами. Несколько раз пришлось вступать в перестрелку, отбиваться гранатами. Перед рассветом колонна с минимальными потерями пробилась через фашистский рубеж.

Генерал любил и всесторонне знал военное дело и военную технику. Свои знания и опыт стремился довести «до самого переднего края» — до командира взвода и солдата. В любой обстановке учил гвардейцев науке побеждать. Он мог просто, как старший и более опытный командир, показать молодому офицеру, как он должен ввести в бой свой взвод или роту. Большое внимание комдив обращал на подготовку солдат к борьбе с танками, пропускать их над своими

окопами, а затем поражать противотанковыми гранатами и огнем из противотанковых ружей. За время командования дивизией генерал Кошевой снискал всеобщее, глубокое уважение, признательность и добрую солдатскую любовь.

Назначение генерала П. К. Кошевого на более высокую должность командира корпуса вызвало у воинов дивизии, с одной стороны, чувство гордости, а с другой — сожаление, что от нас уходил хороший командир.

Командиром дивизии был назначен полковник Петр Иванович Саксеев. Уже на следующий день после его вступления в должность пришло известие о присвоении ему звания генерал-майора.

Петр Иванович Саксеев — сын крестьянина из Ярославской губернии. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла много дорог перед ярославским пареньком. Он выбрал одну единственную дорогу — защитника завоеваний Октября, защитника Родины. Великую Отечественную войну П. И. Саксеев встретил командиром укрепленного района, оборонявшего побережье Черного моря в районе Днепро-Бугского лимана и Кинбурнской косы. Укрепрайон под командованием П. И. Саксеева оборонялся на Миусе и в Сталинграде. За оборону Сталинграда укрепленному району было присвоено высокое звание первого гвардейского укрепрайона. Теперь ему предстояло вести в бой гвардейскую дивизию в знакомых местах, где он впервые встретил врага.

Рубеж на реке Молочной, который должны были штурмовать наши гвардейцы, представлял южную часть стратегического оборонительного рубежа гитлеровской армии, получившего во всех документах вермахта название «Восточный вал».

Укрепления «вала» начинались на р. Нарва, проходили восточнее Пскова, Витебска, Орши, по реке Сож, по западному берегу Днепра до Запорожья. Затем укрепления вала продолжались от Днепро-Бугских плавней в районе Васильевки до Ворошиловки, шли по западному берегу рек Чингул и Молочная. Южнее Мелитополя укрепления противника подходили к широ-

кому и глубокому озеру Молочное. Общая протяженность укреплений на Молочной от Васильевки достигала 150 километров. Гитлеровское командование дало этому рубежу название «линии Вотана» — бога войны древних германцев. «Линия Вотана», прикрывая подступы к Крыму, помогала оккупантам удерживать в своих руках никопольский марганец и криворожскую железную руду.

После сокрушительного разгрома на Курской дуге и поражения в Донбассе гитлеровская клика связывала свои далеко идущие планы со стабилизацией фронта. Командование вермахта надеялось, что штурм «Восточного вала» Красной Армией приведет к истощению людских и материальных ресурсов Советского Союза и поможет Гитлеру выиграть время для укрепления расшатанного фашистского блока.

Работы по строительству рубежей на рске Молочной были развернуты гитлеровцами в феврале—марте 1943 года. Интенсивность их значительно возросла после 11 августа, когда Гитлером был отдан приказ о сооружении «Восточного вала». На «линию Вотана» были переброшены подразделения Тодта. В своих приказах Гитлер требовал привлекать к работам «без какой-либо ложной мягкости» гражданское население оккупированных областей, предписывал формировать строительные батальоны, в том числе и женские. Много таких строительных батальонов было согнано на реку Молочную, где советские люди были вынуждены работать под дулами автоматов фашистской охраны.

В полосе нашей дивизии укрепления противника проходили через населенные пункты Гофенталь, Альт-Нассау, Вайнау, Вайнавский. Река Молочная неширока, но ее глубина доходит во многих местах до двух метров. Восточный берег низкий, почти сплошь заболоченный. Западный берег сухой и на удалении 50—200 метров от реки переходит в обрывистые кручи. Правый берег поднимается над уровнем речной долины на 60—85 метров. За береговой грядой многочисленные курганы. Населенные пункты, господствующие высоты и курганы были превращены гитлеровцами в мощные опорные пункты.

Высокий западный берег во многих местах неприступен был для танков. Там, где склоны берега срав-

нительно отлоги, у подножия их был прорыт ров, который на участках с более крутыми склонами переходил в эскарп. Ширина рва достигала 4—5 метров, глубина — 3—4 метров. На дне были установлены противопехотные мины и проволочная спираль. Поэтому ров и эскарп являлись не только противотанковыми, но и противопехотными препятствиями.

Траншеи пехотинцев находились на расстоянии 100—300 метров за противотанковым рвом. Окопы полного профиля и огневые позиции для пулеметов были расположены в непосредственной близости к нему. В крутых склонах и в обрывах западного берега прятались искусно замаскированные пулеметные точки, предназначавшиеся для внезапного кинжального огня по атакующей пехоте.

Первый рубеж обороны противника состоял из густой сети опорных пунктов и узлов сопротивления, приспособленных для круговой обороны. Промежутки между опорными пунктами прикрывались фланкирующим, многослойным пулеметным огнем. Оборона противника была насыщена противотанковыми орудиями. Основная масса полевой артиллерии была удалена от двух до пяти километров от переднего края, причем каждая батарея располагала двумя-тремя запасными позициями.

В 3—7 километрах от передового рубежа располагался второй. Он проходил уже по равнине и состоял также из целого ряда опорных пунктов, в качестве которых использовались населенные пункты с фундаментальными кирпичными постройками — Октоберфельд, Ней-Нассау, Ровное, Трудолюбимовка... Перед опорными пунктами второго рубежа также проходил противотанковый ров. Глубина укреплений «линии Вотана» составляла в среднем 18—20 километров.

Основные узлы «линии Вотана» задолго до выхода наших войск на реку Молочная были заменены свежими частями противника, переброшенными из Крыма, и дивизиями, освободившимися после оставления плацдарма на Таманском полуострове. В полосе наступления 2-й гвардейской армии оборонялись 3-я, 17-я пехотные, 5-я и 15-я авиаполевые и 13-я танковая дивизии противника с приданными и поддерживающими артиллерийскими частями.

Оборона противника на реке Молочной оказалась значительно выше насыщенной людьми и техникой, чем оборона на Миусе. Так, плотность на 1 километр Миус-фронта составляла: солдат и офицеров — 350, пулеметов — 16, винтовок и автоматов — 270; на реке Молочная: солдат и офицеров — 400, пулеметов — 20, винтовок и автоматов — 300. Оборонительная полоса на Молочной была более сильной, чем оборона противника на Миусе по своему инженерному оборудованию, противотанковыми препятствиями и по плотности насыщения танками.

Для поддержания боевого духа своих войск гитлеровское командование установило в дивизиях, оборонявшихся на реке Молочной, для солдат повышенный, а для офицеров тройной оклад денежного содержания. В Берлине начали изготавливать медали «За оборону мелитопольских позиций». Кроме того, всем солдатам были обещаны железные кресты.

Готовясь к штурму «линии Вотана», части армии столкнулись с целым рядом трудностей. В период стремительного наступления тылы отстали и растянулись на 200—250 километров. Железные дороги были выведены противником из строя. Начались осенние дожди, превращающие полевые и грейдерные дороги в месиво жидкой и липкой грязи. Ощущалась острая нехватка автотранспорта. Только благодаря самоотверженным усилиям тыловых подразделений, хозяйственных взводов, служб боепитания, за четверо суток, оставшихся до назначенного дня наступления, на передний край были доставлены боеприпасы, налажено продовольственное снабжение.

Тем временем на переднем крае продолжалась напряженная работа. Командиры стрелковых подразделений вели наблюдение за противником и намечали направления форсирования реки и выхода к первой траншее противника. Артиллеристы вели пристрелку целей, не забывая при этом экономить снаряды. Полковые и дивизионные разведчики с наступлением темноты скрытно переправлялись через реку и уходили в ночной поиск за «языком». Саперы обозначали броды, на глубоких местах готовили для переправы легкие штурмовые мостики, а также вели разведку минных полей на западном берегу.

В последний день перед наступлением командиры еще раз проверили полную готовность к штурму, согласовали и уточнили расчеты, планы и графики. Политработники и агитаторы довели до каждого гвардейца задачи дивизии в предстоящих боях. Особое внимание обращалось на повышение активности воинов, на их инициативные действия. Перед солдатами выступали участники прорыва Миус-фронта. На своем боевом опыте они учили новичков не бояться укреплений противника, а смело штурмовать их. Гвардейцы клялись выполнить с честью приказ Родины, сокрушить рубеж «линии Вотана», освободить Северную Таврию и пробиться к низовьям Днестра.

Вот с бойцами одной из стрелковых рот беседует парторг 71-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант П. И. Сизов. Он переходит от одной группы бойцов к другой, от расчета к расчету. Бойцы стараются не пропустить ни слова, когда Сизов рассказывает о местности, где предстоит вести бой. Это и понятно — Петр Иванович уроженец здешних мест. Он очень волнуется, ведь его семья находится так близко, но в родном селе пока хозяйничают гитлеровцы.

С артиллеристами 50-го гвардейского артполка на огневых позициях разговаривает заместитель командира по политчасти майор Николай Евгеньевич Херасков, старый коммунист, опытный партийный работник. Вместе с ним ходит по батареям сержант В. Седаков. В артполку хорошо его знают, любят слушать стихи, которые Виктор пишет и охотно читает. Сегодня он тоже читает стихи — о доблестных артиллеристах, о Днестре, к берегам которого стремятся бойцы.

Перед боем во все роты и батареи поступила пахнущая свежей типографской краской дивизионная газета. На первой полосе крупным шрифтом был набран призыв беспощадно громить врага и освобождать от фашистов левобережье Днестра.

Утром 26 сентября всю долину Молочной накрыл густой белый, как молоко, туман. Возможно, из-за таких туманов река и получила свое необычное название. Низко нависшие тучи моросили дождем. Едва туман рассеялся, открыли огонь сотни орудий и минометов. Над вражеским передним краем нависли чер-

ные клубы дыма. Артподготовка продолжалась 45 минут.

В это время саперы навели переправы, обозначили проходы в минных полях.

Когда артиллерия перенесла огонь в глубину, поднялась в атаку пехота. Над полем боя понеслось: «Вперед к Днепру!» Цепи атакующих преодолели реку и завязали бой за Альт-Нассау. У каждой роты был свой флажок, гвардейцы несли его впереди, чтобы водрузить на высотах западного берега.

Бой шел за каждый дом, за каждый изгиб траншей. К полудню, овладев Альт-Нассау, роты начали штурм укрепленных высот за деревней. К исходу дня гитлеровцы были выбиты из первых траншей. Наши полки закрепились на достигнутом рубеже в 1,5—2 километрах западнее Альт-Нассау.

Гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление и часто переходили в контратаки. Во второй половине дня, когда погода улучшилась, в полосе наступления соседей справа гитлеровская авиация предприняла яростные массированные бомбардировки города Большой Токмак.

Бой на участке дивизии затих с наступлением темноты. У стрелков и артиллеристов почти не осталось боеприпасов. В некоторых батареях оставалось по 6—8 снарядов на орудие, у минометчиков — лишь неприкосновенный запас на случай отражения контратак. За ночь на передний край были доставлены боеприпасы, но в очень ограниченном количестве. Артиллеристы полковых батарей и пушечных дивизионов артполка на руках выкатили орудия в боевые порядки пехоты для стрельбы прямой наводкой. На закрытых позициях остался только гаубичный дивизион.

Утром 27 сентября долина реки снова была покрыта густым туманом. Во многих местах он распространился и на высокий правый берег, мешая наблюдению за противником, затрудняя управление огнем артиллерии и минометов. Короткая, интенсивная артподготовка началась раньше, чем белая пелена успела окончательно рассеяться. Орудия прямой наводкой вели редкий, но меткий огонь.

Первая атака нашей пехоты принесла скромный успех. Продвижение измерялось сотнями метров. Про-

тивник был выбит с нескольких опорных позиций, потерял ряд огневых точек, но не был дезорганизован, сумел сохранить живую силу и технику. Артиллерия и минометы врага открыли яростный беглый огонь по нашим передовым подразделениям, вынуждая их залечь. Из укрытий в тылу опорных пунктов выползли танки и самоходки с черными крестами на броне. Они не жалели боеприпасов. Когда иссякали осколочные и фугасные снаряды, фашистские танкисты вели обстрел нашей пехоты бронебойными болванками. Пехотинцам в окопах и траншеях болванки не могли причинить урона. Видимо, противник рассчитывал на психологический эффект: болванки проносились над головами солдат с отвратительным металлическим визгом.

Жаркий бой разгорелся в районе к западу от Большого Токмака. В середине дня на Большой Токмак опять пошли группами по 25—30 самолетов фашистские эскадрильи. Одновременно гитлеровская авиация начала наносить удары по нашим боевым порядкам.

После полудня противник повел контратаки против частей дивизии при поддержке танков, самоходных орудий, массированного артиллерийского и минометного огня. Несколько контратак отразил 71-й гвардейский стрелковый полк.

Гвардейцы 70-го полка отражали одну из яростных контратак фашистской пехоты. Пулеметчики заправили в пулемет последнюю ленту, автоматчики — последний диск. В это время на наблюдательный пункт, перебегая от воронки к воронке, добрался помощник командира полка капитан М. С. Сафронов.

Командир полка задал Михаилу Степановичу только один вопрос:

— Патроны привез?

— Есть патроны, там внизу под горой в повозках, — едва отдышавшись, доложил Сафронов.

— Давай их сюда и быстро, — распорядился командир, не переставая наблюдать за полем боя.

Медлить было нельзя. Капитан бросился назад под гору. Капитан Сафронов быстро сформировал команду из ездовых, связных. Сам подхватил тяжелый ящик с патронами и устремился в гору, где кипел бой. Следом

цепочкой поднимались в гору с тяжелой ношей остальные.

Патроны поступили вовремя. Застрочили, проглатывая ленту за лентой, «максимы». Участилась стрельба из автоматов и винтовок. Фашисты понесли тяжелые потери, но не смогли отбросить наши подразделения на восточный берег реки.

И в последующие два дня противник непрерывно контратаковал. Как показали пленные, гитлеровское командование спешно перебрасывало войска с других участков фронта. В бой были введены также батальоны, доставленные на самолетах из Крыма. Нараскивала свои удары и фашистская авиация.

Утром 30 сентября 2-я гвардейская армия возобновила наступление, стремясь продвинуться в юго-западном направлении и поставить под угрозу фланг фашистских войск, оборонявших Мелитополь. Перешли в наступление и части 24-й гвардейской стрелковой дивизии. После первой стремительной атаки, поддержанной артиллерией, стрелковые полки отбили у противника отдельные участки траншей. В результате последующих атак было взято несколько высот и курганов. Однако противник оказывал все усиливающееся сопротивление. До конца дня наши бойцы отбили две яростных контратаки фашистов. Гитлеровцы упорно обороняли каждый окоп, каждую высоту. Стрелковые батальоны продвигались, с боем отвоевывая метр за метром. Оборона противника словно вдавливалась под ударами наших войск, но не прорывалась. Ряды наступающих батальонов заметно редели.

К исходу дня 30 сентября поступил приказ командующего армией генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова: «Войскам армии перейти к обороне на занимаемом рубеже с целью организованно встретить наступление противника, устроить ему артиллерийскую мясорубку, перемолоть его боевую технику и главную силу»¹.

Всю ночь отбитые у противника траншеи приспособлялись для обороны; бруствера перебрасывались с восточного края на западный, оборудовались, тоже обращенные на запад, огневые позиции для станковых пулеметов. Здесь же в боевых порядках пехоты воору-

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 167, л. 103.

довались огневые позиции для противотанковых 45-миллиметровых пушек, полковых и дивизионных 76-миллиметровых орудий. Зарывались в землю и батальонные 82-миллиметровые минометы.

В первых числах октября на переднем крае дивизии было сравнительно спокойно. В подразделения дивизии поступало пополнение. Подвозились боеприпасы.

По ночам уходили в поиск группы полковых и дивизионных разведчиков. К рассвету они возвращались с «языками», трофейными документами и данными разведки позиций противника. Были уточнены расположение и характер укреплений противника на переднем крае, засечены огневые позиции артиллерии и минометов.

Затишье наше командование использовало для подготовки к дальнейшему развертыванию наступления. По директивам штаба фронта направление главного удара 2-й гвардейской армии переносилось с правого фланга почти в самый центр, в направлении на Трудолюбимовку и Ново-Федоровку. 55-й стрелковый корпус и 24-я гвардейская стрелковая дивизия оказывались на направлении главного удара. В связи с этим была произведена дополнительная перегруппировка войск. Полоса наступления дивизии была сокращена и сдвинута к югу на 2—2,5 километра. Поэтому стрелковые полки передали свои участки под Альт-Нассау полкам соседней дивизии. После этого полки вышли в район деревни Тигенгаген, а затем вновь выдвинулись к реке Молочной, но уже восточнее деревни Вайнау и хутора Вайнавский.

Дивизионы 50-го гвардейского артполка заняли огневые позиции южнее и восточнее деревни Тигенгаген. Батареи 120-миллиметровых минометов оборудовали свои огневые позиции в садах и огородах на восточной окраине деревни Тигенгаген вдоль железнодорожного полотна. Наблюдательные пункты стрелковых полков и артиллеристов расположились в низине неподалеку от реки. Некоторые НП разместились на небольших курганах. Противник занимал высокий правый берег, возвышавшийся над долиной реки и над самыми высокими курганами наших НП на 75—80 метров. Наши наблюдатели видели только склон за-

падного берега, обращенный к реке, а с фашистских НП просматривались наши боевые порядки на всю глубину. Наблюдательный пункт командира дивизии генерал-майора П. И. Саксеева был на склоне выше железнодорожной линии, но и отсюда на передний край противника нужно было смотреть вверх.

Опыт предыдущих боев показал, что в утренние часы над рекой Молочной стоит туман, который затрудняет наблюдение за полем боя и управление войсками. Поэтому начало наступления было назначено на 13 часов 9 октября.

Первыми же залпами были накрыты многие цели. Стрелковые роты пошли в атаку, как и в предыдущих боях, со своими красными штурмовыми флажками и держали равнение на флажки передовых рот.

Бой за деревню и опорный пункт Байнау был крайне ожесточенным. Противник отчаянно цеплялся за каждое строение, превращенное в укрепленную огневую точку. Гвардейцы 1-го батальона 72-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана А. Назарова смело продвигались вперед.

Атакующую цепь возглавляла штурмовая группа, которую вел комсорг батальона красноармеец Ф. М. Стренин. Действовал он спокойно, расчетливо и уверенно, прокладывая себе гранатами путь вперед. А когда гитлеровцы начинали убегать из своих укрытий, Федор Стренин косил их короткими автоматными очередями. Своей храбростью комсорг увлекал за собой бойцов. Они смело перебежали от одного дома к другому, забрасывая гранатами превращенные в амбразуры окна подвалов. Вскоре смельчаки пробились через населенный пункт и начали штурмовать огневые точки на склоне высот за деревней.

В хуторе Вайнавский тоже пришлось брать с боем каждый дом. Оставив хутор, гитлеровцы предприняли попытку удержаться в траншеях на склоне высот. Однако решительные атаки гвардейцев вынуждали противника сдавать одну позицию за другой. Солдат В. Кожевников первым вскочил в траншею, которую занимали 13 фашистских солдат во главе с офицером. Отважный гвардеец открыл огонь из автомата вдоль траншеи. Длинной очередью В. Кожевников уничтожил пятерых фашистов, остальных взял в плен.

Как только красные флажки атакующих рот стали подниматься в гору, ожили скрытые огневые точки противника. Наше продвижение замедлилось. Все это видел со своего наблюдательного пункта капитан А. О. Гуссар, командовавший батареей 120-миллиметровых минометов. Быстро и точно он засек новые цели. После двух-трех пристрелочных выстрелов тяжелые минометы открыли беглый огонь. Разрывом мины разбросало в разные стороны пулемет, патронные коробки и солдат-пулеметчиков. Наша стрелковая цепь поднялась в атаку. Минометчики тем временем занялись пулеметом, державшим под огнем северную окраину Вайнау. Опять несколько мин для пристрелки — и беглый огонь на поражение.

Преодолевая упорное сопротивление, полки к исходу дня прорвали передний край обороны противника и овладели несколькими высотами на западном берегу реки Молочной. В боях были взяты в плен солдаты и офицеры 79-й пехотной дивизии, переброшенной на «линию Вотана» с Тамани.

К вечеру первый батальон 71-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана М. Миропова продвинулся вперед на три километра. Впереди виднелась лесопосадка, а за ней — село. Колонна гитлеровцев с танками и самоходными орудиями выдвинулась к лесопосадке. Фашистская пехота быстро развернулась в цепь и пошла в атаку вслед за танками и самоходками. Противник, имея превосходство в численности, начал теснить наши роты. На помощь стрелкам поспешили связисты, ездвые. Плечом к плечу с бойцами отражали контратаку врага огнем из автоматов командир батальона капитан Миронов, его заместитель по политической части капитан Н. Овчинников.

По пехоте и танкам врага открыла огонь артиллерия. Несколько танков запылало. Цепи фашистов смешались и под натиском батальона отступили за лесопосадку. На поле боя догорали подбитые танки, валялось много трупов гитлеровских солдат. Понес потери и батальон капитана Миропова. При отражении контратаки противника получил смертельное ранение заместитель командира по политчасти капитан Н. Овчинников. На исходе были боеприпасы,

Командир полка майор Т. И. Степанов приказал батальону закрепиться на достигнутом рубеже и готовиться к утреннему наступлению. Противник вел ожесточенный обстрел. Наши бойцы экономили боеприпасы и отвечали лишь винтовочными выстрелами.

Для доставки в батальоны боеприпасов была создана группа под командой сержанта Н. Кузнецова. В состав ее попал неутомимый В. А. Дьяченко, который принял командование группой, когда погиб по пути на пункт боепитания сержант Кузнецов. Через два часа солдаты вернулись, сгибаясь под тяжестью вещевых мешков, наполненных патронами и гранатами. Вместе с группой в батальон из резерва полка прибыли два расчета противотанковых ружей и один расчет 45-миллиметровой противотанковой пушки.

Ночью бой утих; уставшие за день гвардейцы забылись в коротком сне. Бодрствовало только боевое охранение. Быстро уснул, завернувшись в свою большую, «навырост», шинель и храбрый гвардеец В. А. Дьяченко. Но видел он совсем не военные, а обыкновенные мальчишеские сны. И все это было вполне понятно: Владимир Андреевич Дьяченко — так числился он только в списке батальона, а в действительности все его называли просто Володей.

Было Володе неполных 16 лет. Немногим больше месяца назад 4 сентября наши войска освободили его родной город Моспино в Донбассе. Мальчик ушел из дома и стал бойцом батальона капитана Миронова. Небольшого роста, щупленький, он шагал вместе с батальоном, преследуя отступающих гитлеровцев. Когда фашисты задерживались на промежуточных рубежах, Володя переодевался в свою одежду и ходил в разведку, всякий раз возвращаясь с точными сведениями о противнике. А потом показывал, где лучше подойти к фашистским позициям, в каком месте удобнее одолеть вброд реку. Во время боев на Молочной Володя был связным командира батальона и бесстрашно под шквальным огнем противника передавал приказания комбата в роты. На обратном пути он находил и исправлял повреждения на линии связи. Проводная связь была ненадежной, осколки мин и снарядов вновь ее нарушали, и Володя бежал под огнем в роту с приказанием комбата.

10 октября фашистская пехота несколько раз контратаковала позиции стрелковых полков, стремясь сбить их с высот западного берега и отбросить за реку Молочную. В некоторых контратаках принимало участие до 15 танков и самоходных орудий, но гвардейцы держались стойко, умело уничтожая живую силу противника. Как только выдыхалась фашистская контратака, наши стрелковые роты продвигались вперед, все глубже вгрызаясь в оборону врага.

В ночь на 11 октября дивизией была предпринята внезапная атака укреплений противника. После ожесточенного боя стрелковые подразделения продвинулись вперед и закрепились на достигнутых рубежах.

Утром 11 октября вновь разгорелся ожесточенный бой. Одна за другой разбивались волны фашистских контратак о неприступную оборону гвардейцев. И опять, едва отразив натиск гитлеровцев, стрелковые батальоны отбивали у врага одну позицию за другой.

Продвижение первого батальона 72-го гвардейского стрелкового полка затруднял фашистский пулемет на высоте 105,2. Комсорг батальона Ф. М. Стренин с группой бойцов поспешил к высотке, извергавшей сплошной поток свинца. Пока позволяла местность, смельчаки делали короткие и быстрые перебежки. Но под огнем группа вынуждена была залечь. Дождавшись, когда фашистский пулеметчик стал менять ленту, Стренин поднялся во весь рост и открыл огонь из автомата. Не давая врагу опомниться, гвардейцы броском достигли траншеи и забросали ее гранатами. Гарнизон врага, оборонявший высоту, был уничтожен в ожесточенной рукопашной схватке.

В последующие дни стрелковые полки выбили гитлеровцев из лесопосадки и подошли к Трудолюбимовке, превращенной в сильный опорный пункт. На подступах к деревне завязались упорные бои. Гитлеровцы цеплялись за каждый окоп, за каждый степной курган, яростно контратаковывали.

Батальоны 71-го гвардейского стрелкового полка еще не успели закрепиться под Трудолюбимовкой, как: противник обрушил на них сильнейший встречный удар. Перед началом атаки противник засек станковые пулеметы 1-го батальона и стал накрывать их беглым огнем. Когда начался бой, командир пулеметной

роты старший лейтенант Михаил Яковлев помогал из-готовиться к стрельбе с новой огневой позиции расчета сержанта А. Метелицы. Командир роты наметил рубеж для открытия огня и наладил взаимодействие расчета А. Метелицы с соседним пулеметным расчетом сержанта С. Тарариева. Метелица и Тарариев пришли в роту совсем недавно, но, как это бывает в боях, где день равен месяцу, а то и году по насыщенности событиями, сержанты быстро подружились и, что особенно важно, хорошо понимали друг друга в бою. Уже не раз они благодаря смелым и согласованным действиям, с честью выходили из труднейших испытаний.

У друзей было много общего, прежде всего беззаветная храбрость, умелое владение грозной боевой техникой, беспредельная ненависть к врагам — фашистским оккупантам, доброе, заботливое отношение к своим товарищам. Но командиры двух расчетов во многом и отличались друг от друга. Александр Метелица был хладнокровным, спокойным человеком. До войны он работал директором совхоза. Оборудуя вместе со своим расчетом огневую позицию для своего «максима» здесь в южно-украинской степи, Метелица не ругал неподатливую, ссохшуюся в камень почву. Он несколько раз пробовал пальцами комочки плотного грунта, разминал их и говорил своим бойцам:

— Хорошая здесь земля. Добрая, плодородная. Вы только представьте себе, что здесь будет когда кончится война! Засыплут хлеборобы все окопы и воронки, исчезнет вот этот противотанковый ров...

Сержант С. П. Тарариев в бою как бы сливался в одно целое со своим безотказным и грозным пулеметом. У него было меньше, чем у Метелицы, жизненного и боевого опыта, но он многое сумел перенять у фронтового друга.

Еще раз проверив готовность расчетов А. Метелицы и С. Тарариева, старший лейтенант М. Яковлев удовлетворенно огляделся вокруг: тут врагу не пройти.

Тем временем огонь противника все усиливался. Гитлеровские артиллеристы стремились расчистить путь своей пехоте. Близким разрывом снаряда наполовину засыпало окоп, где находился расчет Тарариева. Едва рассеялся дым, Тарариев бросился к пулемету. Он разгреб землю, ощупал пулемет и облегченно вздохнул.

Все было в порядке. Семен Тарариев хорошо знал, что станковый пулемет, до тех пор пока есть боеприпасы и жив хоть один пулеметчик, неприступен для пехоты противника.

Вскоре фашистская артиллерия перенесла свой огонь в глубину. Почти одновременно со стороны Трудолюбимовки поднялись в атаку густые цепи фашистских солдат. Пока до фашистов было еще далеко, пулеметы, затаившись, молчали... Только по сторонам вели редкий прицельный огонь из винтовок стрелки. Цепи гитлеровцев подошли совсем близко, уже были видны красные лица солдат, слышны команды офицеров. В этот момент дружно ударили пулеметы Метелицы и Тарариева. Очереди выкашивали в рядах гитлеровцев большие просветы. Атака врага захлебнулась. Бойцы батальона капитана Н. И. Дыбова начали преследовать бегущих гитлеровцев и захватили позиции, с которых враг только что начал свою атаку. Пулеметный расчет сержанта А. Метелицы не отставал от стрелков и продолжал разить гитлеровцев метким огнем: в этом бою Александр Метелица уничтожил более 60 фашистов.

Поздней ночью бой под Трудолюбимовкой стал постепенно угасать. Стрелки и пулеметчики опять, в который уже раз, зарывались в землю.

Утром в расположении стрелковых рот и батальонов началось обычное оживление. Старшины в термосах доставили на передний край горячую пищу и табачок. До каждого окопа и огневой позиции добирались со своей тяжелой ношей подносчики боеприпасов. Полковые почтальоны принесли письма и свежий выпуск дивизионной газеты. Сегодня гвардейцы с особенным интересом читали ее. Газета подробно рассказала, как вчера сражался с фашистами пулеметный расчет Александра Метелицы. Крупными буквами был напечатан призыв к гвардейцам следовать примеру отважного пулеметчика и изучать его боевой опыт. Здесь же был рисунок-гравюра на линолеуме красноармейца Д. Макарова. Метелица был изображен в облике могучего богатыря в пилотке с красной звездой. Из ствола пулемета вырывались мощные струи огня, которые хлестали по фашистам. Рисунок сопровождался стихотворным текстом одного из боевых то-

варищей пулеметчика: «Вдоль по улице Метелица идет...» Дальше в стихотворении говорилось, что громит и косит фашистов Метелица, спать спокойно «фрицам» не дает.

С каждым днем подразделения дивизии вгрызались все глубже в оборону «линии Вотана». Противник яростно сопротивлялся. Командующий 6-й немецкой армией генерал Холлидт стягивал на направление главного удара нашей армии войска с мелитопольских позиций. Поэтому оборона противника в районе Мелитополя оказалась значительно ослабленной.

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Толбухин изменил свой первоначальный замысел. Главные усилия фронта были перенесены на участок южнее Мелитополя, где была создана вторая ударная группировка в составе 51-й и 28-й армий, 19-го танкового и 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпусов¹.

Утром 13 октября началось наступление 51-й и 28-й армий. Уже 14 октября на южную окраину города Мелитополя ворвались стрелковые дивизии 54-го стрелкового корпуса. Гитлеровское командование, почувствовав нависшую угрозу, начало теперь перебрасывать свои резервы под Мелитополь. Однако основная группировка 6-й армии продолжала оказывать ожесточенное сопротивление войскам 2-й гвардейской армии. В полосе наступления армии нам противостояли части шести фашистских пехотных и одной танковой дивизий.

В этих условиях части 24-й гвардейской стрелковой дивизии продолжали вести упорные бои и медленно продвигались вперед. 16 октября наши полки несколько раз атаковали позиции противника. Каждый метр земли брался с боем. Пришлось ввести в бой бойцов хозяйственных подразделений. Легко раненые после перевязки вновь шли в бой. Был ранен пулей в бедро командир 70-го гвардейского стрелкового полка майор А. С. Дрыгин. Ранение было сквозное, но пуля повредила кость. После первой перевязки, наложенной санинструктором, чертыхаясь и ругая проклятую дуру-пулю, Анатолий Семенович

¹ «В наступлении гвардия». Воениздат. 1971 г., стр. 167.

занял место на своем наблюдательном пункте и продолжал руководить боем.

Вскоре к командиру добрался врач капитан медицинской службы Сары Шарифович Касимов. Осмотрев рану, доктор нахмурил свои густые черные брови и категорически заявил, что командира необходимо эвакуировать в госпиталь.

В последующие дни предстояли бои по прорыву второго оборонительного рубежа врага. Этот рубеж проходил через опорные пункты Ней-Нассау, Ровное, Трудолюбимовка, и прорыв его поставил бы под угрозу всю оборону противника на реке Молочной.

Октябрьские бои по прорыву «линии Вотана» совпали с подготовкой к 25-й годовщине Ленинского комсомола. В комсомольских организациях дивизии проходили короткие, боевые собрания. Перед молодыми воинами выступали комсомольские вожаки: красноармеец Ф. Стренин, младший лейтенант Г. Мезенцев, старший лейтенант М. Эскин, капитан К. Злобин. Комсомольцы давали клятву советскому народу и родной Коммунистической партии ознаменовать юбилей комсомола новыми боевыми делами. Свою клятву комсомольцы с честью выполняли. В каждом бою они смело поднимались в атаку, разили фашистских захватчиков метким огнем, уничтожали в рукопашных схватках.

Почти непрерывные атаки наших войск, в том числе и частей дивизии, расшатывали оборону противника на втором оборонительном рубеже «линии Вотана». Гитлеровцы понесли большие потери в живой силе и технике. 21 и 22 октября части дивизии усилили свои удары по врагу и днем 22 октября выбили противника из опорных пунктов второй линии. Были взяты Трудолюбимовка, Ровное и другие. Вторым оборонительным рубежом был прорван. Однако противник упорно удерживал промежуточные позиции перед железнодорожной линией Запорожье — Мелитополь.

Летом 1943 года немецко-фашистская армия потерпела поражение в битве под Курском. Это создало благоприятные условия для перехода Красной Армии в общее стратегическое наступление. Успехи наших войск вызвали усиление антифашистской борьбы

в Германии, в странах-сателлитах Гитлера, в частях немецко-фашистских войск на фронте. Активизировала свою борьбу против гитлеровского фашизма Коммунистическая партия Германии. В начале 1943 года по инициативе ЦК Коммунистической партии Германии на территории СССР зародилось антифашистское движение «Свободная Германия».

Руководил движением Национальный Комитет «Свободная Германия», в состав которого вошли Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф, Иоганнес Р. Бехер, Вилли Бредель и представители немецких военнопленных. В сентябре 1943 года группой офицеров и генералов, порвавших с Гитлером, был основан «Союз немецких офицеров», который присоединился к движению «Свободная Германия». Национальный Комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров» начали развертывать свою деятельность непосредственно на фронтах, направляя для этого своих представителей в части действующей Красной Армии.

В один из октябрьских дней в дивизию прибыла делегация Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров». В состав делегации входили — член Национального Комитета, писатель-коммунист Фридрих Вольф; активист движения «Свободная Германия», бывший солдат немецко-фашистской армии социалист Хуго Файльшер; представитель «Союза немецких офицеров», бывший лейтенант гитлеровских люфтваффе граф Курт фон Ейнзидель. Сопровождал делегацию полковник С. И. Тюльпанов из политуправления 4-го Украинского фронта. Основная задача немецких антифашистов состояла в налаживании повседневного сотрудничества с политотделом дивизии при проведении агитационно-пропагандистской работы среди войск противника.

Беседа с представителями Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» проходила в тесной землянке начальника политотдела подполковника Н. Д. Ермоленко. Фридрих Вольф горячо говорил о будущем свободной Германии, о немецком государстве рабочих и крестьян. Два других представителя не высказывали четких суждений о будущем

Германии, но были твердо убеждены, что на пути к будущему предстоит решительная борьба с нацизмом. Немецкие антифашисты живо интересовались политикоморальным состоянием и настроениями солдат гитлеровского вермахта, обороняющих «линию Вотана». Представители Комитета и Союза получили возможность побеседовать с одним из только что сдавшихся в плен немецких солдат.

23 октября соединения 51-й армии после семидневных упорных уличных боев овладели городом и железнодорожной станцией Мелитополь — важнейшим узлом гитлеровской обороны на южном направлении, запиравшем подступы к Крыму и нижнему течению Днепра. В последующие три дня 51-я армия продолжала расширять и углублять прорыв. Командование 6-й немецко-фашистской армии, опасаясь окружения, начало постепенно отводить войска с рубежа реки Молочной. Однако в полосе действий 2-й гвардейской армии противник продолжал оказывать упорное сопротивление.

26 октября дивизия получила приказ оставить на достигнутых рубежах незначительное прикрытие, а основные силы ввести в прорыв севернее Мелитополя, через село Терпение. Едва на землю опустились ранние осенние сумерки, стрелковые полки начали выходить за реку Молочную. Один за другим сосредоточились они в районе Шаны-Фишау, а во второй половине ночи, после тридцатикилометрового перехода вышли к селу Терпение. Ранее это большое село гитлеровцы превратили в мощный опорный пункт. С востока перед селом проходил противотанковый ров. На улицах были подготовлены огневые позиции для пулеметов и орудий, в садах и огородах фашисты соорудили глубокие блиндажи. Но после падения Мелитополя гитлеровское командование не смогло удержать Терпение, и теперь сюда вводились в прорыв части 24-й гвардейской стрелковой дивизии.

Когда через село Терпение проходил 71-й гвардейский стрелковый полк, парторг полка старший лейтенант П. И. Сизов забежал в свой родной дом. Семья Петра Ивановича пережила все ужасы фашистской оккупации и уцелела просто чудом. Радостные минуты встречи пролетели как один миг. Полк уже строился

в походную колонну, П. И. Сизов обнял и расцеловал своих. Он часто оборачивался и махал рукой. В это пасмурное октябрьское утро коммунист Сизов навсегда уходил из родного села.

Дорога на запад, по которой шли полки нашей дивизии, за селом Терпение поднялась на высокий правый берег реки Молочной и побежала по степям Северной Таврии к Днепру. Преследуя отступающего противника, дивизия к исходу дня 27 октября пересекла железнодорожную линию Запорожье—Мелитополь. Теперь река Молочная с ее рубежами осталась в 25—30 километрах в тылу. Противник стремился оторваться от наших наступающих частей и закрепиться на очередном рубеже. Чтобы сорвать планы гитлеровцев, нужно было ускорить преследование. В каждом полку был создан подвижной отряд в составе усиленного стрелкового батальона.

На следующий день, 28 октября, части дивизии продвинулись еще на 35—40 километров и освободили населенные пункты Ново-Ивановка, Ново-Успеновка, Веселое. Подвижные отряды преследовали противника по пятам, не давая ему закрепиться на выгодных рубежах.

Стремительное наступление наших войск по земле Северной Таврии развернулось накануне празднования 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Новый боевой подъем гвардейцев вызвали призывы Центрального Комитета Коммунистической партии к годовщине Октября. Центральный Комитет призывал воинов Советской Армии усилить удары по врагу, беспощадно уничтожать гитлеровских захватчиков и ускорить освобождение советской земли. Во время коротких привалов во всех ротах прошли открытые партийные собрания, на которых коммунисты приняли клятву: «Полностью освободить Северную Таврию к 26-й годовщине Великого Октября! Встретить день праздника на берегах Днепра!».

Боевой путь дивизии к Днепру проходил по землям заповедника Аскания-Нова. Гитлеровские оккупанты причинили огромный ущерб заповеднику, раз-

грабили имущество и оборудование научного центра, уничтожили много редких животных.

30 октября в районе Аскания-Нова, на подступах к селу Михайловка, разведчиков 71-го гвардейского стрелкового полка встретил старик. Он предупредил, что в селе находятся значительные силы противника и что много фашистских солдат и офицеров скопилось у мельницы. Решили внезапно атаковать противника и отрезать ему пути отступления. Командир пулеметной роты подвижного отряда старший лейтенант М. Яковлев быстро установил на пароконную линейку станковый пулемет сержанта Семена Тарариева. Теперь линейка напоминала буденновскую тачанку времен гражданской войны.

Вместе со старшим лейтенантом Яковлевым места на линейке заняли пулеметный расчет Семена Тарариева — Федор Роженко и Зуфар Харисов. Кони с места пошли рысью, и вскоре тачанка скрылась в степных просторах западнее села Михайловки.

В это время орудия и минометы подвижного отряда открыли беглый огонь по скоплению врага неподалеку от мельницы. Гитлеровцы в панике заметались под огнем и бросились по дороге на запад. Но здесь по бегущим фашистам неожиданно хлестнули длинные очереди пулемета С. Тарариева. Тачанка-линейка лихо носилась по степи, перерезала фашистам пути к бегству, а безотказный «максим» косил бегущих в панике гитлеровцев. Большая группа фашистов устремилась на юго-запад и стала быстро уходить из-под огня нашей тачанки.

— Уйдут гады, — с досадой махнул рукой Яковлев и осадил разгоряченных коней.

И в этот момент открыла частый огонь артиллерийская батарея. Орудия стояли у юго-западной окраины Михайловки. Осколочные снаряды рвались в самой гуще фашистов. Неожиданная поддержка воодушевила наших бойцов, развернувшихся для атаки. Однако звук выстрелов орудий был какой-то незнакомый. Бывалые воины сразу же определили, что огонь ведут не наши орудия.

Тем временем стрелковые роты подвижного отряда подошли к Михайловке. На окраине села гвардейцев встретила большая группа солдат с белым флагом. Сол-

даты были одеты в незнакомую нам форму: на воротниках зеленоватых шинелей красные петлицы, на пилотках — эмблема с крестом. Скоро все выяснилось. Солдаты в зеленых шинелях восторженно встретили наших воинов и сразу заговорили на языке, во многом напоминавшем русский и украинский. Один из солдат говорил по-русски совсем хорошо. Он и рассказал, что гитлеровцы ввели в бой в районе Аскания-Нова словацкий полк. Позади полка были развернуты немецкие роты, которые держали на прицеле словаков и получили приказ стрелять по словакам, если они будут отступать или попытаются сдаться в плен. Словаки же решили организованно всем полком перейти на сторону Красной Армии. Когда наши части подошли к Михайловке, и словаки отказались выполнять приказы гитлеровских офицеров, немецкие роты открыли по ним огонь. Словаки открыли ответный, пустив в дело артиллерию.

На огневых позициях словацкой батареи стояли обращенные на юго-запад исправные новые орудия с маркой заводов Шкода. Около каждого орудия лежали горкой стреляные снарядные гильзы. Разгоряченные недавним боем артиллеристы встретили наших гвардейцев дружными возгласами:

— Друзья, русские братья, мы с вами против Гитлера, за свободу!

Через несколько минут на улицах села выросли пирамиды винтовок, которыми были вооружены словаки, рядом лежали аккуратно сложенные патронные сумки, гранаты и другое боевое снаряжение.

В село входили все новые и новые словацкие роты. Теперь уже с группами словаков беседовали начальник политотдела дивизии подполковник Н. Д. Ермоленко, политработники полков — майор И. В. Чинков, майор И. С. Дмитриев, капитан И. И. Погорелый и другие.

Особенно оживленная беседа со словацкими солдатами, унтер-офицерами и офицерами завязалась у капитана В. Я. Туречека. Оказывается, он родился в семье моравских словаков из города Брно, и словацкий язык — его родной язык. Юношей Виктор Янович участвовал в революционных кружках рабочих сахарного завода в Черкассах. В 1918 году вступил в ряды

Красной Армии и сражался против белогвардейцев и интервентов на фронтах гражданской войны: командовал артиллерийской батареей, бронепоездом, стрелковым полком. В 1921 году Виктор Янович участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте. С первых дней Великой Отечественной войны он участвует в боях против немецко-фашистских захватчиков. В. Я. Туречек член Коммунистической партии с 1925 года.

Словацкие солдаты обступили В. Я. Туречека плотной толпой. Командир роты подпоручик Гноелек уже несколько раз просил солдат задавать вопросы по очереди и смущенно извинялся перед В. Я. Туречekom за свою шумную роту.

И вот настали минуты расставания с новыми друзьями. В словацкие подразделения назначены наши представители-офицеры, которые будут сопровождать словаков до железнодорожной станции под Мелитополем. Крепкие дружеские рукопожатия — и вскоре колонны гвардейских полков продолжили свой освободительный марш к берегам Днепра.

На следующий день дивизия освободила деревни Преображенку и Чаплинку. Чтобы задержать наступление наших частей, противник применил авиацию: большая группа самолетов неожиданно появилась над Чаплинкой. В это время через деревню проходил гаубичный дивизион 50-го гвардейского артиллерийского полка. Первым заметил появление фашистских самолетов заместитель командира дивизиона по политической части майор Н. А. Галкин. Он быстро выскочил из машины и направил головную батарею к окраине деревни, где другие батареи по его команде рассредоточились в боковых улицах. Майор Н. А. Галкин не успел добежать до придорожной канавы: на середине улицы взрывом бомбы он был тяжело ранен в обе ноги. Гаубицы и автомашины повреждений не имели. Едва рассеялся дым от разрывов авиабомб, как дивизион вновь построился в походную колонну и двинулся вслед за пехотой на Чалбасы.

Западнее Аскания-Нова полоса наступления дивизии расширилась до сорока-пятидесяти километров. Теперь 71-й и 72-й стрелковые полки продвигались в направлении на Большую Кардашинку и Голую Пристань — крупные населенные пункты на восточном

берегу Днепра напротив Херсона. 70-й гвардейский стрелковый полк развивал наступление на Ново-Збурьевку, Чулаковку, Ивановку. За сутки полки, преследуя противника, проходили по шестьдесят-семьдесят километров. 1 ноября противник был выбит из Чалбас (ныне Виноградово) и Малых Копаней.

2 ноября стрелковые полки широким фронтом продолжали теснить противника на запад и юго-запад. К исходу дня были взяты Келегейские хутора и несколько небольших населенных пунктов на подступах к Бехтерам и Чулаковке. Келегейские хутора протянулись на тринадцать километров вдоль Алешковских песков с северо-востока. Хуторские хаты стояли спиной к пескам, прикрывая собой колхозные поля и виноградники.

К исходу дня уставшие после многокилометрового марша гвардейцы 2-го стрелкового батальона 70-го полка под командованием капитана Барабанова взяли юго-западнее Чалбас небольшой населенный пункт. За крайними домиками поселка был большой сарай, наполовину заполненный пушистыми комочками хлопка. Комбат решил разместить батальон под одной крышей и дать солдатам отдохнуть на мягкой хлопковой постели. При этом он категорически запретил всем курильщикам даже думать о куреве. Подошли кухни с наваристым борщом, в котором, к удовольствию солдат, ложка стояла и не падала, и все принялись за ужин.

Но не успели бойцы закончить его, как к импровизированной казарме подкатила старенькая, еще довоенного выпуска автомашина — полуторка ГАЗ-А. На автомашине был сооружен фанерный кузов, покрытый для защиты от дождя плотной брезентовой крышей. Это в расположение передового батальона прибыл дивизионный клуб. Начальник клуба старший лейтенант В. Иванов, придерживая полевую сумку, подошел к командиру батальона и предложил «прокрутить» для гвардейцев новый фильм «Два бойца».

Комбат только что отдал распоряжение об организации боевого охранения, указал место для огневых позиций противотанковых пушек и поставил задачу отделению разведки. Неожиданное появление кинопередвижки его удивило:

— Вы говорите — киносеанс? — спросил он Иванова. — А вы знаете, что впереди у нас противник и наши разведчики еще не установили, где находится фашистский арьергард, с которым мы совсем недавно вели бой?

— Мы все это учтем, — спокойно ответил Иванов, — заткнем все щели в стенках сарая и не будем давать полный звук.

— А если начнется бой? — не унимался командир батальона.

— Тогда водитель отгонит машину в безопасное место, а мы с киномехаником поступим в ваше распоряжение...

В углу сарая бойцы быстро расчистили небольшую площадку для киноаппарата, затянули плащпалатками щели в стене. Киномеханик техник-лейтенант П. Р. Черток вместе с водителем старшиной Н. Текутьевым установили на площадке киноаппарат. Едва стусились сумерки, начался сеанс. И сразу же на экране появились два неразлучных боевых друга, два бойца: Константин — Марк Бернес и Саша с Уралмаша — Борис Андреев. С первых кадров картина захватила гвардейцев своей правдивостью, искренностью человеческих чувств, добрым солдатским юмором. Гвардейцы капитана Барабанова словно шли вместе с двумя бойцами в бой за Родину, ждали писем от любимых, отдыхали в тесной землянке и слушали сразу же полюбившуюся песню одессита Кости:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю не спишь,
И у детской кровати тайком ты слезу утираешь...

В ту ночь не случилось боя, и многие увидели во сне свой родной дом, любимых девушек, жен и детей...

Машина дивизионного клуба шла к Днепру вместе с наступающими. Дивизионный клуб оказался важным босвым подразделением, а его начальник — от важным и умным бойцом.

Старший лейтенант Владимир Иванов родился и вырос в Вологде, был на комсомольской работе. Вологодская партийная организация приняла его в ряды коммунистов. Назначение начальником клуба Владимир Иванов принял сдержанно. Молодой, энергичный

политработник мечтал идти в бой комиссаром, поднимая в атаку бойцов. Но вскоре он понял, как важна на фронте клубная его работа и по-настоящему увлекся ею. Старший лейтенант сумел создать в небольшом коллективе клуба дух крепкого боевого товарищества, сознания высокой ответственности за свою работу. Ленинградец киномеханик Павел Романович Черток был хорошим специалистом и любил свое дело. В его руках старенькая, потрепанная еще до войны и основательно побитая на фронтовых дорогах кинопередвижка и ее допотопный движок всегда работали безотказно. Не менее ответственно относился к своему делу и водитель Николай Текутьев. Клубный автомобиль — детище Горьковского автозавода — накрутил на своем спидометре тысячи километров, прежде чем попал под Малой Вишерой в ноябре 1941 года в нашу дивизию.

Еще на Волхове при клубе возник коллектив художественной самодеятельности. Ветеранами этого коллектива были девушки-связистки Рая Чурсина и Вера Смутьская... Не все наши самодеятельные артисты допели до конца свои песни, не все дожили до светлого дня Победы. В боях при штурме города-крепости Кенигсберг в апреле 1945 года погиб сын вологодской земли Владимир Иванов.

Территория юга Украины, ограниченная на востоке реками Чингул и Молочная, на севере, западе и юго-западе — Днепром, на юге — Черным морем, Турецким валом на Перекопе и Сивашским заливом, образует огромный треугольник, протянувшийся на запад до оконечности Кинбурнской косы на 320 километров, а с севера на юг — на 160 километров. Местные жители ласково называют этот район Украины «Кутком». Территория «Кутка» представляет собой открытую, безлесную равнину, полого спускающуюся на юг и юго-запад к Черному морю. В нижнем течении Днепра вдоль его левого берега тянутся Алешковские пески, переходящие постепенно в песчаную узкую Кинбурнскую косу. Здесь река растекается на много мелких рукавов и протоков, разделенных островами, густо заросшими лиственными деревьями.

Таким образом, сама природа создала в нижнем течении Днепра благоприятные условия для действия

партизанских боевых групп. Они совершали нападения на небольшие фашистские гарнизоны, повреждали линии связи, освобождали советских людей, которых гитлеровцы вывозили на принудительные работы в Германию. При активной помощи подпольщиков часто пропадали бесследно фашистские холоуи — полицай и другие изменники Родины. Подпольщики проводили в селах беседы, призывали к активной борьбе против оккупантов, распространяли листовки на русском и украинском языках. Листовки были отпечатаны в подпольной типографии на небольших листочках папиросной бумаги. Такую листовку в случае опасности можно было моментально скомкать и сунуть в рот.

В каждом освобожденном населенном пункте в наши ряды вступали вчерашние партизаны и подпольщики. После взятия села Чалбасы воином 70-го гвардейского стрелкового полка стал партизанский агитатор Александр Соценко. Он принимал участие в боях за освобождение левобережья Днепра, Крыма, штурмовал укрепления врага на Мекензиевых горах. В числе первых гвардейцев дивизии Соценко ворвался в Севастополь. За героизм в боях за освобождение города-героя Севастополя А. Н. Соценко было присвоено звание Героя Советского Союза.

На берегах Днепра в 72-й гвардейский стрелковый полк пришел партизан-матрос В. Медведев. Отважный моряк стал разведчиком, участвовал во многих боях и прошел под знаменем полка сотни километров, освобождая советскую землю от немецко-фашистских оккупантов.

С приближением частей дивизии к Днепру сопротивление арьергардных отрядов противника становилось все более упорным. В ночь на 4 ноября передовой отряд 71-го стрелкового полка вышел на берег Конки — протоки Днепра, а основные силы полка достигли берега Кардашинского лимана.

На подступах к Голой Пристані противник яростным артиллерийским и минометным огнем пытался задержать стремительное продвижение передовых отрядов 71-го и 72-го полков. Командир 1-го батальона 72-го гвардейского стрелкового полка капитан А. Назаров быстро развернул роты в боевой порядок и на-

чал подготовку к атаке фашистских опорных пунктов, прикрывающих подступы к Голой Пристани.

Около крайних домов Голой Пристани разведчики и автоматчики 71-го полка перешли через топь, густые заросли камыша и неожиданно атаковали фашистскую команду поджигателей, которым было приказано поджечь и взорвать административные здания, школу, складские помещения.

К утру 4 ноября в Голую Пристань вступил 2-й батальон 71-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана А. П. Давиденко с приданным артдивизионом 50-го гвардейского артиллерийского полка капитана Ремизова. Жители Голой Пристани, освобожденные из фашистской неволи, встречали гвардейцев хлебом-солью.

В своих низовьях Днепр образует несколько проток-рек, ширина дельты Днепра в районе Голой Пристани достигает восьми километров. Чайка и Конка — наиболее крупные протоки Днепра. Неподалеку от Голой Пристани в пойме Днепра раскинулся остров Заячий, который прикрывает подходы к главному руслу реки. Остров густо зарос ивняком и высоким камышом. На этот остров переправилась передовая группа 71-го полка под командованием старшего лейтенанта М. Яковлева. Гвардейцы выбили с острова боевое охранение противника и захватили в плен несколько фашистских солдат. После этого на острове было оставлено боевое охранение под командой младшего лейтенанта Марченко. Бойцы боевого охранения установили контроль и наблюдение за противником и движением фашистских судов по основному руслу Днепра.

Батальон капитана А. П. Давиденко занял оборону на широком фронте в районе Голой Пристани вдоль берега Конки. Правее, на участке от Большой Кардашкин до Голой Пристани, — 1-й стрелковый батальон капитана Н. И. Дыбова. 3-й стрелковый батальон капитана М. А. Опойцева вышел на берег Кардашинского лимана к исходу дня 4 ноября. Таким образом 71-й стрелковый полк занял оборону на очень широком, около тридцати километров, фронте.

Вечером 4 ноября вышли на берег Кардашинского лимана в своей полосе наступления и батальоны 72-го гвардейского стрелкового полка. Батальоны 70-го

стрелкового полка, преследуя противника, подходили к селам Рыбальче и Ивановка. С 27 октября по 4 ноября дивизия прошла с боями от реки Молочной до сел Рыбальче и Ивановка более 320 километров, нанося противнику ощутимый урон. Наши части взяли большие трофеи. У врага было отбито много материальных ценностей, предназначенных для вывоза в Германию, в том числе хлопок и сотни тонн перво-сортной украинской пшеницы.

С выходом на Днепр боевые действия наших частей на левобережье не закончились. Гитлеровское командование создало херсонский предмостный плацдарм на левом берегу Днепра, в районе озера Вчерашнее; немцы удерживали и никопольский плацдарм в районе Большой Лепатихи. Оборона противника занимала территорию по фронту около шестидесяти и в глубину десять-двенадцать километров. Противник нависал над флангом и тылом войск 4-го Украинского фронта. С никопольского плацдарма он мог нанести удар на юг и попытаться соединиться с группой своих войск в Крыму.

В полосе действий дивизии от противника еще не была освобождена Кинбурнская коса. К тому же противник активизировал свои действия в районе Голой Пристани.

Перед рассветом 5 ноября боевое охранение младшего лейтенанта Марченко на острове Заячьем услышало шум моторов катера, двигавшегося к острову. Когда судно приблизилось к острову, бойцы охранения открыли огонь. Потерявший управление катер уткнулся носом в берег. Немцы пытались скрыться в густом камыше. Однако бойцы охранения взяли всех гитлеровцев в плен. На допросе выяснилось, что катер должен был произвести разведку в районе острова.

Когда стало совсем светло, появились еще три катера противника. Они открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов зажигательными пулями по сухому камышу и по позициям боевого охранения. Камыш загорелся. Артиллеристы открыли огонь по катерам и отогнали их от острова. В течение дня гитлеровцы несколько раз пытались высадить десант на остров, но безуспешно.

На следующий день, 6 ноября, гитлеровцы вновь

открыли по острову Заячьему сильный артиллерийский огонь. Одновременно позиции боевого охранения начали штурмовать фашистские самолеты. Гитлеровские части завязали бой за остров, чтобы провести по основному руслу Днепра в Херсон две баржи с зерном. Артиллеристы дивизиона капитана Ремизова и полковые батареи 71-го стрелкового полка, которыми командовал старший лейтенант К. И. Шипилов, накрыли катера и баржи метким огнем. Один катер был потоплен. Фашисты в панике покинули суда каравана и бросились наутек на двух весельных лодках. Баржи, потеряв управление, поплыли вниз по течению. Начальник одной из застав боевого охранения лейтенант Фоменко с несколькими бойцами сумел запустить мотор трофейного катера, под огнем противника перехватил баржи и отбуксировал их к берегу, занятому нашими частями.

После 7 ноября в районе обороны дивизии было относительно спокойно. В нижнем течении Днепра позиции наших батальонов были удалены от рубежа обороны противника от полутора до восьми километров. Часть подразделений дивизии занимала оборону на Черноморском побережье.

В первых числах ноября в дивизию начало прибывать пополнение. Среди новичков — и бывалые воины, возвратившиеся из армейских полевых госпиталей, и недавние партизаны и подпольщики, и только что мобилизованные в освобожденных районах юга Украины. Большое степное село Чалбасы в тыловом районе дивизии было превращено в своеобразный учебный центр.

Подразделения 70-го гвардейского стрелкового полка, взяв Рыбальче и Ивановку, вступили на Кинбурнскую косу. Песчаная низменная Кинбурнская коса протянулась с востока на запад между Днепровско-Бугским лиманом и Ягорлыцким заливом Черного моря. Длина косы чуть более сорока километров, ширина в самом широком месте не превышает десяти. Заканчивается коса тонким и кривым мысом южнее Очакова. Кинбурн — это искаженное турецкое слово «кыл-бурн», что означает «острый нос».

Значительная часть Кинбурнской косы покрыта песчаными холмами-кучугурами высотой в десять-пятнадцать метров. На косе много озер и несколько населенных пунктов.

На Кинбурнской косе в 1786—1787 годах по планам и под руководством великого русского полководца А. В. Суворова была сооружена крепость Кинбурн, которая защищала подступы к Херсону и одновременно противостояла турецкой крепости Очаков. Во вторую русско-турецкую войну 1787—1791 годов, когда турки стремились овладеть крепостью Кинбурн и Крымом, Суворову было поручено «бдение о Кинбурне и Херсоне». На косе А. В. Суворов одержал убедительную победу в Кинбурнском сражении над превосходящими силами турок. Эта победа обеспечила взятие русской армией Очакова. И вот теперь воины 70-го гвардейского стрелкового полка получили боевую задачу очистить косу от противника.

На Кинбурнскую косу утром 5 ноября вступил 1-й стрелковый батальон 70-го полка под командованием капитана Касьяненко. Численность батальона едва достигала двухсот человек. Заместитель командира батальона по политической части капитан Ойвин и парт-орг лейтенант Гаврилов в своих беседах с воинами батальона подчеркивали, что боевую задачу на Кинбурнской косе гвардейцам придется решать по-суворовски: «не числом, а умением».

Во второй половине дня 5 ноября батальон капитана Касьяненко сбил арьергард противника и овладел на берегу лимана селом Прогной. Жители села не склонили голову перед врагом, на косе действовал партизанский отряд. Командовал отрядом Михаил Андреевич Сокиркин. Фашистские каратели несколько раз пытались уничтожить отряд, но каждый раз партизаны уходили из-под удара. В бессильной злобе гитлеровцы жестоко расправлялись с жителями села. За связь с партизанами они расстреляли потемкинца Гаврилу Ивановича Висовина и его дочь Марию.

Сын Г. И. Висовина, бывший матрос линкора «Парижская коммуна» сражался с немецко-фашистскими захватчиками в рядах 70-го гвардейского стрелкового полка. Боец взвода нашей разведки полка Константин Висовин храбро шел в бой на родной Кинбурнской

косе, на Никопольском плацдарме, освобождал Крым. Он был в числе пяти гвардейцев дивизии, ворвавшихся первыми в Севастополь. За героизм, проявленный в боях за Севастополь, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Батальон капитана Касьяненко, оставив в селе Прогнои небольшой гарнизон, продолжал двигаться по косе вперед. Каждая рота создавала на расстоянии нескольких километров один от другого небольшие сторожевые посты. И чем ближе подходили гвардейцы к оконечности косы, тем чаще встречались названия, напоминавшие о боях и походах А. В. Суворова: озеро Осечка, урочище Артиллерийские саги, озеро Казачье.

Вечером 6 ноября гвардейцы 70-го стрелкового полка освободили Покровские хутора и закрепились в трех километрах от Форштадта, последнего опорного пункта противника на Кинбурнской косе. На севере, вдоль улицы Покровских хуторов, низменный берег косы омывали воды лимана. У крайних хуторских хат коса резко поворачивала на северо-запад и, словно кривая сабля, разрубала водное пространство, отделяя воды лимана от широких просторов Черного моря. На середине косы виднелись постройки Форштадта, а перед ними долговременные укрепления, ряды колючей проволоки, уходящей в волны Черного моря. К северу возвышался крутой материковый берег с поднимающимися вверх городскими улицами Очакова.

Форштадт был расположен как раз на том месте, где была крепость Кинбурн, у стен которой русские войска под командованием А. В. Суворова разгромили турецкий десантный отряд. Сражение проходило в праздник покрова, отсюда и название Покровских хуторов и деревни Покровки.

Гарнизон Покровских хуторов составляла первая стрелковая рота 70-го полка. Командир роты расставил свои немногочисленные сторожевые посты так, чтобы прикрыть Покровские хутора от удара со стороны Форштадта и от возможного десанта противника со стороны лимана. Во второй половине дня на усиление роты прибыли две 76-миллиметровые полковые пушки.

На следующий день в вечерних сумерках наблюдатели заметили караван судов. Когда он подошел до-

статочно близко, раздалась команда: «Огонь!» и почти одновременно прогремели выстрелы обоих орудий. Однако караван продолжал свой путь. Следующие выстрелы оказались более точными. Один пароход окутлся дымом, на корме появились языки пламени. Второй буксирный катер пытался обойти горящий пароход стороной, но вскоре, после прямых попаданий снарядов, тоже начал тонуть. Было потоплено еще несколько барж с грузом. Только сгустившиеся сумерки спасли от меткого огня артиллеристов остальные суда каравана. Дневное движение фашистских караванов по лиману после этого прекратилось.

Чтобы открыть для своих судов выход из Днепровско-Бугского лимана в Черное море, фашистское командование начало 12-го ноября высадку десанта за Форштадтом. Первым был высажен отряд численностью более ста пятидесяти человек. Десант поддерживали сильным артиллерийским огнем батареи противника, расположенные в Очакове и в Первомайском форту. Через некоторое время на косу были высажены новые подразделения. Перед наступлением темноты противник численностью до батальона при сильной артиллерийской поддержке атаковал гарнизон Покровских хуторов. Гвардейцы встретили вражескую пехоту огнем стрелкового оружия. Но силы были слишком неравными, и стрелковая рота из батальона капитана Касьяненко была вынуждена отступить.

Командир 70-го гвардейского стрелкового полка майор А. С. Дрыгин узнал о высадке десанта противника на Кинбурнской косе утром 13 ноября. Накануне врачи сняли с раненой ноги Анатолия Семеновича гипс и разрешили выходить из палаты, оборудованной в одной из хат села Чалбасы. Рана еще не зажила, майор передвигался, опираясь на палку. Дрыгин только что вышел на улицу и увидел одну из полковых машин. Из нее выскочил помощник командира полка по тылу капитан М. С. Сафронов и доложил о высадке десанта противника у Покровских хуторов.

Майор А. С. Дрыгин попросил М. С. Сафронова помочь ему собрать свое нехитрое имущество. Пока Сафронов занимался сборами, Анатолий Семенович, хромя, дошагал до хаты, где располагался штаб медсанбата, и доложил командиру батальона С. А. Болот-

скому, что он немедленно убывает в полк. Сергей Андреевич Болотский категорически воспротивился этому, но удержать командира полка не смог. Уже через несколько минут Дрыгин сидел в кабине грузовой машины, которая мчалась по ухабам степной дороги в Чулаковку, в штаб полка.

Перед самым наступлением темноты командир полка добрался до рубежа обороны 1-й стрелковой роты. Выслушав доклад командира, Дрыгин спросил:

— Что известно о противнике, его численности, вооружении? Где пленные?

— Численность противника пока неизвестна. Судя по форме и вооружению, на косе высадились румынские части, — осторожно доложил командир роты.

— Срочно нужен «язык». Об отступлении и потере хуторов будем говорить потом.

Командир роты с несколькими бойцами сам отправился в ночной разведывательный поиск. Время уже близилось к полуночи, когда разведчики вернулись и привели с собой испуганного румынского солдата. Придя в себя, солдат рассказал, что он служил в 1-м батальоне 12-го пехотного полка 15-й румынской дивизии.

По показаниям пленного солдата и румынских офицеров, взятых в плен позднее, была выяснена задача десанта, его численность и обстоятельства высадки. Командующий 6-й немецкой армией, которая оборонялась теперь в низовьях Днестра, приказал командиру немецкой пехотной дивизии, расположенной в районе Очакова, немедленно высадить десант на косе и обеспечить движение фашистских судов по лиману. Немецкий генерал хорошо понимал, что десант на косе долго не продержится и понесет большие потери. Поэтому он решил не рисковать солдатами вермахта и высадил на косе 12-й пехотный полк 15-й румынской дивизии.

Сейчас, по словам пленного румынского солдата, на косе был высажен весь 12-й румынский полк общей численностью более 1500 человек под командованием подполковника Пискулеску. Переброшено и несколько артиллерийских орудий. В Форштадте позади румын расположилась немецкая рота, вооруженная пулеметами и автоматами,

На следующий день в районе Покровских хуторов сосредоточился весь 1-й батальон 70-го стрелкового полка, подошел 2-й батальон капитана Барабанова, подтянулись полковая батарея 45-миллиметровых противотанковых орудий и взводы противотанковой артиллерии батальонов. Было принято решение провести разведку боем.

После короткого артналета выделенная для разведки боем стрелковая рота пошла в атаку. Едва гвардейцы поднялись из своих неглубоких окопчиков, из района Форштадта открыли огонь полевые орудия противника. Почти одновременно на фланге наступающей роты начали рваться тяжелые снаряды — это открыли огонь гаубичные батареи противника. Несмотря на сильный артиллерийский огонь, бойцы роты продолжали атаку. Обнаружили себя пулеметы противника, замаскированные на окраине Покровских хуторов и среди песчаных кучугуров. Все огневые точки были немедленно засечены нашими артиллеристами и нанесены на крупномасштабную карту. Были обнаружены и огневые позиции орудий противника в районе Форштадта.

Разведка боем свою задачу выполнила, и атака была прекращена.

Пока разворачивались напряженные бои на косе, 71-й гвардейский стрелковый полк передавал свой участок обороны протяженностью около тридцати километров учебному батальону и другим подразделениям дивизии.

В середине дня 13 ноября 71-й полк форсированным маршем выступил в район Покровских хуторов.

Полку предстояло преодолеть более ста километров по бездорожью и сыпучим пескам с артиллерией, минометами и обозами. Этот марш требовал от воинов огромного напряжения сил.

В район сосредоточения юго-восточнее Покровских хуторов батальоны полка прибыли поздним вечером 15 ноября.

Началась тщательная подготовка к решительному штурму вражеского плацдарма. На косу в расположение 70-го и 71-го полков приехали командир дивизии генерал-майор П. И. Саксеев и начальник политотдела подполковник Н. Д. Ермоленко.

Один за другим под прикрытием ночной темноты заняли огневые позиции дивизионы арtpолка. С огромным трудом преодолев сыпучие пески, выдвинулся на огневые позиции северо-западнее Покровки 3-й гаубичный дивизион майора С. И. Налимова. Артиллеристы развернули свои наблюдательные пункты, начали засечку и пристрелку целей. Разведчики с утра до позднего вечера вели наблюдение за противником, контролировали движение фашистских судов из Очакова на косу. С наступлением темноты уходили в поиск разведывательные группы.

Большую подготовку к операции проделали тыловые подразделения. По сыпучим пескам на подводах и автомашинах подвозились снаряды, патроны, гранаты, мины, продовольствие. Обозные кони едва тащили повозку. В радиаторах автомашин закипала вода, и шоферы, проклиная «черноморские каракумы», бежали с двумя ведрами к лиману — благо дорога большей частью тянулась неподалеку от берега. 20-й гвардейский отдельный медико-санитарный батальон выдвинул в район деревни Покровки передовой пункт для приема и эвакуации раненых.

В дни подготовки к боевой операции по разгрому противника на Кинбурнской косе во всех подразделениях проводилась большая партийно-политическая работа. В политическом обеспечении предстоящей боевой операции была одна важная особенность: предстояло вести бои с румынскими частями. В армии служили насильственно мобилизованные рабочие и крестьяне. Они не хотели воевать во имя интересов германского фашизма. В румынской армии остро давал себя знать и классовый антагонизм между офицерами и солдатами. Большинство румынских офицеров являлось выходцами из богатых. Были среди них и откровенные фашисты. Задача состояла в том, чтобы попытаться словом убедить румынских солдат, что им не по пути с Гитлером и Антонеску.

В последних числах ноября по заданию начальника политотдела на передовых позициях начала работать окопная говорящая установка. Инструктор политотдела капитан Ю. И. Кириленко наладил регулярные передачи для румынских солдат. Часть передач на немецком языке вел Ю. И. Кириленко. В них участво-

вал один из бойцов 70-го полка, молдаванин по национальности, который хорошо говорил по-румынски.

К 1 декабря подготовка к операции была закончена. Батальоны заняли исходные рубежи для наступления, артиллерийские батареи были готовы расчислить путь пехотинцам и сопровождать их огнем и колесами. Окончательно были выяснены силы противника, который имел на Кинбурнской косе более 1500 солдат и офицеров, около 100 ручных и станковых пулеметов, 5 орудий и 12 минометов. Действия вражеского десанта на Кинбурнской косе поддерживали артиллерийские батареи из Очакова и Первомайского форта. Наши батальоны насчитывали около 1100 человек. Таким образом, предстояло в полном смысле слова, бить врага не числом, а умением.

Начало операции было назначено на 3 декабря. По плану штаба дивизии операция подразделялась на два этапа. На первом — стрелковые батальоны должны были выбить противника из Покровских хуторов и пробиться из кучугуров на равнину перед Форштадтом. Второй этап операции предусматривал штурм Форштадта и полное уничтожение противника, высадившегося на Кинбурнской косе.

Утро 3 декабря было пасмурным и холодным, кое-где в низинах лежал снег. Ровно в двенадцать дня началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась около двадцати минут. Как только артиллерия и минометы перенесли огонь в глубину расположения противника, поднялась в атаку наша пехота. Гвардейцы 1-го батальона 70-го стрелкового полка стремительным броском достигли окраины Покровских хуторов и завязали бой на улице населенного пункта.

В числе первых в Покровские хутора ворвался со своим взводом младший лейтенант Г. Стрельченко. Бойцы взвода продвигались вперед смело и решительно, забрасывали огневые точки противника гранатами, уничтожали солдат противника в рукопашных схватках. В разгар боя был ранен командир роты. Младший лейтенант Стрельченко, приняв командование ротой, повел ее вперед.

Храбро и мужественно сражался с врагом гвардии рядовой С. Буринов. Как только началась атака, он шел впереди и увлекал за собой наступающих бойцов.

Огнем из винтовки гвардеец уничтожил пять солдат противника. Вражеская пуля ранила С. Буринова. Шедший рядом с ним рядовой И. Маргеев перевязал рану и хотел помочь С. Буринову уйти за ближайший кучугур, чтобы дожидаться санитаров. Но отважный гвардеец не ушел с поля боя до тех пор, пока отделение не выполнило свою боевую задачу.

Южнее окраины Покровских хуторов продвижение бойцов 4-й роты 2-го батальона 70-го полка остановил станковый пулемет противника, который был замаскирован и до поры до времени не вел огня. Красноармеец Г. Я. Петренко по-пластунски пополз к пулемету и, подобравшись к нему на расстояние десяти-пятнадцати метров, бросил противотанковую гранату. Весь расчет был уничтожен. Продвижение роты возобновилось.

С новой силой вспыхнул бой на западной окраине хуторов. Румынские офицеры, угрожая своим солдатам оружием, пытались организовать контратаку. Однако мощным натиском наших бойцов сопротивление противника было сломлено. Румынские солдаты бежали к лодкам, чтобы переправиться через лиман в Очаков. Лодки уже отошли от берега, когда фашистский заградительный отряд из Форштадта открыл по ним огонь из пулеметов. Десятки румынских солдат погибли от фашистских пуль. Лодки, находившиеся ближе к берегу, остановились, румынские солдаты в нерешительности бросили весла. Участвуя в атаке, вместе с тремя бойцами на берег лимана пробился агитатор 70-го полка старший лейтенант А. Г. Беглоян. Метрах в пятнадцати от берега он увидел большую лодку, переполненную румынскими солдатами.

— Эй, на лодке, причаливайте к берегу, — приказал А. Г. Беглоян.

С лодки прокричали по-русски:

— Вы нас не убьете после того, как мы сдадимся в плен?

— Мы с пленными обращаемся хорошо и не убиваем их, — ответил Беглоян.

— У нас в лодке командир батальона майор Байкояну. Если вы гарантируете жизнь ему и нам — мы все сдадимся, — крикнули с лодки.

— Честью советского офицера я гарантирую всем

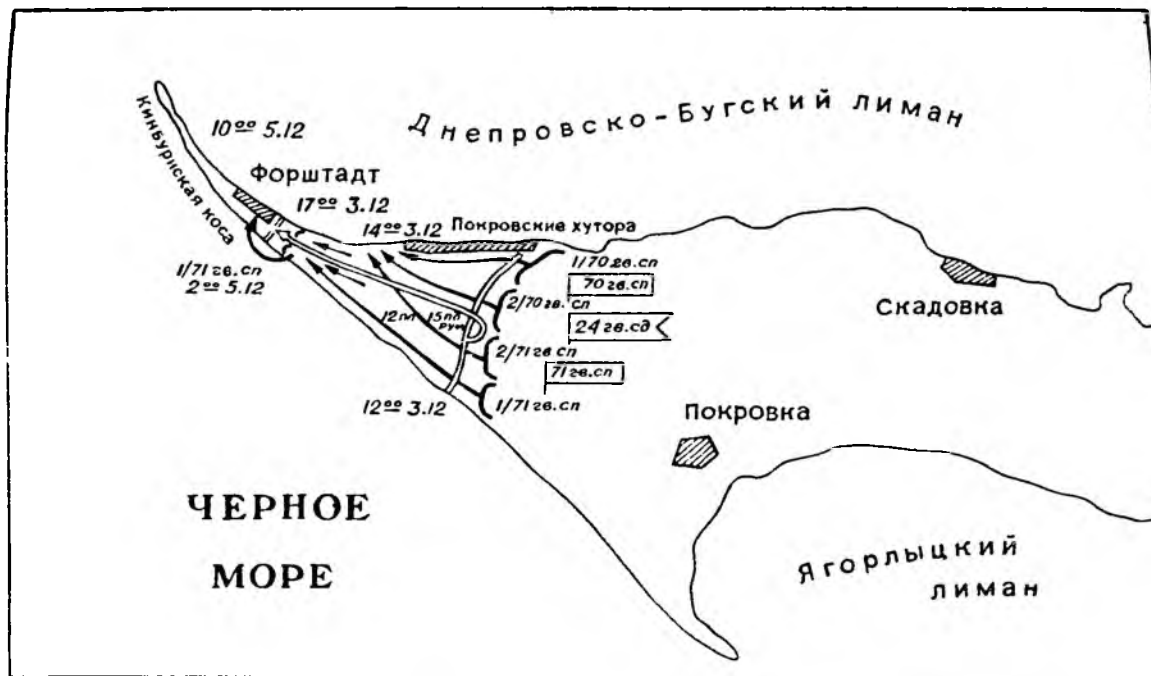
вам жизнь,— теперь уже официально заявил Беглоян, опуская автомат.

То же сделали и три гвардейца, стоявшие рядом с парторгом. Тогда лодка причалила к берегу, и все находившиеся в ней румыны сдались в плен. Вслед за лодкой командира румынского батальона причалили к берегу еще несколько лодок с румынскими солдатами — они также сдались в плен. Всего на этом участке было пленено 42 румынских солдата и офицера.

К 14 часам 30 минутам батальоны 70-го полка полностью овладели Покровскими хуторами.

Левее батальона капитана Барабанова через кучугуры наступал 2-й батальон 71-го полка под командованием капитана А. П. Давиденко. На левом фланге 2-го батальона действовал 1-й батальон капитана Н. И. Дыбова. Бойцы капитана Дыбова ворвались в хутор среди кучугуров, превращенный противником в узел сопротивления. После короткого боя хутор был взят. Однако выйти за кучугур на равнину батальон не смог и продолжал вести бой западнее хутора. На этом же рубеже противнику удалось задержать и батальон капитана Давиденко. Только правофланговая рота батальона продвинулась несколько вперед вслед за левым флангом 2-го батальона 70-го полка. Командир взвода разведки минометной роты лейтенант А. Т. Муравьев с самого начала боя находился в боевых порядках пехоты и корректировал огонь минометов. После взятия хуторка среди песчаных холмов на Муравьева бросились семь солдат противника. Действуя автоматом, храбрый минометчик вышел победителем из этой схватки.

Когда закончилась артподготовка и батальоны 70-го и 71-го полков пошли в атаку, с аэродрома севернее Очакова взлетели три бомбардировщика «капрони» итальянского производства. На малой высоте они прошли над лиманом и атаковали нашу пехоту. Сначала бомбардировщики сбросили мелкие бомбы, а затем начали обстреливать наши боевые порядки из пулеметов. Израсходовав патроны, бомбардировщики ушли на свой аэродром, а через полчаса опять начали бомбить и обстреливать наступающие гвардейские подразделения. За день «капрони» совершили несколько вылетов. В результате действий авиации противника не-



Боевые действия 24-й гвардейской стрелковой дивизии на Кинбурской косе 3—5 декабря 1943 года.

сколько человек было убито и ранено. Получил тяжелые ранения заместитель командира 71-го полка по политчасти майор И. В. Чинков. Пулеметной очередью с самолета был ранен майор С. И. Налимов.

Около 15 часов румынские солдаты и офицеры, сдавшиеся в плен на западной окраине Покровских хуторов, были собраны неподалеку от наблюдательного пункта командира 70-го стрелкового полка майора А. С. Дрыгина. Среди пленных был командир пехотного румынского полка майор Ион Байкояну. Гвардейцы, сопровождавшие пленных, доложили подполковнику Ермоленко о количестве пленных в каждой группе, а затем, с его разрешения, вернулись в свои роты. Теперь с большой группой румын остались только начальник политотдела полковник Н. Д. Ермоленко и инструктор политотдела капитан Ю. И. Кириленко. Неподалеку разложил небольшой огонек и готовил пищу повар, старый, бывалый солдат. Ему помогал ординарец командира полка. Большую группу пленных фактически никто не охранял.

Один из пленных, тот что говорил по-русски, не удержался и спросил у начальника политотдела:

— Почему нас никто не охраняет, ведь мы всего несколько минут назад сражались против вас?

— Мы надеемся, что ваше решение порвать с Гитлером и Антонеску — это окончательное решение, — спокойно и доброжелательно ответил ему Н. Д. Ермоленко. — Мы хорошо знаем, что румынские рабочие и крестьяне не являются нашими врагами и поэтому доверяем вам.

Солдат перевел ответ начальника политотдела румынам. По тому, как они выслушали перевод, а затем оживленно заговорили между собой, можно было понять, что они одобряют доверие, с которым относится к ним наше командование.

Румыны окружили политработников и засыпали их вопросами. Переводчик едва успевал переводить рассказ румынам о благородной миссии Красной Армии, несущей народам Европы свободу от фашистского рабства, об общей обстановке на фронте, о форсировании советскими войсками Днестра, о том, что война приближается к Румынии, и что румынские рабочие и крестьяне должны позаботиться о судьбе сво-

его отечества. Подполковник рассказал притихшим пленным о том, что румынские патриотические силы заканчивают на территории Советского Союза формирование румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску. Воины этой дивизии готовятся вступить в бой за освобождение своей страны от фашизма. В заключение он сказал:

— Каждый честный румынский патриот должен решить, что он может сделать для Родины, для своего народа. Такой вопрос встает и перед вами. Сейчас на косях в Форштадте прижаты к морю ваши однополчане, их положение безвыходное. Помогите им.

Вперед вышел молодой солдат Танас Сакарьяну.

— Нужно убедить наших однополчан сдаться в плен. Румынские солдаты боятся сдаваться. Наши офицеры запугивают их, говорят, что в русском плену всех расстреливают. Нужно рассказать нашим однополчанам, как с нами обращаются здесь... Я считаю, что спасти наших товарищей можно, если пойти к ним и рассказать всю правду. Лучше будет, если пойдет несколько человек.

— Мы согласны с вами, — ответил наш офицер, — но для этого дела нужны добровольцы.

Наступило молчание, солдаты задумались. Каждый представлял все трудности возвращения в свой полк.

— Пойду я, — сказал Танас Сакарьяну, — у меня там много земляков и товарищей. Я знаю на что иду и готов отдать жизнь для народа.

Поднялись и встали рядом еще два солдата:

— Рядовой Хриско Григорий.

— Рядовой Сюрарю Джерди.

Молча стоявший в отдалении майор Байкояну с удивлением смотрел на солдат, еще совсем недавно лишенных человеческого достоинства и не думавших о своей ответственности за судьбу отечества. Он впервые увидел в них граждан Румынии.

Повар разлил солдатский борщ по котелкам, и у румын начался обед.

Казалось, что бой ушел дальше. Но вдруг неподалеку от бархана, где был НП командира 70-го полка, начали рваться снаряды. Это открыли огонь румынские орудия из Форштадта. Подгоняемые сзади сво-

ими офицерами и гитлеровским заградительным отрядом, румынские солдаты поднялись неподалеку от проволочных заграждений в контратаку. Все это было видно командиру 70-го полка майору А. С. Дрыгину. По его заявке немедленно открыла огонь наша артиллерия. Контратака захлебнулась.

Майор А. С. Дрыгин жестом подозвал к себе румынского майора Байкояну и показал ему поле боя и цепи румынских солдат, которые залегли на песчаной равнине перед Форштадтом:

— Неужели ваши командиры не понимают, что они погубят всех солдат, если будет продолжаться бессмысленное сопротивление?

Майор Байкояну был потрясен увиденным, он не сказал ни слова и только беззвучно шевелил губами. После этого наглядного урока Н. Д. Ермоленко предложил Байкояну написать записку своим солдатам, посоветовать им прекратить сопротивление и сдаться в плен. На листке бумаги из полевой книжки майора А. С. Дрыгина Байкояну написал, что он находится в русском плену, с ним здесь хорошо обращаются и сохранили жизнь. В конце записки стояла его подпись и воинское звание: майор Байкояну Ион.

Уже начало смеркаться, когда стало известно, что рота старшего лейтенанта Тимофеева из 2-го батальона 71-го полка вышла из кучугуров. А когда густые сумерки закрыли поле боя, поступило сообщение, что батальонам капитанов А. П. Давиденко и Н. И. Дыбова удалось «вылезти» из кучугуров на равнину. Теперь перед батальонами 71-го полка были проволочные заграждения и укрепления Форштадта.

Перебрасывать румын в Форштадт было решено на участке 2-го батальона 71-го полка. Начальник политотдела вызвал из 71-го полка парторга старшего лейтенанта П. И. Сизова. Последние приготовления к переходу фронта румынскими солдатами были закончены. Они получили винтовки, подсумки, патроны. В случае крайней необходимости они могли вообще отрицать факт своего пребывания в плену.

В сплошной темноте группа двинулась в путь и вскоре достигла переднего края.

В 20 часов наши подразделения, предупрежденные о переброске пленных, прекратили огонь. Противник

тоже не стрелял, только изредка освещал местность ракетами. При их свете впереди были хорошо видны постройки Форштадта. Румынские солдаты сами выбрали подходящий момент и поползли вперед. Вместе с ними в темноте скрылся и сержант Агапитов. Он прополз по нейтральной полосе около ста метров и, вернувшись, доложил, что румыны ушли дальше.

Рано утром 4 декабря из Форштадта в расположение наших частей перебежали два румына, которые рассказали, что видели румынских солдат, пришедших с нашей стороны. По словам перебежчиков это было около 21 часа. Всю ночь солдаты Сакарьяну, Хриско и Сюрарю ходили по румынским подразделениям, рассказывали, что они были в русском плену. Они также говорили, что в плену находится майор Байкояну, который советовал всем сдаться в плен и написал записку. Стало известно, что Сакарьяну, Хриско и Сюрарю передали записку командиру части.

Румынские солдаты, сдавшиеся на следующий день, рассказали, что днем 4 декабря один из возвратившихся из плена солдат погиб при артобстреле Форштадта, а два были схвачены и отправлены под стражей в Очаков.

В первой половине дня 4 декабря противник высадил на косе за Форштадтом новый десант численностью около 200 человек и предпринял контратаку, которая была успешно отбита нашими батальонами. С наступлением темноты на косе установилась тишина, изредка нарушавшаяся пулеметными очередями. Иногда над косой в темном небе вспыхивали осветительные ракеты противника. Пришло время для действий разведки.

В ночной поиск пошла группа разведчиков 71-го гвардейского стрелкового полка под командованием старшины Дмитрия Южакова. Разведчики решили проникнуть в расположение противника, обойдя по воде проволочные заграждения. Вдоль черноморского берега косы разведчики подошли почти вплотную к проволоке, а затем вошли в воду и стали удаляться от берега. Вода дошла разведчикам до пояса, а проволока все не кончалась. Только погрузившись в воду по шею, разведчики смогли, наконец, обойти проволоку. На берегу позади проволоки разведчики без шума за-

хватали в плен румынского солдата и осторожно двинулись дальше. Вскоре обнаружили боевое охранение, которое сняли быстро и бесшумно. Только после этого старшина Южаков повел группу в обратный путь.

Через полтора часа разведчики мокрые, но довольные, вернулись, привели с собой пленного и доложили командиру 71-го стрелкового полка майору Т. И. Степанову, что путь для обхода проволочных заграждений найден.

Вскоре старшины Южаков, Лепин, сержант Быков, красноармейцы Медведев и Глобчук повели в тыл противника штурмовой отряд численностью около ста человек под командованием капитана Н. И. Дыбова. Когда до проволочных заграждений противника осталось менее ста метров, бойцы отряда вслед за разведчиками вошли в воду. Пройдя за проволоку метров пятьдесят, отряд вышел на берег и занял оборону. Здесь отряд разделился на две группы. Первая — под командой капитана Дыбова должна была нанести удар вдоль косы на северо-запад, вторая — старшего лейтенанта Тимофеева, развернуться на юго-восток и атаковать во фланг и тыл противника.

Отряд еще не успел изготовиться к бою, когда противник обнаружил его. Со второй линии обороны открыли огонь вражеские пулеметы. Капитану Дыбову пришлось дать условный сигнал — две красных ракеты. По этому сигналу артиллерия и минометы открыли огонь: сначала по первой линии обороны противника, затем по второй.

Как только наши орудия и минометы перенесли огонь на вторую линию обороны противника, бойцы группы старшего лейтенанта Тимофеева атаковали первую линию. Вскоре 254 румынских солдата, оборонявших первую линию, прекратили сопротивление и сдались в плен. Все румынские солдаты показали на допросах, что они слышали рассказ трех своих товарищей, вернувшихся из плена, и сами сдались в плен под влиянием этих рассказов¹.

Бой на второй линии перед Форштадтом, которую оборонял главным образом фашистский заградитель-

¹ Приказ начальника Политического управления 4-го Украинского фронта № 191 от 14 декабря 1943 г.

ный отряд, продолжался более двух часов. На рассвете Форштадт был взят. В этом бою пулеметчик В. Евтушенко огнем из станкового пулемета уничтожил около пятидесяти солдат и офицеров противника.

Гитлеровцы, выбитые из Форштадта, отошли на оконечность косы и продолжали оказывать упорное сопротивление. Одновременно фашистские солдаты начали грузиться на катер, баржу и лодки у берега лимана. Наши бронебойщики подбили катер и баржу. Однако несколько лодок отплыло в направлении Очакова. Почти на середине лимана лодки были атакованы звеном красnozвездных «Илов». Гитлеровцы, не успевшие пробиться к лодкам, были уничтожены объединенными усилиями 70-го и 71-го полков. Часть солдат противника сдалась в плен. Всего на завершающем этапе операции на Кинбурне было взято в плен 403 солдата и офицера. К 10 часам 5 декабря 1943 года последний бой на Кинбурнской косе, длившийся более восьми часов, закончился полным разгромом противника.

Через два дня 70-й и 71-й стрелковые полки уходили с косы в районы Чулаковки, Ивановки, НовоЗбурьевки. Перед тем, как покинуть поле недавних боев, батальоны отдали последнюю воинскую почесть гвардейцам, оставшимся навечно в песках Кинбурна. Над просторами лимана и Черного моря перекатывалось эхо прощальных залпов.

По приказу командующего 4-м Украинским фронтом 24-я гвардейская стрелковая дивизия была передана в состав 10-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии. Перед войсками этой армии поставили задачу: совместно с 3-й гвардейской и 5-й ударной армиями ликвидировать Никопольский плацдарм противника.

Двухсоткилометровый маршрут дивизии к Никопольскому плацдарму проходил через Чулаковку, Большие Копани, Большую Маячку, Красный Перекоп, Ольгино, Ново-Рубановку. Пройдя неподалеку от легендарной Каховки, дивизия сосредоточилась 23 декабря в районе полностью разрушенной деревни Ново-Рубановки. В ночь на 25 декабря полки дивизии за-

няли на переднем крае исходные позиции для наступления южнее дороги из Ново-Рубановки в Большую Лепатицу.

На Никопольском плацдарме противник имел глубоко эшелонированную оборону, густо насыщенную живой силой и огневыми средствами. На переднем крае в полосе наступления дивизии были отрыты окопы, траншеи, блиндажи и землянки. Большинство блиндажей и землянок не имело перекрытий. Местность была ровной, открытой. Все подходы к переднему краю противник простреливал сплошным пулеметным огнем.

В первый день нового, 1944 года начались бои по прорыву обороны противника. Они продолжались до 5 января. Продвинуться вперед не удалось, так как артиллерия не смогла подавить и нарушить систему огня противника, чтобы расчистить путь пехоте.

Второй этап боев начался мощной артиллерийской подготовкой 12 января 1944 года. Бои за первую траншею были упорными и кровопролитными. Гвардейцы отважно шли в бой и упорно выбивали гитлеровцев из каждого окопа и блиндажа. Храбро действовал в бою минометчик С. Рощак. Когда все бойцы минометного расчета выбыли из строя, он один продолжал вести огонь и выпустил более 150 мин. Когда мины кончились, мужественный воин занял место в боевых порядках бронебойщиков и в течение дня вел огонь из противотанкового ружья по огневым точкам противника. Красноармеец Н. Дроздов одним из первых ворвался в траншею врага, уничтожил несколько гитлеровцев, захватил ручной пулемет и 8 винтовок.

На следующий день стрелковые полки полностью овладели первой траншеей. Чтобы вернуть утерянный рубеж, противник предпринял 14 января контратаку при поддержке пятнадцати танков и четырех самоходных орудий. Она была отбита. Наши артиллеристы подбили и уничтожили три танка и три самоходных орудия. При отражении контратаки гитлеровцев погиб командир дивизии генерал-майор П. И. Саксеев.

17 января по приказу командующего армией дивизия была выведена из боя для отдыха и пополнения.



В КРЫМ

В резерве.— Штурм Перекопа.— Дивизия стала Евпаторийской.

В начале февраля в районе Никопольского плацдарма резко потеплело. Не верилось, что всего несколько дней назад по степи гулял пронизывающий ветер и шел колючий снег.

Наступили дни завершающего штурма. По правому берегу Днепра, вдоль железной дороги Днепропетровск — Николаев, перешел в наступление 3-й Украинский фронт. 5 февраля войска овладели узловой станцией Апостолово и стали выходить в тыл Никопольскому плацдарму. Одновременно усилили удары 28-я, 5-я Ударная и 3-я Гвардейская армии 4-го Украинского фронта. Опять застонала земля в районе Большой Лепатихи. Начался мощный артиллерийский обстрел.

С воздуха на укрепления врага обрушили бомбовые удары «Ильюшины» и «Петляковы». Обработку переднего края противника завершили дивизионы «катюш».

Величественную картину наступления воины нашей дивизии наблюдали из ближайшего тыла. Еще накануне дивизия по приказу командования 28-й армии передала свой участок другому соединению.

Полки проходили через разрушенную Ново-Рубановку, сосредоточиваясь в 15—20 километрах от переднего края. Артиллерийский полк с большим тру-

дом снял с огневых позиций 76-миллиметровые орудия и 122-миллиметровые гаубицы. Тягачи на каждом шагу застревали в раскисшем черноземе. Надрывно гудели моторы. На помощь приходили орудийные расчеты. Под колеса автомашин летели разбитые снарядные ящики, солома и все, что попадало под руку.

Дивизия уходила из района боев на юго-запад. Части собрались в заданных районах, привели себя в порядок и двинулись дальше. Артиллерийский полк получил маршрут на Перекоп. Стрелковые части и остальные подразделения направились в район деревни Чаплинка, что северо-западнее Перекопа. Дивизия вновь возвращалась в состав 2-й гвардейской армии и нацеливалась на Крым. На марше узнали, что 8 февраля 3-й и 4-й Украинский фронты в результате совместных боевых действий ликвидировали Никопольский плацдарм. Таким образом, была снята угроза удара 6-й гитлеровской армии из района Никополя в спину 2-й гвардейской и 51-й армий, перед которыми была поставлена задача разгромить 17-ю армию противника и освободить Крым.

Во время марша в район Чаплинки части дивизии в условиях весенней распутицы преодолели более ста пятидесяти километров. Марш продолжался днем и ночью.

Однажды во второй половине дня подул ветер с Черного моря. Пошел мелкий холодный дождь. Шинели солдат намокли. А к полуночи подул северный ветер и температура стала резко падать. Дорога покрылась ледяной коркой. Мокрые шинели обледенели.

Утром сделали привал. Измученные тяжелым ночным переходом солдаты устраивались на отдых там, где их застала долгожданная команда.

Подшли кухни, но лишь немногие подставили под черпаки поваров свои котелки — почти все бойцы уже спали.

Медленно тянется время на марше, но очень быстро бегут стрелки часов, когда боец отдыхает. Три-четыре часа полузабытья — и опять командиры начнут выстраивать роты и батальоны для движения на юго-запад.

Пока спят солдаты, командиры уточняют маршруты, готовят донесения в штабы, проверяют состояние оружия и боевой техники, делают массу других больших и малых дел. А политработники не забывают проследить, чем и как будут накормлены бойцы, заботятся о письмах и газетах для них, встречаются со своими помощниками — парторгами и комсоргами, агитаторами, редакторами боевых листков и «молний». А сколько хлопот у офицеров службы тыла!.. Когда спят сами командиры — мало кто знает.

Закончив марш, полки расположились в селах Ново-Павловка и Червона Зирка. Артиллеристы к этому времени заняли огневые позиции на Перекопском перешейке, в двух километрах севернее Турецкого вала. Огневые позиции 50-го гвардейского артиллерийского полка были расположены между шоссе и дорогой и окраиной разрушенной деревни Перекоп. Перед рассветом все орудия были установлены и замаскированы. Артиллеристы создали сеть наблюдательных пунктов южнее Турецкого вала в направлении на Армянск.

На следующий день началась пристрелка по огневым точкам, блиндажам и дзотам противника.

Спустя некоторое время дивизия была выведена в резерв командующего 2-й гвардейской армии и вошла в состав 13-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе. Влившись в состав своей армии, гвардейцы почувствовали себя «как дома» и начали готовиться к новым боям.

Вслед за стрелковыми полками в район сосредоточения подтянулись тылы. Ново-Павловка и Червона Зирка насчитывали по 20—30 дворов. Поэтому пришлось размещаться в тесноте.

Началась подготовка к штурму Крыма. В ротах и батареях занятия шли по принципу: «Тяжело в учении — легко в бою». Разумеется, на легкие бои никто не рассчитывал.

Поредевшие в боях на Никопольском плацдарме стрелковые полки получили пополнение. В их составах было немало гвардейцев, вернувшихся в строй из госпиталей. Но были и необстрелянные, мобилизованные на территориях недавно освобожденных областей.

Часть новичков прошла обучение в запасных частях фронта и в учебном батальоне дивизии. Нередко в ротах и взводах встречались земляки и односельчане. Бывалые воины помогали новичкам в учебе, подбадривали в трудную минуту.

Во взводе пешей разведки 70-го стрелкового полка с вновь прибывшими занимался бывший моряк Константин Висовин. Он сам недавно прибыл в полк, но уже отличился в боях и был награжден орденом Славы III степени. Костя Висовин стал опытным «наземным» разведчиком, но душа у него оставалась морской. Верхние пуговицы на воротнике гимнастерки у него были обычно расстегнуты, чтоб под гимнастеркой виднелась дорогая сердцу тельняшка. Однажды разведчика повстречал командир полка А. С. Дрыгин. Пожив на плечо парня руку, сказал:

— Застегнись, матрос, как полагается. А когда пойдем в бой, особенно за Севастополь, разрешаю расстегнуть гимнастерку, чтобы всем была видна твоя морская душа. Пусть товарищи в бою на тебя равняются, а фашисты бегут в страхе.

— Есть, — по флотски ответил Висовин. — Будет выполнено, товарищ командир. До Севастополя мне обязательно нужно дойти...

После этого никто не видел у Кости Висовина расстегнутого воротничка.

Во время последних боев под Никоподем майор А. С. Дрыгин очень беспокоился за саперный взвод, в котором было много молодых солдат, не нюхавших, что называется, пороху. Поэтому взвод не всегда успешно справлялся со своими задачами. Командир полка часто беседовал с полковым инженером капитаном Б. В. Таратухиным, вызывал командира взвода, который каждый раз обещал поправить дело. Чувствовалось, что у молодого лейтенанта пока не получается. Капитан Таратухин, известный полковой шутник, тяжело вздыхал и просил командира полка откомандировать этого «отца Серафима» (так он называл незадачливого командира взвода) в нестроевое подразделение и убедил в конце концов командира полка.

Едва полк прибыл в Червону Зирку, как в хату, которую занимал штаб полка, вошел капитан Таратухин и представил командиру вновь прибывшего лей-

тенанта-сапера Александра Федоровича Земкова. Это был среднего роста крепыш, подтянутый и ладный. Из-под густых бровей смотрели внимательные и спокойные глаза. А. С. Дрыгин ввел лейтенанта Земкова в курс дел, поставив задачу в кратчайший срок подготовить взвод саперов к боям на Крымской земле.

Командир потребовал укрепления во взводе дисциплины и порядка. Во время разговора А. С. Дрыгин, приглядываясь к новому офицеру, заметил, что лейтенант скуп на слова, но дело знает, держится уверенно. Вскоре между командиром полка и лейтенантом завязалась непринужденная беседа. Командир узнал, что Земков из Саратовской области, до войны работал комбайнером и трактористом, на фронте с первых дней войны. Много общего нашлось у агронома А. С. Дрыгина и механизатора А. Ф. Земкова. За пределами войны им виделись родные поля, колосья пшеницы, слышался рокот тракторов.

На следующий день командир полка пришел на занятия саперов и остался доволен. Новый командир взвода оказался человеком знающим и требовательным. Саперы сразу поверили в него. Он не кричал и не ругался, если у солдата получалось не все. Лейтенант умело управлялся с миноискателями и толовыми шашками. Только убедившись, что бикфордов шнур разгорелся, он давал команду уйти в укрытие и всегда последним прыгал в щель.

Уже на первых занятиях лейтенант Земков обратил внимание на двадцатилетнего солдата Александра Соценко, выполнявшего задания сноровисто и четко. Командиру взвода иногда не верилось, что Соценко служит в армии всего пятый месяц. По вечерам, когда саперы укладывались на земляном полу хаты, Соценко вспоминал о том, какой была жизнь до войны здесь, в Червоной Зирке и в его родном селе Чалбасы, до которого отсюда не больше одного перехода. С гневом рассказывал и о том, как в мрачную пору оккупации здесь свирепствовали фашисты.

Когда началась война, Александр Соценко учился в Херсонском ремесленном училище. В 1941 году в родные края солдата ворвались фашистские полчища, и он два года прожил под пятой оккупантов. Его со многими другими юношами и девушками фашисты

хотели угнать на принудительные работы в гитлеровский рейх, но он сумел бежать. После долго скрывался, установил связь с подпольщиками, помогал в распространении листовок, ходил по хуторам и селам родного края, рассказывал людям правду о положении на фронтах, призывал их к активной борьбе против оккупантов.

Упорная учеба проводилась во всех подразделениях дивизии.

Одновременно с ведением боевых действий на Перекопе учились и артиллеристы 50-го гвардейского артполка.

В ночь с 16 на 17 февраля с огневых позиций были сняты два огневых взвода — 76-миллиметровых дивизионных пушек и 122-миллиметровых гаубиц. К утру они прибыли. Здесь артиллеристы узнали, что предстоят учебные стрельбы по трофейному фашистскому танку Т-VI («тигр»). Тягачи уже затащили «тигра» в ложбинку. Артиллеристам были указаны рубежи: 300, 800 и 1200 метров. Кроме орудий дивизионного артполка, в стрельбах участвовали артиллеристы 26-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, по одному взводу 45-миллиметровых пушек и полковых 76-миллиметровых орудий. При стрельбе с дальних рубежей по лобовой броне «тигра» снаряды рикошетили. Результаты стрельбы с ближних дистанций были лучше. Однако артиллеристам пришлось отказаться от стрельбы в лоб танка и перенести огонь на гусеницы. Стрельба по бортовой броне с расстояния 300—400 метров оказалась эффективной у всех орудий.

Многие артиллеристы видели разрекламированный фашистами танк впервые. Они изучали его конструкцию, нащупывая слабые места. Оказалось, что лобовая броня у танка 100 миллиметров, толщина брони башни — 82, а бортовой — 62 миллиметра. Опыт показательных стрельб по фашистской танковой новинке показал, что умелому артиллеристу «тигр» не страшен. Результаты стрельб были изучены всеми артиллеристами 2-й гвардейской армии.

На учебных полях отрабатывались навыки ведения боевых действий против укрепленных рубежей противника в Крыму.

Первым рубежом на пути в Крым был Перекоп. Первоначально мы представляли себе его укрепления в виде сплошной высокой стены Турецкого вала и поэтому среди равнины южно-украинской степи искали курганы и высотки, которые можно было бы сравнить с перекопскими позициями. Через несколько дней штаб дивизии получил карты. Оказалось, что перешеек от Перекопского залива Черного моря до Сиваша действительно пересекает Турецкий вал. Протяженность — около девяти километров. Высота Турецкого вала — 10—12 метров. Наши войска преодолели Турецкий вал и создали плацдарм. Ширина плацдарма у основания была 3,5 километра, глубина — 3,6—3,8. Передовые подразделения 3-й гвардейской и 167-й стрелковой дивизий находились в километре от города Армянска. Все ясно представили, что на Перекопе придется штурмовать глубоко эшелонированную оборону противника, расположенную на равнине. По данным разведки, оборона гитлеровцев состояла из трех-четыре-х линий траншей. Оборонительные позиции противника опутаны проволочными заграждениями, усеяны противотанковыми и противопехотными минами. Позиции врага во многом напоминали рубежи Никопольского плацдарма.

Для успешного прорыва такой системы обороны фашистов наша пехота должна четко взаимодействовать с артиллерией и минометами. Артиллеристам и минометчикам необходимо было добиться более высокой точности стрельбы. Особенно сложная задача возникла перед минометчиками. После переноса огня артиллерии в глубину обороны противника минометы должны были создавать огневой вал перед нашей наступающей пехотой.

В первых числах марта была закончена отработка действий взводов и рот. Предстояли учения с боевой стрельбой.

Командующий армией генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров назначил показательное учение на 7 марта. Командир дивизии выделил для участия в учении батальон 72-го гвардейского стрелкового полка. С утра на учебное поле прибыл командный состав всех дивизий, входивших в состав 2-й гвардейской армии. Здесь же были собраны командиры стрелковых полков диви-

зии. Прибыли члены Военного Совета армии. Выслушав доклад командира дивизии полковника Г. Я. Колесникова *, генерал Захаров отдал несколько распоряжений и повторил задачу учения, обратив особое внимание на подготовку пехотинцев к быстрому преодолению пространства перед передним краем противника.

Генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров в сопровождении командира дивизии обошел расположение батальона, изготовившегося к началу учения. Батальон был построен в линию и занимал по фронту около трехсот пятидесяти метров. Два взвода сведены в штурмовую группу. В боевых порядках рот находились 45-миллиметровые, несколько позади — 76-миллиметровые пушки. Минометы располагались в 200—300 метрах от переднего края. Минометчики должны были сопровождать атакующую пехоту огневым валом. Эта задача для минометчиков также была новой. В предыдущих боях огневой вал создавала артиллерия. Командующий армией часто задавал вопросы стрелкам, пулеметчикам, автоматчикам и минометчикам, чтобы выяснить, насколько хорошо они знают свою задачу, а у офицера — как он будет управлять взводом или ротой во время атаки.

Член Военного Совета армии генерал-майор В. И. Черешнюк беседовал с начальником политотдела дивизии подполковником Н. Д. Ермоленко. Члена Военного Совета интересовало состояние партийно-политической работы в батальоне и других частях и подразделениях дивизии. Здесь же был и начальник политотдела армии генерал-майор А. Я. Сергеев. При первом знакомстве он производил впечатление сердитого человека. Но это было только первое впечатление. Уже через несколько минут после начала разговора с начальником политотдела выяснилось, что он умело сочетает высокую требовательность и принципиальность коммуниста с необычайно внимательным и сердечным отношением к людям.

Свои заботы перед началом учения были и у командующего артиллерией армии генерал-майора И. С. Стрельбицкого. Вместе с командующим артилле-

* Назначен на эту должность 15 января 1944 г. вместо погибшего П. И. Саксеева.

рией дивизии подполковником А. Д. Кузнецовым генерал Стрельбицкий направился к артиллеристам и минометчикам. Стройный и молодцеватый, Иван Семенович Стрельбицкий был опытным и знающим артиллеристом. Он участвовал в боях на фронтах гражданской войны и с первых дней Великой Отечественной сражался против гитлеровцев. Иван Семенович обладал глубокими знаниями теории артиллерии и умело применял их на практике. Еще задолго до войны им были написаны фундаментальные теоретические работы, в которых доказывалась ведущая роль артиллерии в борьбе против танков. Даже во внешнем облике генерала проявлялась своеобразная воинская интеллигентность, которой отличались наиболее подготовленные кадровые артиллеристы.

...Приготовления закончены. По сигналу командира дивизии открывают огонь по переднему краю «противника» минометчики. Стрельба ведется в заданном темпе. Непродолжительный огневой налет, имитирующий завершающую стадию артиллерийской подготовки, заканчивается переносом огня в глубину. Позади переднего края «противника» четко обозначается линия разрывов мин, которая начинает перемещаться в глубину обороны. Это огневой вал. Вслед за ним устремляются из «усов» к передней траншее стрелки и автоматчики. Штурмовая группа при поддержке орудий, ведущих огонь прямой наводкой, устремляется к дзоту, который, по определению посредников, оказался не полностью разрушенным. Проходит несколько минут. Всем видны прямые попадания снарядов в макет дзота. Продвижение стрелковых рот продолжается. Уже позади вторая траншея. Пехотинцы подходят к третьей линии обороны «противника»... Вспыхивают зеленые ракеты — учение закончено.

Командующий армией на разборе учения высоко оценил действия подразделений и одновременно указал на недостатки.

Быстро пролетели дни, до предела заполненные боевой учебой. Наступило 17 марта — день второй годовщины присвоения дивизии гвардейского звания. Во всех подразделениях проводились беседы о боевом пути части. Когда стемнело, в селе Червона Зирка состоялся торжественный вечер, на который были при-

глашены ветераны и отличившиеся в последних боях. Он проходил в большой палатке медсанбата. Открыл вечер командир дивизии полковник Г. Я. Колесников. Выступали ветераны с воспоминаниями о боях под Островом, Лугой, Псковом, на Волхове, под Синявин-ном, под Сталинградом, на Миусе и Молочной... Брели слово и представители молодого поколения гвардейцев, которые обещали высоко и с честью, до полной победы над врагом пронести боевое знамя дивизии.

А на следующий день с рассветом опять началась напряженная боевая учеба. Партийные бюро частей и дивизионная партийная комиссия рассматривали дела по приему отличившихся в боях в партию. Заседания партийной комиссии проводились неподалеку от учебных полей. Каждого принятого тепло поздравлял секретарь дивизионной партийной комиссии майор В. И. Ипполитов. Через несколько минут молодого коммуниста фотографировал старшина М. А. Черных. Каждый просил Михаила Черных сделать лишнюю фотокарточку, чтобы послать ее родным и близким. Нередко эти карточки после очередных боев оказывались последней памятью о коммунисте, который до конца выполнял свой партийный и воинский долг во имя Родины.

В подразделениях активизировали работу агитаторы.

В беседах они рассказывали об успешных действиях войск 3-го Украинского фронта, которые отразили контрудары сильной группировки фашистов и перешли в решительное наступление на Николаев и Одессу.

Многие беседы были нацелены на морально-психологическую подготовку личного состава к боям. Агитатор 70-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант А. Г. Беглоян рассказывал о подвигах красноармейцев под командованием М. В. Фрунзе, взявших штурмом Крымскую твердыню в годы гражданской войны. Арташес Геворкович говорил горячо и убежденно. Казалось, он не просто рассказывает, а вместе с красноармейцами Фрунзе переходит Сиваш, поднимается в атаку на Перекопе, идет в бой под Ишунью.

Агитатор 72-го гвардейского стрелкового полка

старший лейтенант Б. Ф. Редько, по характеру человек немногословный и спокойный, в беседах логически подводил гвардейцев к выводу о том, что в боях за освобождение Крыма каждый должен показать себя достойным наследником боевой славы героев гражданской войны.

Агитаторы получили данные о группировке противника на Перекопе, о моральном состоянии его солдат и офицеров. Эти сведения широко использовались в беседах политработников. Они рассказывали, что Крым обороняет 17-я армия гитлеровцев под командованием генерал-лейтенанта Еннеке. С ноября прошлого года она непрерывно совершенствует свои оборонительные рубежи. Ведется строительство полевых и долговременных крепостных укреплений. Гитлер приказал 17-й армии удерживать Крым любой ценой. Перекоп обороняют части и подразделения 50-й пехотной дивизии врага с оперативно подчиненными ей тремя артиллерийскими полками и одним артдивизионом, 4-я горно-стрелковая дивизия, 150-й и 31-й запасные батальоны, 50-й батальон, батальон «Бергман» и другие части. Командование 17-й армии перебрасывает на Перекоп 70-й и 117-й пехотные полки, 111-ю пехотную дивизию. Общее количество активных штыков противника на Перекопе достигает 26000, ручных пулеметов — 820, станковых пулеметов — 280, противотанковых орудий — 75, полевых орудий — до 180, минометов — до 160, шестиствольных минометов более 15¹. Общее командование частями противника на Перекопе осуществляет генерал-лейтенант Рекс — опытный командир. Недавно взятые в плен на Перекопе солдат и ефрейтор рассказали, что солдаты и офицеры противника в Крыму не считают свое положение безнадежным, верят геббельсовской пропаганде и, несмотря на поражения гитлеровской армии под Курском и на Днепре, еще верят в победу Германии...

...Шли последние дни марта. Земля почти просохла, появилась первая зелень. Но вдруг 29, 30 и 31 марта дохнул холодный северный ветер, пошел густой снег. Разыгралась настоящая северная метель. Снег покрыл

¹ «В наступлении гвардия». Воениздат, 1971, стр. 180.

толстым слоем поля, сделал непроезжими полевые дороги. Температура упала до —20—25 градусов.

1 апреля ветер стих — и сразу потеплело. Земля набухла. Автотранспорт остановился. Работяги-кони с трудом волокли повозки, нагруженные едва ли на половину.

Вечером 2 апреля поступило распоряжение о выдвижении окопной говорящей установки дивизии на передний край за Турецким валом. Расчет, обслуживающий установку, состоял из двух человек: радиста Владимира Грозницкого из Донбасса и его помощника старшего сержанта Василия Беловолова с Кубани. Накануне В. Грозницкий закончил ремонт установки и зарядил основные и запасные аккумуляторы.

Стемнело, когда повозка с ОГУ двинулась из хутора Красный к Перекопу. Дорога раскисла окончательно. Лошади часто останавливались. Капитан Кириленко, сержант Грозницкий, старший сержант Беловолов по колену в грязи толкали повозку вперед.

На рассвете 3 апреля ОГУ прибыла в поселок Червоный Чабан. Отсюда было до Турецкого вала всего семь километров, если считать по дороге. Установка должна была вести передачи с переднего края 3-й гвардейской стрелковой дивизии, командный пункт которой располагался в землянках, вырытых в Северном склоне Турецкого вала. Здесь находились представитель политотдела армии капитан А. М. Некрич и три немецких антифашиста, которых называли Герберт, Густав и Макс. В свое время они добровольно сдались в плен и теперь участвовали в активной борьбе против фашизма. Все трое были представителями антифашистского комитета «Свободная Германия». Оружием антифашистов было слово правды.

Гостеприимные стрелки переднего края выделили для «радиостудии» блиндаж. Все готово к передаче. Сначала передается обращение к нашим солдатам. Гвардейцы оповещаются о начале передачи для солдат противника и необходимости быть бдительными. Затем зачитываются последние сообщения Советского информбюро. Передача для немецких солдат началась песней «Болотные солдаты» в исполнении немецкого певца-коммуниста Эрнста Буша. При первых звуках музыки с переднего края противника в ночное небо

взвились осветительные ракеты. Стрельба утихла. А это верный признак, что на переднем крае одни солдаты. Господа офицеры отправились отдыхать в блиндажи, удаленные на восемьсот, а то и на тысячу метров от переднего края. Песня закончилась. Над равниной Перекопского перешейка разносится: «Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание!» Солдатам противника сообщаются сведения, которые гитлеровское командование от них тщательно скрывает: о потерях немцев в последних боях, о разгроме их армий, отступающих под мощными ударами советских войск.

Из показаний пленных было известно, что один из командиров рот 50-й пехотной дивизии — ярый нацист, призывавший сражаться в Крыму до последнего солдата. Но два дня назад он симулировал болезнь и удрал в тыл. После сообщения этого факта солдатам противника дается совет: подумать о спасении своей жизни, ибо положение 50-й пехотной дивизии настолько безнадежно, что даже нацисты спасают свою шкуру. Такой радиоразговор с противником продолжался минут 12—15. Только к концу передачи со стороны противника, по приказу офицеров, началась трескотня автоматов и пулеметов.

Через несколько минут начинается вторая передача — от имени Национального комитета «Свободной Германии». Как позывной Национального комитета звучит старинная немецкая песня «Бог, который создал железо». С этой песней еще в средние века немецкий народ шел на борьбу против своих угнетателей. Перед микрофоном ОГУ один за другим выступают Герберт, Макс, Густав. Они обращаются к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели гитлеровского вермахта.

В течение ночи с 3 на 4 апреля наша ОГУ провела четыре передачи. На соседнем участке, ближе к Армянску, работала ОГУ 3-й гвардейской стрелковой дивизии. И так каждую ночь.

С 6 на 7 апреля удалось провести только две передачи.

На передний край выходили новые подразделения, разворачивались наблюдательные пункты. Днем 7 апреля артиллерия 2-й гвардейской армии вела интенсивное разрушение укреплений противника. Во вто-

рой половине дня стало известно, что штурм Перекопских позиций начнется 8 апреля в 10.30. В связи с этим пришлось срочно переработать тексты передач. Теперь немецкому солдату надо советовать скорее решать свою судьбу, пока это не поздно.

Перед наступлением сумерек началось выдвижение ОГУ на передний край для заключительных передач. И тут вражеские наблюдатели заметили радистов. Рядом начали рваться снаряды и мины. Ранен, контужен и наполовину засыпан в траншее капитан Кириленко. Падают антифашист Герберт и двое автоматчиков из 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Сражен антифашист Густав. Один из наших солдат прикрыл собой Макса. Несколько осколков вонзилось в тело гвардейца. Макс долго искал свои очки, потом поспешил на помощь санитарам. Но Герберту и Густаву перевязки были уже не нужны.

Утром 7 апреля стрелковые полки готовились, как обычно, к занятиям в поле, когда поступил приказ о сосредоточении дивизии в районе Макаровка. Ночь с 7 на 8 апреля была пасмурной, низкие облака то и дело поливали землю морозящим дождем. Гвардейцы после непродолжительного марша отдыхали, но сон ко многим не приходил. У солдата перед боем всегда много дел. Нужно проверить оружие, снарядить магазины автоматов и пулеметные ленты. И как далекое-далекое прошлое всегда перед боем вспоминает воин свой дом, родных, близких. Не отдыхают командиры и политработники. Им нужно еще раз проверить, все ли готово, хорошо ли накормлены гвардейцы, успокоить тех, кто слишком волнуется.

От Макаровка до переднего края около 5 километров. Хорошо слышно, как на Перекопе ведет огонь наша артиллерия. Всю ночь над нашими головами шли туда ночные бомбардировщики У-2. С вечера самолеты высыпали на передний край противника более 60 тысяч листовок. Слышны взрывы большой силы, занялось зарево пожаров: ночная авиация добилась метких попаданий по складам боеприпасов противника.

Перед рассветом гул боя на Перекопе стих.

Утро 8 апреля. Стало проглядывать солнце. К 7 часам стрелковые батальоны были собраны на митинг,

где гвардейцам зачитали поступивший ночью приказ Военного Совета 4-го Украинского фронта.

Перед личным составом 1-го стрелкового батальона 71-го гвардейского стрелкового полка приказ Военного Совета фронта огласил командир батальона капитан Н. И. Дыбов. С волнением слушали гвардейцы слова приказа: «Настал час, когда Родина приказывает начать решительные наступательные действия по ликвидации крымской группировки противника. Фашистская мразь, захлопнутая нами в Крыму, должна быть уничтожена.

Мы бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году. Тогда великий полководец Фрунзе вел красные войска на штурм Перекопа, форсировал Сиваш и очистил Крым от банд черного барона Врангеля. Тогда молодая Красная Армия совершила великий подвиг, который будет жить в веках. Пусть же наш героизм нарастит мировую славу воинов Фрунзе, славу нашего оружия!»¹.

На митингах бойцы и командиры говорили о своем желании скорее вступить в бой с ненавистным врагом, освободить жемчужину нашей страны, всесоюзную здравницу Крым от фашистской нечисти. В заключение митинга гвардейцы дали клятву с честью пронести по крымской земле боевые знамена.

Во всех подразделениях изучались «Памятки о наступлении», отмечатанные в типографии армейской газеты «В атаку». В памятке содержались следующие советы воинам: «Услышишь команду в атаку — вперед! Не медли! Не опаздывай!», «Не забывай о глазом: наступаешь — стреляй!», «Уничтожай фашиста огнем в упор, коли штыком, бей прикладом. Нож, лопатку, все пускай в ход».

В 8 утра донесся гул артиллерийской подготовки. Он не производил впечатления сплошного огневого налета. Была слышна лишь стрельба отдельных орудий и батарей, которые приступили к разрушению укреплений противника. Вскоре над позициями нашей артиллерии появились бомбардировщики «Фокке-Вульф-190». Но артиллеристы не прекращали огня. Так прошло

¹ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 4862, д. 17, л. 82.

больше часа. И наконец грянул мощный огневой налет. Разрывы снарядов и мин слились в единый гул. Через пять минут гром разрывов начал удаляться, слабеть — это артиллеристы перенесли огонь в глубину. Но мы знали, что перенос ложный. Скоро интенсивность огня опять возросла, артиллеристы вновь открыли огонь по огненным точкам, ожившим на переднем крае противника. Четыре раза повторялся ложный перенос огня и огневой налет по переднему краю противника. Четвертый огневой налет продолжался двенадцать минут. В нем участвовали орудия всех калибров, минометы и «катюши». На километре фронта на Перекопе вели огонь по противнику 176 орудий и минометов.

На малой высоте звеньями по четыре самолета пошли эскадрильи грозных «Илов», несших для гитлеровцев «черную смерть». Штурмовщиков прикрывали истребители, которые парами маневрировали над полем боя. Нужно заметить, что нашей авиации при прорыве Перекопа было сравнительно немного и основную работу по расчислке пути для пехоты выполняли артиллерия и минометы.

После 10.30 гул боя, доносившийся со стороны Перекопа, стал тише. Бывалые воины знали, что сейчас пошла в атаку пехота и ее продвижение поддерживают лишь минометы и орудия прямой наводки.

Поступило известие о том, что 50-й гвардейский артиллерийский полк под командованием майора И. Ф. Обухова возвратился в подчинение дивизии.

Наши артиллеристы успешно выполнили свою боевую задачу при прорыве перекопских укреплений. Артдивизион майора Налимова в течение дня подавил семь станковых пулеметов и минометную батарею, разрушил ДОТ и пять блиндажей, уничтожил до двух взводов пехоты противника. На Перекопе метко поражал цели орудийный расчет коммуниста старшины Леонида Михайлишина. Артиллерийский мастер старший сержант Ф. Х. Абышев подносил снаряды к орудию. Когда был ранен заряжающий, Абышев встал на его место. Вскоре он был ранен в голову. Наскоро сделав себе перевязку, Абышев оставался на огневой позиции до тех пор, пока не закончилась артподготовка. Техник-лейтенант Щербель в течение дня устранил повреждения шести орудий.

К вечеру стали известны итоги первых боев на Перекопе. 3-я гвардейская стрелковая дивизия к 15 часам овладела тремя линиями траншей, 126-я после упорного боя заняла Армянск. Оборона противника в средней части Перекопского перешейка была прорвана. Однако противник продолжал удерживать западный и восточный фасы Турецкого вала.

Утром 9 апреля группировка противника, удерживавшая западный фас Турецкого вала, была окружена и уничтожена частями 55-го стрелкового корпуса. К 19 часам того же дня была ликвидирована группировка противника в районе восточного фаса и Щемиловки. Таким образом, войска 2-й гвардейской армии прорвали мощную оборону противника на Перекопе в течение 34 часов.

...Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, соединения 2-й гвардейской армии 10 апреля подошли к Ишуньским позициям, которые перекрывали перешеек между озером Старое и Каркинитским заливом Черного моря.

24-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ выступить из Макаровки и сосредоточиться 11 апреля в районе поселка Карт-Казак № 1 в 6—7 километрах от Ишуньских позиций. По пути в новый район дивизия проходила через Турецкий вал и Армянск, где два дня велись жаркие бои. Следы их были на каждом шагу: разрушенные доты и дзоты, подбитые танки с крестами, обломками орудий и пулеметов...

Юго-западнее Армянска во время привала гвардейцы смогли увидеть и потрогать захваченные у врага целенькие шестиствольные минометы. Огнем артиллерии были подбиты тягачи, которые должны были вывезти эти минометы с огневых позиций. Наступление стрелковых частей оказалось столь стремительным, что фашисты, спасаясь бегством, не успели подорвать минометы.

Марш проходил с большим воодушевлением. Гвардейцы рвались в бой, который шел уже совсем недалеко, на Ишуньских позициях. К 16 часам 11 апреля дивизия сосредоточилась в районе Карт-Казак № 1. Здесь

нас встретили походные кухни, которые на марше опередили пехоту.

Через полчаса все были накормлены и готовы к выступлению. Но с командой не спешили. Прошел еще час, прежде чем в расположении 72-го гвардейского стрелкового полка началось оживление. Командир полка майор И. В. Шепелев передал 2-й стрелковый батальон в состав подвижного отряда армии. Одновременно 1-й стрелковый батальон, полковые разведчики, саперы в составе десантного отряда под командованием начальника штаба полка майора В. И. Тимошенко выступили на юг в направлении мыса Карт-Казак с задачей форсирования Каркинитского залива.

Армейский подвижной отряд формировался под командованием заместителя командира дивизии Героя Советского Союза подполковника Л. И. Пузанова. Отряду ставилась задача — после прорыва Ишуньских укреплений противника с ходу преодолеть оборонительные рубежи на реке Чатырлык, вырваться на степные просторы Крыма и овладеть Евпаторией. Подполковник Пузанов недавно прибыл в дивизию, но уже успел завоевать доверие и уважение гвардейцев. Он был кадровым офицером, знал и любил военное дело. О его храбрости и высоком воинском мастерстве убедительно свидетельствовала звезда Героя.

Вторым стрелковым батальоном 72-го гвардейского полка, составлявшим основное ядро отряда, командовал капитан М. С. Осинцев. Заместителем командира по политической части был капитан Л. В. Пашков, парторгом — лейтенант В. А. Амиров. В состав подвижного отряда вошли саперный взвод и отделение пешей разведки 72-го полка, взвод разведчиков из дивизионной разведроты, батарея 76-миллиметровых пушек 50-го гвардейского артиллерийского полка, одна батарея 14-го истребительно-противотанкового армейского полка, 512-й отдельный танковый батальон, в составе которого были 9 танков 7-34 и 4 танка КВ-85. В последний момент подвижной отряд был усилен взводом саперов. Командовал им лейтенант Е. И. Калашник. Для транспортировки личного состава был выделен армейский автомобильный батальон.

Вой в районе Ишунн был в разгаре, но отряд уже заканчивал подготовку к своему стремительному рей-

ду по крымской земле. В ротах и батареях проходили партийные собрания. Рассматривались заявления воннов. «Прошу принять меня в партию Ленина. Хочу идти в бой коммунистом», — писали они. Собрания закончились, а к парторгам подходили и подходили гвардейцы с новыми заявлениями, написанными на клочках бумаги. Многие обращались с просьбой: «Прошу в бою считать меня коммунистом».

В ночь на 12 апреля части 126-й стрелковой дивизии, наступавшей в первом эшелоне армии, перешли вброд озеро Старое и внезапным ударом овладели первой, а затем и второй линиями Ишуньских позиций. Многие гарнизоны врага были окружены и уничтожены. Ранним утром подвижной отряд вместе с частями первого эшелона вышел на рубеж реки Чатырлык¹.

Десантный отряд 72-го гвардейского стрелкового полка еще до наступления сосредоточился на мысе Карт-Казак. С мыса через гладь Каркинитского залива хорошо просматривался противоположный южный берег — ширина залива около семи километров.

Десантники занялись рекогносцировкой местности. Они спускались с берегового обрыва, пробовали черноморскую воду рукой — «холодна!», на вкус — «ох и солона!» В район сосредоточения отряда подтягивались плавсредства: плоты, лодки, понтоны. Майор В. И. Тимошенко вместе со своим заместителем по политической части старшим лейтенантом Б. Ф. Редько осмотрели эту «флотилию» и распределили десантников по «кораблям».

Осмотр «флотилии» подходил к концу, когда поступил приказ начать форсирование. Отряд собрался на летучий митинг. Майор В. И. Тимошенко сообщил боевую задачу десанту, информировал о развитии боевых действий на Ишуньских позициях, о группировке противника, обороняющей рубежи реки Чатырлык. Выступления гвардейцев на митинге были немногословны. Пулеметчик сержант Мамедов сказал: «Поставленную задачу выполняю. С нетерпением жду, когда начну из своего пулемета косить фашистских захватчиков». Командир 45-миллиметрового орудия сержант Сирота за-

¹ «В наступлении гвардия». Воениздат, 1971, стр. 199.

верил: «Перед нами поставлена трудная, но выполнимая задача. Мы, артиллеристы, переправляемся без лошадей. Придется тащить пушки на себе. Но нас это не пугает. Мы не отстанем от пехоты и выполним боевой приказ по-гвардейски».

Первая лодка с разведчиками отчаливает от берега. За ней лодка со стрелками, пулеметчиками, автоматчиками. Погрузили свои 82-миллиметровые минометы батальонные минометчики. Грузятся на плоты 45-миллиметровые пушки. Первая попытка заканчивается неудачей. Под тяжестью пушки плот садится на дно. Выход из положения находит командир взвода лейтенант И. Близнюк. Он подает команду отвести плоты на несколько метров от берега и после этого погрузились на них пушки. Артиллеристы подхватывают пушки на руки и по пояс в холодной воде переносят их на плоты. Пример остальным подают старший сержант Бабий и сержант Сирота. Орудийные расчеты вскоре уже дружно налегают на весла. Много раз успели смениться гребцы, пока десант не подошел к вражескому берегу. Первыми высаживаются разведчики во главе со старшим сержантом Василием Горячевым и саперы. Тихо, без единого звука, где по пояс, а где и по шею в воде, переносят гвардейцы на руках пулеметы, минометы, орудия.

Разведчики обследуют район высадки и ориентируются на местности. Высадка произошла точно в заданном районе. Майор Тимошенко собирает отряд в колонну, высылает вперед разведку. Слева и справа от основных сил отряда движется боевое охранение. Кругом тихо. Артиллеристы впрягаются в лямки, минометчики взваливают на плечи тяжелые минометы, и отряд начинает форсированный марш в направлении деревни Воронцовка.

Пройден Новый Кызылбай. В трех километрах от места высадки разведчики заметили беспечно гуляющую группу гитлеровцев. Разведчики бесшумно рассредоточились по сторонам дороги и мгновенно окружили немцев. Без единого выстрела в плен были взяты пятнадцать солдат во главе с фельдфебелем, направлявшиеся на охрану побережья залива.

Все понимали, что успех действий десанта зависит от быстроты и внезапности. Майор Тимошенко дает

команду ускорить марш. Отряд движется почти бегом. Совершив пятнадцатикилометровый бросок, десантники вышли к Воронцовке.

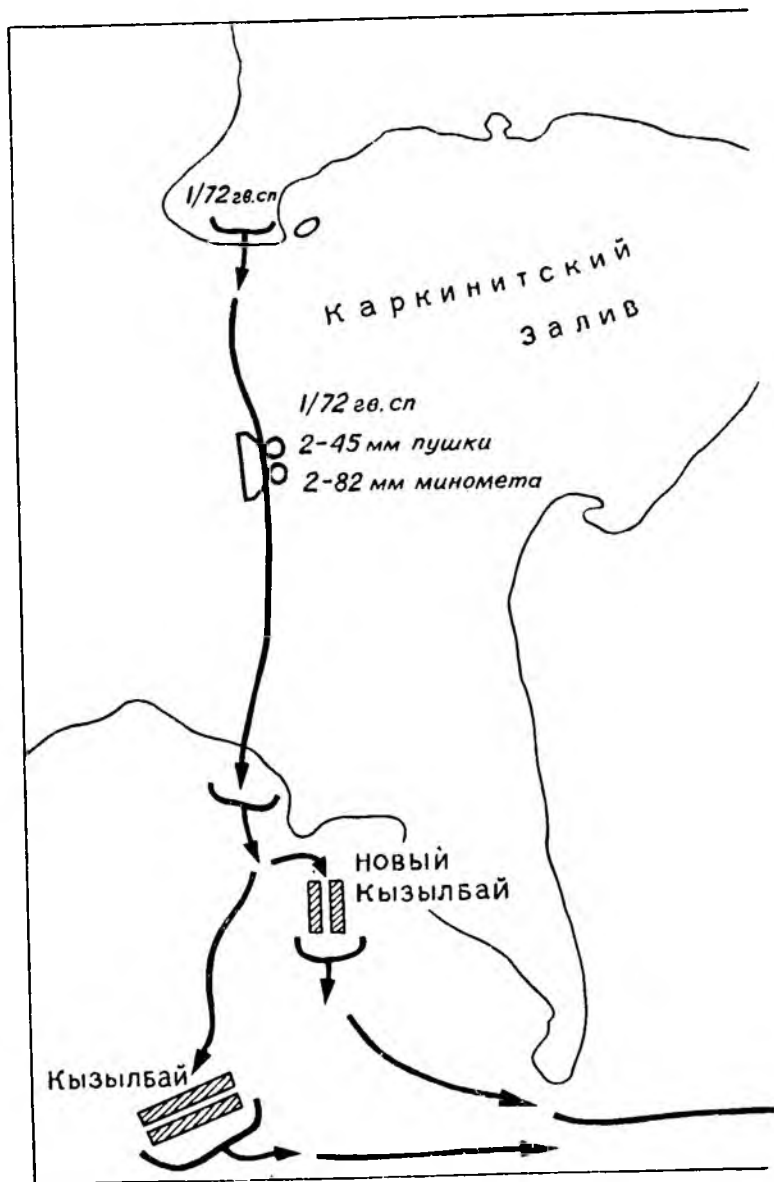
Фашисты не ожидали удара с этой стороны. Десантный отряд разворачивается в боевой порядок. Пушки — на прямой наводке. Минометчики лейтенанта М. Д. Литвиненко заняли огневые позиции в небольшой ложине. В это время на дороге появляется большая колонна автомашин противника. По ней тотчас открыли огонь 45-миллиметровые орудия. Гитлеровские солдаты в панике разбегаются по степи, но тут открывают огонь минометчики. Заработали и пулеметы. Колонна противника разгромлена. В 6 часов утра 12 апреля отряд врывается в Воронцовку. В это же время с севера к Воронцовке подошел подвижной отряд под командованием подполковника Л. И. Пузанова.

Подвижной отряд шел к реке Чатырлык по пятам отступающего противника, который успел взорвать мост и заминировать берег. Восстанавливать мост и сооружать переправу некогда. Саперы подвижного отряда начали разведку бродов и разминирование берега. По пояс в холодной воде искали брод саперы Камлев, Левин и Щебенников. Другие обезвреживали мины и делали проходы. Наконец все готово. Вброд форсируют реку танки. Закрепившись на южном берегу, танкисты перетягивают через реку автомашины с пехотой и пушки. Вскоре весь отряд собирается на южном берегу и выступает вперед.

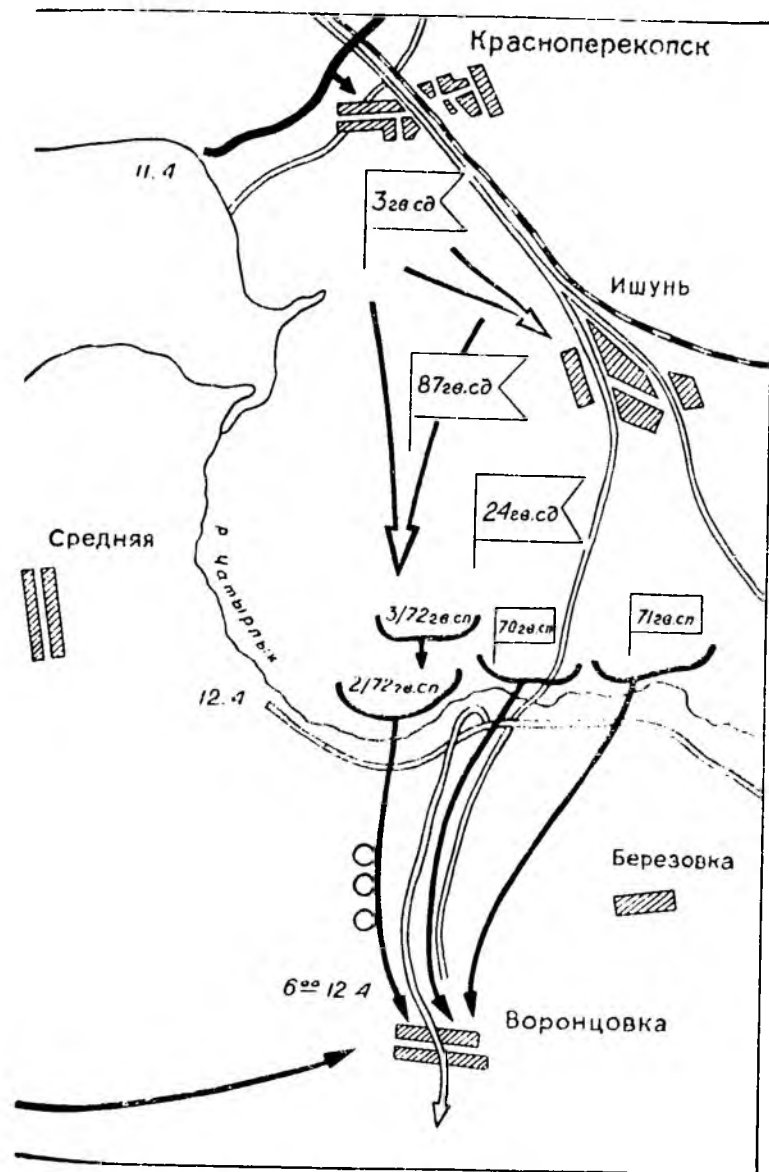
У деревни Эски-Али-Кеч опять задержка. Противник успел поставить на дороге противотанковое минное поле. Вновь впереди саперы со щупами и миноискателями. Быстро и спокойно они извлекают круглые противотанковые мины, разряжают их и складывают на обочине. Дорога в степные просторы северного Крыма, к Евпатории, которую должны освободить завтра, 13 апреля, открыта.

Вслед за подвижным отрядом подполковника Л. И. Пузанова на оперативный простор вырвались 70-й и 71-й гвардейские стрелковые полки. Майор И. В. Щепелев подготовил к форсированному маршу по Крымской земле первый и третий батальоны своего 72-го гвардейского полка.

Впереди — Евпатория, Саки, Севастополь...



Боевые действия 24-й гвардейской стрелковой дивизии



на реке Чатырлык 11—12 апреля 1944 года.

Крым встретил гвардейцев солнцем. За рекой Чатырлык подвижной отряд вытянулся в походную колонну и устремился вслед за танками на Евпаторию. Гудя натруженными моторами, за танками поспешают автомашины. Каждая автомашина нагружена до отката. Вдоль бортов готовые к бою солдаты батальона капитана М. С. Осинцева. Почти каждая машина тащит за собой дивизионную пушку.

У артиллеристов все готово к бою. Слаженные и проверенные в боях орудийные расчеты вместе со стрелками зорко следят за далеким степным горизонтом. В кузовах автомашин рядом с подносчиками и заряжающими стоят ящики с бронебойными, осколочными и фугасными снарядами. Командир батареи капитан Здоров, не жалея сил и времени, готовил своих артиллеристов к участию в маневренных, быстротечных боях, учил не бояться танков. Командиры и наводчики орудий — бывалые воины, хорошо знающие свою технику и умеющие поражать с первых выстрелов как неподвижные цели — огневые точки врага, так и подвижные — танки и бронетранспортеры. Особенно уверен командир батареи в старшине Л. Михайлишине, наводчике первого орудия.

Неутомимые труженики войны — саперы, только что обезвредившие опасное минное поле, и не думают отдыхать. Они ремонтируют щупы, проверяют миноискатели. На многокилометровом пути по Крымской земле саперам предстоит много работы.

Напряженная работа идет на подвижном командном пункте командира отряда подполковника Л. И. Пузанова. Вместе с ним заместитель по политчасти майор Л. Х. Рейнгольд. На пункт непрерывно поступает информация от танкистов. Налажена надежная связь с другими подвижными отрядами.

Стрелковые полки вышли на южный берег Чатырлыка. На острие колонны — разведчики. Полки получили маршрут на город Саки и двинулись в крымские степи левее подвижного отряда. Перед ними поставлена нелегкая задача: форсированно преследовать противника, не дать ему закрепиться на удобных рубежах, овладеть городом Саки. Темп преследования высок: за 48 часов стрелковые полки должны преодолеть с боями 95 километров. Каждому бывалому воину ясно, как

важно не отрываться от вражеских колонн, поэтому никого не нужно торопить, каждый готов сделать все для выполнения боевой задачи.

Вперед и в стороны уходят разведывательные группы, но противника не видно. 71-й гвардейский стрелковый полк идет без отстающих. Колонна 70-го гвардейского стрелкового полка движется тоже быстро. Но на одном из коротких привалов командир полка майор А. С. Дрыгин собирает на оперативное совещание командиров подразделений и настойчиво требует ускорить движение. Здесь же, в передовой группе, и помощник командира полка по тылу капитан М. С. Сафронов. Он получает особо важное указание: тыл должен немедленно выделить автомашины и повозки для стрелковых подразделений.

— Пора и тылу выходить на передний край, — говорит командир.

— Но каким образом? — недоумевает Сафронов. — Ведь нам нужно обеспечить полк боеприпасами и питанием?

— А вот как, — командир полка взял острый кусочек камня и стал рисовать на земле. — В ближайшем населенном пункте нужно оставить часть второстепенных грузов. Освободившиеся автомашины и повозки направить в голову колонны полка.

— Получится ли что-нибудь из этого? — сомневается Сафронов. — Автомашин всего шесть, повозок сможем выделить десять-двенадцать. А полк-то вон какой! Почти полного состава.

— Выделяй, Михаил Степанович, все, что можно, а уж дальше наше дело. Будем маневрировать транспортом.

Вскоре в голове полковой колонны сконцентрировались транспортные средства, но их хватило лишь для перевозки одной усиленной стрелковой роты с приданными подразделениями. Гвардейцы первой роты разместились на повозках, в кузовах автомашин. Отряд двинулся вперед и совершил бросок на 6—8 километров. Отдохнувшие солдаты продолжали марш в пешем строю, а транспорт тем временем вернулся за другой ротой и вскоре высадил ее впереди первой. Продвижение заметно ускорилось. Полк начал настигать группы противника.

С каждой группой врага завязывался бой, который завершался разгромом и пленением оставшихся в живых солдат и офицеров. Взятых в плен допрашивали начальник разведки полка старший лейтенант А. Г. Новиков и переводчик полка А. Г. Мартянова. Стало ясно, что противник отступает в полосе дивизии по двум направлениям, на Севастополь и на Евпаторию. Пленные сообщали, что их части должны дать бой на подступах к Евпатории и Сакам.

В плен сдались румынские солдаты. Затем полк достиг подразделение словаков, которое было готово сложить оружие. Но представители полка предложили словакам оставить оружие при себе и принять под охрану пленных фашистских солдат и офицеров, которых уже набралось около сотни. Выполнив первую задачу по охране и конвоированию пленных, словаки через несколько дней направились в чехословацкие соединения, успешно сражавшиеся против фашистских захватчиков.

В некоторых селах гвардейцев 70-го и 71-го полков встречали местные жители, вооруженные винтовками и автоматами. Оружие они добывали у отступающего противника. Бойцы этих групп помогали устанавливать порядок в освобожденных населенных пунктах, становились проводниками наших передовых частей. Все чаще встречались представители крымского подполья и партизан.

Во второй половине 12 апреля командир дивизии полковник Г. Я. Колесников неоднократно связывался с командиром 70-го гвардейского стрелкового полка майором А. С. Дрыгиным и требовал уточнить рубежи, пройденные полком. Комдив тщательно уточнял обстановку, когда Дрыгин доложил, что после форсирования реки Чатырлык полк прошел шестьдесят километров.

Не прошло и часа после доклада, как колонну полка догнали несколько легковых автомашин. В первой машине Дрыгин узнал командующего армией генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова и направился к нему. Командующий выслушал доклад и склонился над картой, чтобы уточнить обстановку. Подняв голову, он заметил впереди небольшую колонну автомашин, быстро удалявшуюся на юг.

— Это противник? — сердито спросил командующий. — Почему вы даете возможность ему спокойно уходить от вас? Немедленно разверните артиллерию и задержите его!

— Это не противник, товарищ командующий, — спокойно ответил командир полка. — Это наш полковой подвижной отряд в составе одной стрелковой роты.

— Доложите подробнее!

Выслушав доклад до конца, Г. Ф. Захаров приказал остановить полк. И обратился к гвардейцам с краткой речью. Он сказал, что Военный Совет армии одобряет инициативные действия командира и всего личного состава полка и объявляет полку благодарность.

...Подвижной отряд подполковника Л. И. Пузанова весь день вел бой. Первые населенные пункты в Крыму отряд брал с ходу. Танки утюжили огнем арьбергартные заслоны противника, давили орудия и минометы. Пехотинцы вели огонь прямо с автомашин. Не обращая внимания на разрозненные группы фашистских солдат, остававшихся в тылу, отряд рвался вперед. Несколько раз он настигал колонны противника. Следовала стремительная атака. На дороге оставались разбитые автомашины, повозки, орудия и минометы, груды трупов в серо-зеленых шинелях.

В ночь с 12 на 13 апреля движение отряда замедлилось. То и дело приходилось вступать в бой. До Евпатории оставалось меньше двадцати километров.

Отряду помогали местные жители. Несколько добровольцев, хорошо знавших местность, уверенно направляли танки мимо разрушенных переправ, показывали кратчайшие пути в обход населенных пунктов, занятых гитлеровцами. Подвижной отряд почти не имел потерь. Но ночью, выбив колонну противника из небольшой деревни, отряд неожиданно попал на минное поле. Подорвались два головных танка. Вперед опять пошли саперы. Через полчаса лейтенант Калашник доложил, что путь свободен.

Отряд приближался к Евпатории. Повеяло свежестью Черного моря. Ночь была на исходе, когда отряд настиг противника. Гитлеровские солдаты сдавались в плен без боя, бросив большой обоз и боевую технику.

Рассвет застал отряд на подступах к городу. Вперед ушли разведчики и саперы. Пехотинцы батальона ка-

питана Осинцева расположились в ложине. Танки и орудия были развернуты фронтом. Через час вернулись разведчики. Они доложили, что гитлеровцы ведут себя спокойно. Вместе с разведчиками пришли несколько человек в гражданской одежде—подпольщики из Евпатории. Возглавлял их молодой черноволосый человек среднего роста. Он представился подполковнику Л. И. Пузанову почти по-военному:

— Павлов, бывший комсомольский работник, а ныне, по заданию обкома Коммунистической партии, руководитель подпольной группы в Евпатории.

Он крепко пожал руку командира отряда и уже совсем по-граждански добавил:

— Как мы вас ждем, и все приготовили для встречи!

— Доложите подробнее о противнике, — попросил Пузанов.

— В городе сосредоточено до двадцати танков и самоходных орудий, около тридцати артиллерийских орудий, несколько батальонов пехоты.

— Какие укрепленные позиции созданы на подступах к городу и в городе?

— На окраинах мы видели отдельные огневые точки. На некоторых улицах сооружены доты, подготовлены в качестве опорных пунктов наиболее крупные здания, — дополняя друг друга, рассказывали разведчики.

— Вечером гитлеровцы начали концентрировать живую силу и технику в районе порта и около вокзала. Ночью в город вступили разрозненные группы противника, бежавшие с Перекопа, — закончил Павлов.

— Что-нибудь известно о намерениях фашистов? — поинтересовался, разглядывая карту, Л. И. Пузанов.

— Наши разведчики установили, что гитлеровцы ожидают прихода транспорта и намереваются удержать город и порт до завершения погрузки войск и техники на суда, — сообщил один из подпольщиков.

— Теперь многое проясняется, — задумчиво сказал командир отряда. — Давайте согласовывать свои действия. Штурм города начнем в семь. В нашем распоряжении еще около часа.

Быстро был выработан общий план действий, установлены условные сигналы и распределены боевые обязанности. Подпольщики выделили группу своих раз-

ведчиков в качестве проводников. Подразделения отряда начали охватывать Евпаторию с востока и севера. Чтобы не выпустить противника на Саки, в районе восточной окраины был создан артиллерийский заслон.

В семь утра отряд подошел к крайним домам Евпатории. В это же время сюда прибыл и подвижной отряд 3-й стрелковой дивизии под командованием полковника Г. Г. Сайфулина, и с боем ворвался на улицы города. Это послужило сигналом для подпольщиков. Они взяли под обстрел фашистскую комендатуру и основные узлы сопротивления гитлеровцев. Вскоре танки и автомашины отрядов прорвались к центру города. В это время боевые группы подпольщиков открыли огонь с чердаков и из окон подвалов вдоль центральной улицы. Связные подпольщиков вскакивали на броню танков, на головные автомашины отрядов и показывали дорогу в порт и к вокзалу. Неожиданно в центре города раздался колокольный звон. Это подпольщики оповещали город о приходе Красной Армии. Вслед за подвижными отрядами к городу подошли другие соединения армии.

Подвижные отряды подполковника Пузанова и полковника Сайфулина освобождали от гитлеровцев квартал за кварталом, улицу за улицей. Гвардейцы стремительно продвигались вперед, не давая врагу занять укрепления, подготовленные для боев в городе.

Командир взвода старшина Р. Ибрагимов с рядовым П. Носальским выдвинулись вперед для разведки. На одной из улиц они увидели немецкую грузовую машину. Шофер возился с мотором. Офицер кричал на шофера. Два фашиста сидели в кузове. Гитлеровцы не ожидали появления гвардейцев. Разведчики метнули гранаты. Офицер и шофер были убиты. Двое оставшихся в живых подняли руки. Доставив пленных в распоряжение отряда, старшина Ибрагимов повел взвод вперед.

На подступах к железнодорожному вокзалу взвод при поддержке артиллеристов и пулеметчиков вступил в бой с фашистским батальоном. Пулеметный расчет сержанта Владимира Опарина уничтожил двенадцать солдат и офицеров противника. Огнем пулемета пехота противника была отсечена от двух бронемашин, а бронемашины захвачены. Сержант А. Смирнов со своим отделением захватил в плен восемнадцать фашистов.

Вскоре пулеметчики при поддержке стрелкового взвода лейтенанта А. Д. Абрамчука окружили в одном из зданий большую группу гитлеровцев. Видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, сложили оружие и сдались в плен 70 солдат и 3 офицера противника.

На морской вокзал и порт наступал стрелковый взвод лейтенанта М. И. Кулькова и пулеметный взвод младшего лейтенанта Г. С. Волошина. Их поддерживали два танка и два противотанковых орудия. Группа подвижного отряда под командованием лейтенанта Кулькова должна была овладеть почтой, телеграфом и морским вокзалом. Выполняя боевую задачу, гвардейцы устремились к центральной площади, уничтожив по пути несколько групп противника, пытавшихся удержать подготовленные к обороне здания.

Фашисты заминировали и подготовили к взрыву здание театра имени Пушкина, хлебопекарню, морской вокзал, почту, телеграф и другие здания. Стремительная атака группы лейтенанта М. И. Кулькова сорвала замыслы врага. Фашистские подрывники и поджигатели были пленены.

На одной из улиц дороги подвижной группе преградила вражеская противотанковая пушка. Подавить орудие вызвался рядовой В. Мусанов. Он попластунски подобрался к ней и уничтожил противотанковой гранатой. Но тут появился фашистский танк. У Мусанова остался только автомат, однако гвардеец вступил в неравное единоборство. Первую очередь он дал по открытому люку и сразил механика-водителя. Танк остановился, Мусанов перенес огонь на смотровые щели. Силы были явно неравными. Гвардеец героически погиб в этой схватке, но и танк не ушел от наших артиллеристов.

В боях за Евпаторию артиллеристы подвижного отряда надежно прикрывали пехоту. На окраине города старшина Л. Михайлишин выкатил орудие на прямую наводку и открыл огонь по колонне фашистских танков и самоходок. Командовал капитан Здоров, за наводчика встал Михайлишин. Метким выстрелом Михайлишин подбил самоходное орудие. Остальные танки и самоходные орудия врага ушли из-под огня, свернув на одну из улиц окраины. Но в этот момент в тылу появи-

лась новая колонна, насчитывающая пятнадцать немецких танков. Артиллеристы развернули орудие, Михайлишин снова принял к прицелу. Прогремел выстрел, танк вспыхнул. Опять выстрелил — запылал второй танк.

В быстротечных боях на улицах Евпатории впереди, как всегда, были коммунисты. Заместитель командира батальона по политической части капитан Л. В. Пашков появлялся там, где было особенно трудно. Громкий призыв замполита: «Гвардейцы, за мной, вперед!» — поднимал солдат. Капитан Пашков умел вести огонь короткими очередями, действовал осмотрительно, метко бросал гранаты. За ним шли, с него брали пример. Парторг батальона лейтенант В. А. Амиров находился в другой группе подвижного отряда, подбадривал гвардейцев, разя из автомата гитлеровцев.

Парторг стрелковой роты рядовой Василий Титов на открытом партийном собрании, которое проходило на пути к Евпатории, говорил: «Я без пощады буду бить гитлеровцев. Гвардейцы нашей дивизии громили фашистских захватчиков под Сталинградом, гнали их до Днепра. Враг будет разгромлен и в Крыму». В боях за Евпаторию парторг уничтожил шестнадцать гитлеровцев. Вместе со своими боевыми товарищами В. Титов взял в плен пятнадцать солдат противника.

Отважно сражался на улицах Евпатории парторг стрелковой роты ефрейтор Василий Жуйков. Он застрелил четырех гитлеровцев и взял в плен десять солдат. Жуйков был ранен, но не ушел с поля боя до тех пор, пока отряд не выполнил боевую задачу.

Жаркий бой за освобождение Евпатории продолжался около двух часов. Едва утихла перестрелка, как жители города стали собираться на одной из центральных площадей. Со слезами на глазах советские люди, освобожденные из фашистской неволи, рассказывали гвардейцам о зверствах гитлеровцев, о массовых расстрелах пленных воинов Красной Армии, женщин, детей, стариков, об угоне юношей и девушек на каторжные работы в фашистскую Германию. Жители Евпатории призывали гвардейцев в кратчайший срок изгнать гитлеровцев с родной земли и отомстить им за все злодеяния.

Майор Л. Х. Рейнгольд, капитан Л. В. Пашков, лейтенант В. А. Амиров провели митинг. Жители города

преподнесли подполковнику Л. И. Пузанову хлеб-соль. Политработники рассказали об успехах Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, о приближении часа полного освобождения советской земли от гитлеровской оккупации. Воины подвижного отряда коммунисты и комсомольцы роздали евпаторийцам свежие газеты, журналы, листовки. На стенах домов появились плакаты с текстом нового Гимна Советского Союза.

Но гвардию ждали новые бои. Раздается команда: «По машинам!» И отряд, тепло напутствуемый евпаторийцами, выступает на Саки.

От Евпатории до Саки около двадцати километров, и солдаты могли рассчитывать на целый час отдыха, сидя в кузовах машин. Только командиры и разведчики несли свою вахту, внимательно осматривая зеленую крымскую степь и унылую гладь соленого озера Сасык. У деревни Владимировка отряд встретил противника и вступил в бой. Противник не выдержал и отступил.

К окраине города Саки с севера подошли батальоны 70-го гвардейского стрелкового полка. После многочасового марша, сопровождающегося ожесточенными стычками с отступающим противником, полк вступил в бой с сильной группировкой гитлеровцев. Выход 70-го полка в район Саки ставил под угрозу единственный путь отступления группировки противника, выбитой из Евпатории. Поэтому вражеское командование решило упорно оборонять Саки.

Походная колонна 70-го гвардейского полка находилась еще в десяти километрах от города, когда вперед ушли разведчики во главе со старшим лейтенантом А. Г. Новиковым. В составе группы был и Константин Висовин. Моряк все время рвался к Черному морю, к Севастополю. Разведчики достигнув железнодорожной линии Симферополь—Евпатория, столкнулись с противником. Фашисты спешно разворачивали свои потрепанные подразделения вдоль железнодорожного полотна.

Данные разведки прояснили намерения противника и подсказали командиру полка единственно правильное решение: без задержки нанести удар по северной окраине города во фланг группировке, отступающей из Ев-

патории. Майор А. С. Дрыгин поставил задачи перед батальоном, минометными и артиллерийскими подразделениями. Особое внимание начальника артиллерии командир полка обратил на дамбу, по которой проходила дорога через озеро на Севастополь. Противник, отступая, вынужден был выводить свои части главным образом по этой дамбе. Артиллеристы и минометчики должны своим огнем отрезать им путь. Через несколько минут капитан А. О. Гуссар уже ставил боевую задачу артиллеристам и минометчикам.

Подразделения 70-го полка перешли железнодорожную линию. Противник не ожидал удара с севера. Стрелковые роты гвардейцев сбивают фашистов с рубежа. Бой переместился на улицы Саки. Теперь успех схватки за каждую улицу, квартал решали действия подвижных групп. Наладилось непосредственное взаимодействие с подвижным отрядом, который на плечах противника входил в Саки со стороны Евпатории.

В боях за Саки гвардейцы показали примеры массового героизма. Так на одной из улиц на отделение коммуниста старшего сержанта Н. Иванова пошло в контратаку более взвода гитлеровцев. Бойцы встретили их огнем из автоматов и винтовок, забросали гранатами.

Беспощадно громили врага отделение старшего сержанта М. Каныгина и стрелковый взвод лейтенанта В. Нагорнова. Сержант С. Ванюшин в самый разгар боя обнаружил, что у него кончились патроны. А в это время на него напали восемь фашистов. Ванюшин взялся за гранату, действовал штыком и прикладом. Восемь фашистов были уничтожены. После боя он сказал товарищам: «У меня с фашистами личный счет. Они угнали мою дочь на каторгу в Германию».

Наступали сумерки, а в Саках еще гремел бой. С ходу врывались в город подразделения 71-го гвардейского стрелкового полка. Центр боя смещался к югу. Враг спешно откатывался в сторону Севастополя. Отступление гитлеровцы прикрывали огнем, подрывали склады, боевую технику. Но по пятам за врагом шли саперы. Они бесстрашно снимали мины, обезвреживали фугасы. Особенно отличились коммунисты Комлев и Гармашев. Были спасены от взрыва мосты, дамба, большой склад с горючим.

Когда стих бой, по радио был принят приказ Верховного Главнокомандующего, в котором дивизии и другим частям 4-го Украинского фронта объявлялась благодарность за освобождение Евпатории и о присвоении 24-й дивизии почетного наименования Евпаторийской.

В 21 час 13 апреля столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, освободившим Евпаторию, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. Прогремел и в Саки фронтовой салют из винтовок и автоматов.

Известие о присвоении дивизии наименования Евпаторийской было встречено с высоким подъемом. На центральной площади Саки состоялся митинг. Выступления были краткими, по-военному точными. Старший сержант Н. Иванов сказал всего несколько слов: «Мы всегда будем действовать по-гвардейски. Никакой враг не устоит перед натиском гвардейцев-евпаторийцев».

Стрелковым полкам было приказано на время остановиться в районе Саки, а подвижному отряду продолжать преследование противника с выходом на Бахчисарай и Севастополь.

Отряд пополнил запасы горючего, боеприпасов и продовольствия. Темной южной ночью колонна подвижного отряда двинулись на юг.

На рассвете 14 апреля отряд настиг колонну гитлеровцев у села Кантуваны. В колонне шли шестнадцать танков и самоходных орудий, более полусотни автомашин, много повозок. Фашисты приняли подвижной отряд гвардейцев за свою часть. Отряд вплотную подошел к колонне противника. Артиллеристы открыли внезапный огонь. В атаку устремились танки и пехота.

Четко действовали в этом бою орудийные расчеты. Почти в упор били по танкам, самоходным орудиям и автомашинам. Ближе других к колонне врага было возвращено орудие старшины Л. Михайлишина. Первым же выстрелом он поджег вражеский танк. Пламя осветило колонну. Расчет подбил три самоходных пушки, которые пытались смять головную походную заставу отряда. Самоходки подошли вплотную к огневой позиции Михайлишина, но огня не открывали. Только после окончания боя артиллеристы узнали, что фашист-

ские танки и самоходки были без снарядов и могли угрожать лишь гусеницами и пулеметным огнем.

Метко било по фашистской колонне 45-миллиметровое орудие старшего сержанта Осенчева. Осенчев подбил танк и несколько автомашин.

Бой длился считанные минуты. Фашистская колонна была разгромлена. Саперы отделения коммуниста сержанта Комлева в этом бою уничтожили около пятнадцати гитлеровцев и захватили исправное орудие. На счету отделения коммуниста старшего сержанта Гармашева оказалось восемнадцать фашистов и ручной пулемет.

В составе отряда было санитарное подразделение. Возглавлял его капитан медицинской службы Вартамян. Санинструкторы под огнем оказывали помощь раненым, выносили их с поля боя. В трудную минуту они брались за оружие и действовали вместе с автоматчиками и пулеметчиками. Санинструктор Н. Дергачев в одном бою вынес под минометным и пулеметным огнем четырех раненых бойцов. В другом бою, когда санинструктор оказывал помощь раненым, его стали обходить несколько фашистов. Дергачев залег в ямке и стал отстреливаться из винтовки. Патроны кончились. Гитлеровцы подошли совсем близко. Тогда боец сбросил шинель и ринулся на врагов, действуя штыком и прикладом. Санинструктор А. Сетенко под огнем противника вынес с поля боя десять раненых бойцов.

В напряженной обстановке, во время быстротечных маневренных боев в отряде проводилась непрерывная партийно-политическая работа. Перед каждым боем к парторгам рот поступали заявления воинов отряда о желании гвардейца идти в бой коммунистами.

Сержант Иван Французов в своем заявлении писал: «Прошу принять меня в ряды партии Ленина. Клянусь, с честью оправдаю доверие партии коммунистов и буду громить врага до последнего дыхания».

За пять дней боевых действий отряда было принято в члены и кандидаты Коммунистической партии 24 человека.

Продолжая стремительное наступление, отряд к исходу дня 14 апреля вышел в район Бахчисарая и соединился с частями 51-й армии. Отсюда следовало наступ-

пать на Севастополь через Бельбек и Мекензиевы горы. К 8 часам 15 апреля отряд севернее долины реки Бельбек достиг высоты 120,9 и встретил здесь сильное сопротивление противника, занявшего подготовленный заранее мощный оборонительный рубеж. На следующий день 16 апреля в районе Бельбека подошли главные силы 2-й гвардейской армии. Поэтому подвижной отряд был отведен с переднего края и по приказу командующего армией расформирован.

За время боев на пути от реки Чатырлык до района Севастополя подвижной отряд уничтожил до 1500 гитлеровцев, 19 танков и самоходных установок, 21 артиллерийское орудие, 52 автомашины, 57 пулеметов и много другой военной техники врага. В плен было взято более 3000 солдат и офицеров противника. Отряд захватил большие трофеи: транспортный самолет «Ю-52», 46 автомашин, 28 орудий, 200 автоматов, 1500 винтовок, более 425 вагонов и цистерн, несколько складов с горючим.

Отряд освободил около 50 населенных пунктов, сыграв важную роль в освобождении Евпатории.

В середине апреля 24-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 13-го гвардейского стрелкового корпуса была выведена в резерв армии и начала готовиться к штурму Севастополя.



ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Впереди новые бои. — Бельбекские кручи. — Десант отважных. — Севастополь освобожден.

Подготовка к новым боям на крымской земле велась и днем, и ночью. Прибывало пополнение. Восполнялись потери в боевой технике, подвозились боеприпасы. Службы вещевого снабжения перодевали воинов в летнее обмундирование. Во всех батальонах были созданы штурмовые группы, которые учились в условиях, максимально приближенных к боевым прорывать оборону противника, преодолевать водный рубеж. Севастополь прикрывала широкая водная преграда — Северная бухта. Занятия проводились на Сакском озере с применением подручных средств, и, естественно, кое-кому приходилось принимать «ванну» в холодноватой воде. Солдаты, сумевшие избежать непредвиденного купания, обычно утешали неудачника, выжимавшего свою одежду:

— Ничего, это полезно, теперь у тебя до ста лет ревматизма не будет: вода-то в озере целебная.

С утра и до позднего вечера в подразделениях, среди солдат находились политработники. Вот и сегодня вместе с воинами второго батальона в поле занимается агитатор полка старший лейтенант Б. Ф. Редько. Только что закончился учебный штурм опорного пункта противника. Командир батальона капитан М. С. Осинцев дает отбой. Солдаты собираются вокруг Бориса Федотовича и внимательно слушают его рассказ о Севасто-

поле. Б. Ф. Редько рассказывает о героизме русских солдат и матросов, отстоявших Севастополь во время Крымской войны. Волнуясь, говорит о героизме советских воинов, защищавших двести пятьдесят дней и ночей Севастополь от численно превосходящих гитлеровских войск.

— Мы должны быть достойны славы защитников Севастополя, но у нас другая задача — быстрым и решительным штурмом прорвать оборону противника и освободить город русской славы.

Но не только боевой учебой были заполнены весенние дни. Части дивизии помогали только что созданному городскому Совету восстанавливать в Саки нормальную жизнь.

С первыми лучами солнца оживал освобожденный город. В центр, где уже работали городской комитет партии, горсовет и другие местные организации, сходились горожане. Быстро формировались рабочие бригады, которые разбирали завалы, ремонтировали помещения уцелевших магазинов, восстанавливали городскую электрическую связь. Саперы, эти великие труженики, разминировали город.

Недалеко от окраин Саки находился немой свидетель злодеяний гитлеровцев — концентрационный лагерь для советских военнопленных, окруженный густым и высоким забором из колючей проволоки. «Ключка» была заплетена в густую сеть с такими мелкими ячейками, что через нее могла проскочить разве только мышь. Здесь погибло много советских воинов, которые попали в плен, будучи ранеными.

Лишь немногим удалось вырваться из этого страшного лагеря.

22 апреля поступил приказ: выступать на юг, к Севастополю.

Полки один за другим покинули район Саки.

Дорога к Севастополю проходила то степью, то сбегала в долины небольших речек. Степь покрылась свежей зеленой травой.

Марш был непродолжительным. К концу второго дня сконцентрировались в долине реки Кача, неподалеку от деревни Арпачин. Фронт проходил всего в десяти километрах. В ночном небе были хорошо видны вспышки ракет, которыми гитлеровцы освещали свой

передний край. Всю ночь наша артиллерия вела огонь по укреплениям врага, и шли один за другим на Севастополь советские бомбардировщики.

Едва полки прибыли в долину Кача командир дивизии полковник Г. Я. Колесников собрал совещание командиров частей. Здесь были доложены обстановка в полосе наступления дивизии и сведения о противнике. Дивизия должна была наступать на направлении главного удара 2-й гвардейской армии. Перед частями дивизии была поставлена задача прорвать мощный оборонительный рубеж противника на высотах за рекой Бельбек, овладеть станцией Мекензиевы горы и выйти на берег Северной бухты. В первом эшелоне должны наступать 70-й и 71-й полки, во втором эшелоне — 72-й стрелковый полк.

Севастопольский укрепленный район обороняла 17-я армия противника под командованием генерал-лейтенанта Еннеке. В ее состав входили немецкие и румынские дивизии, а также большое количество отдельных частей, батальонов и других подразделений, спешно сформированных в последние дни.

Оборонительный рубеж противника в полосе наступления армии начинался у берега Черного моря к северу от деревни Любимовка. Здесь у гитлеровцев был плацдарм на северном берегу реки Бельбек шириной по фронту до трех с половиной километров. Этот плацдарм выдвигался в направлении Качи. Далее окопы противника проходили в восьмистах метрах юго-западнее деревни Бельбек.

На этом участке оборону занимали две пехотные дивизии гитлеровцев, 58-й запасной батальон, 990-й штрафной батальон, пять батальонов 2-й горнострелковой дивизии румын, пять батальонов морской пехоты и другие части, не имевшие номеров и называвшиеся по фамилиям их командиров.

Гитлер приказал 17-й армии оборонять Севастополь до последнего солдата. По воздуху и на транспортных судах противник перебрасывал для пополнения гарнизона живую силу и технику. Перевозки по воздуху успешно пресекали наши летчики. Против морских транспортов действовали надводные и подводные корабли

Черноморского флота. Поэтому значительная часть гитлеровских подкреплений в Севастополь не попала.

До подхода дивизий 13-го гвардейского стрелкового корпуса тяжелые и кровопролитные бои с противником двенадцать дней вели соединения 54-го и 55-го стрелковых корпусов. Артиллерия вела интенсивный огонь по разведанным огневым точкам и укреплениям фашистов. Было уничтожено более тридцати дотов, около семидесяти дзотов (точнее, это были огневые точки из камня, железобетонных конструкций с земляным покрытием). Артиллеристы разрушили около пятидесяти блиндажей фашистов.

24-я гвардейская дивизия сменила на правом фланге одну из дивизий 55-го стрелкового корпуса. В дальнейшем предстояло прорвать бельбекский рубеж, овладеть станцией Мекензиевы горы и выйти на берег Северной бухты.

Командиры стрелковых полков майоры А. С. Дрыгин, Т. И. Степанов, И. В. Шепелев с офицерами штабов и командирами батальонов изучили в направлении наступления каждую складку местности, каждый окопчик и траншею, уточнили расположение огневых точек противника и нанесли их на свои крупномасштабные карты. В первом эшелоне исходные позиции для наступления заняли 70-й и 71-й стрелковые полки. Главное направление удара через бельбекские позиции врага на Мекензиевы горы находилось на правом фланге. Здесь должен был приготовиться к наступлению полк майора А. С. Дрыгина. 71-му гвардейскому стрелковому полку майора Т. И. Степанова предстояло наступать левее. Полк майора И. В. Шепелева должен был наступать во втором эшелоне.

С наступлением темноты стрелковые батальоны выдвинулись на отведенные рубежи. Батальон первого эшелона 70-го полка вывел вперед помощник начальника штаба полка по разведке капитан А. Г. Новиков. Действовал он спокойно, хладнокровно, веселой шуткой подбадривал необстрелянных солдат.

На участке 71-го гвардейского полка в первый эшелон выдвигался первый батальон. Назначенный рубеж и здесь пришлось занимать под сильным огнем, при вспышках осветительных ракет. Вместе с бойцами в пе-

редней траншее был заместитель командира батальона по политчасти капитан А. А. Киселев. На самые ответственные и трудные участки Арсений Андреевич поставил бывалых воинов, с которыми ему довелось воевать на Миусе, Молочной, Кинбурнской косе. Капитан Киселев подходил к солдатам, вместе с ними просматривал крутые склоны высот.

— Долго ли сидеть нам здесь, под горой?

— Теперь уже недолго, — отвечал Киселев. — Артиллерия и минометы расчистят путь и пойдем вперед. Совсем рядом, за Бельбеком — Мекензиевы горы, а там и весь Севастополь на виду...

Перед рассветом по мелкой и тесной траншее, с трудом огибая выступы камней, прошел командир полка майор Т. И. Степанов. Он распорядился о постройке нескольких более надежных укрытий и показал начальнику артиллерии капитану К. И. Шпилову, где разместить артиллерийских наблюдателей.

Подразделения 72-го гвардейского стрелкового полка занимали свой рубеж во втором эшелоне также под огнем противника. Здесь было немного спокойнее, все-таки впереди, за долиной, были свои — гвардейцы 70-го и 71-го полков.

Много дела было у артиллеристов 50-го гвардейского артиллерийского полка и 26 гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Прежде чем занять позиции, артиллеристам пришлось ломами, кирками и лопатами выдалбливать площадки и укрытия для орудий, щели для расчетов, ровики для ящиков со снарядами.

...Вот рядом с чахлыми кустиками вгрызаются в жесткую крымскую землю артиллеристы взвода лейтенанта И. И. Балицкого. Работают тихо, малейший шум может выдать их противнику.

Уставшие за ночь расчеты погрузились в чуткую дремоту. Но как только брызнули первые лучи солнца, по рубежу гитлеровцев открыла плотный огонь тяжелая артиллерия. В ответ ударили батареи врага из района станции Мекензиевы горы. Снаряды начали рваться неподалеку от замаскированных огневых позиций противотанковых батарей. Из-за ближайшего гребня высот, с севера, загрохотали гаубичные батареи, из соседней ложинки часто, наперегонки заговорили баталь-

онные минометы. Короткий солдатский сон сняло как рукой. Начинался очередной день битвы.

Как всегда, много дел у заместителя командира дивизиона по политчасти майора Александра Степанишина. Кадровый артиллерист, он всегда подтянут, чисто выбрит, к воротнику гимнастерки неизменно подшит чистый подворотничок. Замполит переходил от одного орудия к другому, подбадривая бойцов. Артиллеристы уважали и любили его, советуясь по самым сокровенным вопросам. Многие воины подавали в тот день заявления о приеме в партию, некоторые спрашивали, как им быть: не у всех есть рекомендации, а бой вот-вот начнется.

Замполит внимательно читал короткие, идущие от самого сердца строки: «Прошу принять меня в ряды партии Ленина, партии большевиков. В бой за город русской боевой славы — Севастополь хочу идти коммунистом». Прочитав заявление, А. Степанишин беседовал с солдатом и советовал подать заявление парторгу. Если не удалось получить все рекомендации, это можно будет сделать после боя. Многих солдат замполит хорошо знал по прошлым боям и тут же, у орудия, сам писал рекомендации.

На войне солдат быстро осваивается с новой обстановкой. Так было и здесь. За день солдаты переднего края успели изучить повадки противника, уточнили, какие пулеметы противника ведут особенно плотный огонь и где у них есть мертвые, непростреливаемые зоны. Серьезно беспечно бойцов огонь фашистских снайперов.

Из железобетонных блиндажей вели постоянное наблюдение немецкие артиллерийские корректировщики. Находясь на высотах, они хорошо просматривали наше расположение. Поэтому их батареи немедленно открывали огонь по обнаруженным огневым точкам и отдельным группам наших бойцов. Чувствовалось, что гитлеровцы в ожидании нашего наступления были настороже.

Засветло к переднему краю выдвинулась большая группа бойцов из дивизионной разведроты. Ею командовал скромный и храбрый Тихон Сергеевич Изотов, которого попросту называли Тиша. Перевалив через гребень, группа спустилась в долину. Это не осталось неза-

меченным, фашистские орудия и минометы открыли беглый огонь. Разведчики укрылись в траншее, сбегавшей к реке, а затем прыгнули в окопы минометчиков.

Посоветовавшись, разведчики пошли дальше. Кажется, подходящее место найдено. По ровной лужайке из окопов перебегают один за другим несколько связанных. Но когда до обрыва осталось метров пятнадцать, последнего связного настигла пуля фашистского снайпера. Солдат попытался закрыть рану в затылке рукой, пробежал еще несколько метров и свалился замертво. Разведчики один за другим начали перебегать опасное место. На этот раз к огню снайперов добавился обстрел минометов. Но все успели преодолеть простреливаемое пространство и свалились к стрелкам в спасительную траншею.

Теперь разведчикам пришлось двигаться по траншее в обратном направлении, вниз по течению реки, чтобы попасть в расположение 70-го стрелкового полка. Здесь уже вторые сутки находился командир роты старший лейтенант Т. К. Бекузаров. Обычно веселый, Татаркан Казгиреевич был молчалив и сосредоточен. Он хорошо понимал, насколько трудна задача разведчиков: захватить языка. Т. С. Изотов здесь же, в траншее, проверил свою группу. Разведчики по цепочке вполголоса передали свои фамилии — Жердицкий, Копылов, Филотовский, Краснов, Осипов, Гладырев, Гончаров, Исайкин, Столяренко, Балакина.

Наступил вечер. Долина и склоны бельбекских высот погрузились в темноту. Стало сыро и прохладно. Сначала поползли, растворившись в темноте, два сапера с миноискателем и щупами. Вскоре один вернулся.

— Миноискатель не поможет, — сказал он. — В земле столько металла, осколков мин и снарядов, что в наушниках стоит сплошной шум. Придется работать щупами.

Через минуту он уполз к своему товарищу, который работал где-то на склоне высоты. Время тянулось томительно. Разведчики поправляли свои маскировочные костюмы, проверяли автоматы, ножи, гранаты. Наконец перед траншеей негромко зашуршали камешки и чуть ли не на головы разведчиков свалились саперы.

— Впереди мин нет. У фашистов спокойно, похоже, что ужинают, — доложили они.

Разведчики один за другим перевалились через бруствер. Вскоре группа добралась до полуразрушенных окопов — в 1941—1942 годах здесь проходила оборона наших войск. Короткий отдых, осмотр местности и — вперед.

Небо затянуло тучами. Намеченная для захвата «языка» огневая точка молчала, лишь справа изредка вел огонь трассирующими пулями пулемет противника. Иногда взмывали осветительные ракеты. Разведчики ползли совсем тихо, команды друг другу передавались перебрасыванием комочка земли или небольшого камушка. Когда до вершины горы оставались считанные метры, гитлеровцы обнаружили группу. Сверху полетели ручные гранаты. Разведгруппе пришлось отойти в траншею старой обороны.

После короткой передышки разведчики снова поползли, чтобы взять «языка», на этот раз из траншеи, спускающейся к шоссе. Ползли, обдирая руки, и снова — неудача. Приближался рассвет и разведчикам пришлось вернуться.

В эту же ночь на правом фланге 70-го гвардейского стрелкового полка действовала другая группа разведчиков. Группу вел Константин Висовин. Всей душой он рвался к родному Севастополю, готов был преодолеть любые препятствия. Костя знал, что стоит взобраться на бельбекские кручи, а там совсем близко Мекензиевы горы и северная сторона Севастополя. Он полз вверх по склону, не останавливаясь, товарищи едва поспевали за ним.

Вскоре группа почти вплотную приблизилась к фашистской железобетонной огневой точке. В самый последний момент они попали под перекрестный пулеметный огонь и вынуждены были вернуться, чтобы вынести раненых. Висовин особенно остро переживал неудачу ночного поиска, он даже застегнул ворот гимнастерки, закрыв полосы своей тельняшки. Товарищи понимали его состояние и пытались по-солдатски утешить:

— Не унывай, Костя, ведь сегодня ты был совсем близко от Севастополя. Пойдем завтра в поиск — ближе подойдем к морю.

— Бельбек и даже Мекензиевы горы — это еще не Севастополь, — отвечал Висовин. — Когда будем на-

ступать, сначала придем на Северную сторону города. Потом сразу за бухтой будет Графская пристань, а Большая Морская — это уже центр Севастополя. Эх, ребята, разве про Севастополь расскажешь? Севастополь нужно увидеть. Только увидим мы не тот город, а камни и развалины...

Когда первые лучи солнца осветили бельбекский рубеж, началась напряженная работа на многочисленных наблюдательных пунктах минометчиков и артиллеристов, на пунктах командиров батальонов и полков. Вести наблюдение лучше было с утра, когда солнце за спиной и слепило фашистов. К полудню условия менялись — солнечные лучи слепили уже нашу оптику, а отблески от биноклей и стереотруб выдавали расположение наших НП.

Командир 70-го гвардейского стрелкового полка майор А. С. Дрыгин в сдвинутой на затылок фуражке, прильнув к окулярам стереотрубы, внимательно просматривал южный склон бельбекских высот. Вот видна ниточка траншеи, по которой иногда двигаются, полусогнувшись, солдаты в сине-зеленых мундирах. Около небольшого холмика на склоне, обращенном в сторону долины, траншея словно обрывается, а за холмиком опять продолжается, сбегая вниз к обрыву. Командира полка беспокоит подозрительное место, где так странно обрывается траншея... И он приказывает начальнику артиллерии полка капитану А. О. Гуссару разобратся, что скрыто под холмиком и куда прячется траншея.

Разложив на коленях крупномасштабную кодированную карту, Гуссар нанес на нее координаты двух новых, пока еще предполагаемых целей. Координаты были тотчас переданы по телефону на позиции минометчиков. Теперь нужно внимательно смотреть. С небольшим передетом справа от холмика поднялся дым от разрыва первой мины. Последовала новая команда. Теперь разрыв уже ближе и прямо позади холмика. Говоря языком артиллеристов, цель оказалась в «вилке». Вносятся соответствующие коррективы, и на огневую позицию передается приказ: «Пять мин, беглый... огонь!»

Прошло три десятка секунд и мины, прошелестев над головой, одна за другой опоясали своими разрывами холмик. Едва улеглась пыль, поднятая взрывами,

как с южной стороны холмика обнаружались железобетонные конструкции огневой точки.

Затем наступила очередь другой цели, а за ней уже выявлена третья.

Много в тот день было дел и у артиллеристов 71-го гвардейского стрелкового полка. С утра Т. И. Степанов обнаружил движение по ходам сообщения противника: гитлеровцы подводили на передний край пополнение. Капитан К. И. Шипилов, начальник артиллерии полка, понимал командира с полуслова. Не успели фашисты добраться до своих блиндажей и долговременных укреплений, как по ним был открыт беглый огонь. Когда дым и гарь от разрывов рассеялись, стало видно, что цель накрыта точно.

Артиллерия и минометы 72-го гвардейского стрелкового полка, находящегося во втором эшелоне, поддерживают 70-й полк. Начальник артиллерии Карим Максимович Байгарин свой наблюдательный пункт расположил неподалеку от НП Гуссара. Байгарин — настоящий артиллерист. Он участвовал в боях на Волхове, под Синявином, в сталинградских степях, на Миусе, Молочной, на берегах Днепра. На смуглом лице капитана появляется улыбка, когда он видит, как точно накрыли цель его артиллеристы и минометчики.

Для штурма мощной долговременной обороны противника стрелковым полкам были приданы артиллерийские части армейского подчинения и дивизионы 50-го гвардейского артиллерийского полка. Действия 70-го полка поддерживает 101-й гаубичный артиллерийский полк подполковника Федорова, наблюдательный пункт которого расположился неподалеку от НП Дрыгина.

Гаубичные батареи ведут огонь из глубины соседней долины, протянувшейся параллельно бельбекской с востока на запад. 71-й полк поддерживал 3-й дивизион 50-го гвардейского артполка под командованием майора А. Дмитриева. Гаубицы дивизиона вели огонь почти без перерыва.

На огневых позициях батарей шла напряженная работа. Особенно доставалось наводчикам, от точных, ювелирных действий которых многое зависело. В 3-ем дивизионе лучшим наводчиком слыл сержант И. И. Дорофеев. Молодой парень, всегда подтянутый, он

в совершенстве владел своей специальностью. Подстать ему были и остальные номера в расчете. Они понимали друг друга без слов, в любую минуту каждый мог заменить товарища. В эти дни их оружие уничтожило несколько сильных огневых точек врага...

Грохот боя в долине не утихал ни на час. Готовясь к решительному штурму Севастополя, дивизия планомерно и последовательно громила оборону врага, уничтожала его долговременные укрепления, перемалывала артиллерийским и минометным огнем живую силу. С наступлением темноты артиллерийский огонь несколько утихал, но зато усиливали огонь стрелки, пулеметики и автоматчики. Вновь и вновь уходили в темноту нейтралки разведчики. Ночью на Севастополь непрерывной вереницей шли наши ночные бомбардировщики. Они наносили удары по севастопольскому порту, кораблям гитлеровцев в Северной и Южной бухтах, складам боеприпасов и горючего. После метких бомбовых залпов бомбардировщиков за Бельбекскими высотами всю ночь было видно зарево пожаров и слышны взрывы. А передний край противника всю ночь до рассвета старательно обрабатывали легкие бомбардировщики У-2.

Временами над головой раздавался подвывающий шум фашистских ночных бомбардировщиков «Хейнкель». В Севастополе для них не было аэродрома и «Хейнкели» ходили из Румынии через Черное море. Вслед за бомбами с самолетов сбрасывались металлические контейнеры, которые на определенной высоте распахивались и из них, как горох, высыпались небольшие мины.

Каждую ночь уходили в поиск разведчики. Старший лейтенант Т. К. Бекузаров похудел и осунулся, только сверкали огнем темные глаза под густыми черными бровями.

...Вот снова уходит его группа к траншее гитлеровцев. Теперь разведчики ползут по знакомому пути, чувствуют себя увереннее и смелее. Но противник обнаруживает группу на подступах к траншее и забрасывает разведчиков гранатами. После короткого отдыха разведчики опять ползут к переднему краю противника. Траншеи фашистов совсем близко. Заметили разведчики, что перед бруствером одной траншеи ползают

два солдата — ставят мины. Разведчики почти не дышат: еще несколько минут, и задача будет выполнена. Неожиданно в разрывах туч появляется луна и освещает своим тусклым светом склон. Вдобавок вспыхивают осветительные ракеты. Светло, как днем, но медлить нельзя. Разведчики бросают в сторону гитлеровцев несколько противотанковых гранат, поднимаются во весь рост и, строча из автоматов, врываются в траншею. Но гранаты сделали свое дело — брать некого. Оживают фашистские пулеметы. С ними вступает в поединок группа поддержки. В это время группа захвата отползает вниз. Фашисты, опомнившись, открывают артиллерийский огонь по нейтральной полосе. Пулей в ногу ранен Г. И. Жердицкий, осколком в голову Т. С. Изотов. Один разведчик срывается с крутого откоса прямо на рельсы железной дороги и получает тяжелые ушибы. Санинструктор Галя Балакина перевязывает раненых и отправляет в медсанбат...

29 апреля была поставлена задача провести разведку боем, выявить систему огня противника и захватить высоту Безымянную. Захват ее лишил противника важного опорного пункта в обороне и улучшал позиции наших стрелковых полков. Для штурма высоты были созданы два отряда под командованием капитана Дыбова и старшего лейтенанта Абрамова.

Штурмовые отряды создавались на добровольных началах. Численность каждого из них была установлена в сорок человек. Но в отряд капитана Дыбова просились восемьдесят гвардейцев, а в отряд старшего лейтенанта Абрамова записалось более семидесяти человек. Основное ядро штурмовых отрядов составили коммунисты и комсомолцы.

Броску отрядов на высоту Безымянную предшествовала короткая, но плотная артиллерийская подготовка. Разрывы снарядов и мин сплошным черным облаком окутали высоту. В это время штурмовые отряды бесстрашно приближались к траншеям. Как только артиллерия перенесла огонь на вторую траншею, воины отрядов поднялись в атаку и с криком «За Родину!» устремились на врага.

В первой цепи наступающих шел разведчик старшина Курамов. Когда до вершины остались считанные метры, ожил вдруг один из фашистских дотов. Длин-

ыми очередями гитлеровский пулеметчик прижал к земле гвардейцев. Старшина Курамов с несколькими бойцами пополз вперед к амбразуре. В это время фашисты открыли заградительный минометный огонь. Перед дотом начали рваться мины. Курамов был ранен в ногу, но несмотря на это отважный разведчик продолжал ползти вперед. Когда до фашистского пулемета осталось не более десяти метров, старшина Курамов бросил в амбразуру гранату. Пулемет и шесть гитлеровских солдат были уничтожены.

Гвардейцы ворвались во вражеские траншеи. Завязался рукопашный бой. На старшину Бормотова напали сразу четыре гитлеровца. Одного из них старшина заколол штыком, второго свалил ударом приклада. Два гитлеровца бросились наутек. Но тут сзади на старшину навалился здоровенный фашист и стал душить. Из рук Бормотова выпала винтовка, он стал задыхаться. Но, сделав невероятное усилие, старшина повалился назад на гитлеровца, вывернулся из его цепких лап, а затем прикончил фашиста.

О мужестве и отваге Курамова и Бормотова потом рассказала дивизионная газета.

Штурмовые отряды успешно выполнили боевую задачу. Передний край наших подразделений теперь проходил через высоту Безымянную. В бою были захвачены пленные и документы, по которым удалось уточнить состав и вооружение противника в полосе наступления дивизии.

Через несколько часов гитлеровцы предприняли контратаку, чтобы вернуть сданные позиции. После сильного артиллерийского налета в атаку бросилось более двухсот фашистов. Бойцы спокойно подпустили их поближе и открыли прицельный огонь из пулеметов, винтовок и автоматов. Гитлеровцы откатились, оставив на поле боя много убитых и раненых.

Наступила ночь, но враг не успокоился. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня он девять раз с остервенением бросался на позиции батальонов 70-го и 71-го стрелковых полков, но безрезультатно.

Утро Первого Мая. Международный праздник пролетариата советские воины отметили новыми мощными ударами по фашистам. В этот день на огневых пози-

циях артиллеристов и минометчиков подавались команды: «В день Первомая, за дело международного рабочего класса, за освобождение поработанных фашизмом народов, по гитлеровским захватчикам — отоны!».

1 мая с первыми лучами солнца в окопы к бойцам пришли политработники. Они рассказывали гвардейцам о боевых делах, которыми встретили праздник воины Советской Армии на фронте, о том, что близится час полного изгнания с нашей земли захватчиков, о самоотверженном труде советских людей в тылу. Особым уважением у бойцов пользовались парторг 71-го полка капитан П. И. Сизов, агитатор 70-го полка старший лейтенант А. Г. Беглоян, работники политотдела дивизии В. Я. Туречек, А. В. Привалихин. Словом и личным примером они воодушевляли людей на боевые подвиги.

По ходам сообщения и траншеям со своими тяжелыми сумками пробрались к бойцам фронтовые почтальоны. Они принесли еще пахнувшие типографской краской праздничные газеты с первомайским приказом Верховного Главнокомандующего.

В 71-й гвардейский стрелковый полк почту доставлял коммунист сержант Н. Силантьев. В этот день он особенно спешил. Его путь на командный пункт полка проходил по узкой траншее, которую непрерывно обстреливали фашистские орудия и минометы. Когда до командного пункта осталось всего два излома траншеи, рядом с почтальоном вздыбилась земля от разрыва снаряда. Силантьев был смертельно ранен, но, собрав последние силы, он сказал одному из солдат:

— Товарищ, в сумке газеты с первомайским приказом, письма... Передай в штаб...

Дивизия, готовясь к решительному штурму Севастополя, вела кровопролитные бои. Гитлеровское командование продолжало перебрасывать через Черное море подкрепления. Гитлер приказал оборонять Севастополь «как последнюю крепость готтов». Офицеры поддерживали у своих солдат веру в неприступность севастопольских укреплений. Не зная истинного положения на фронте, те верили фюреру и готовились сражаться до конца. Иначе были настроены солдаты армии гитлеровского союзника Антонеску. Командование наших

войск прилагало все усилия, чтобы избежать лишнего кровопролития. Самолеты разбрасывали в расположении противника тысячи листовок с предложением прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться в плен.

Ночью, когда грохот боя над Бельбеком несколько утихал, начинала, как обычно, работать окопная громкоговорящая установка. Часто в тесную землянку, где размещалась импровизированная студия, поступали последние сообщения Совинформбюро об успехах войск Красной Армии на других участках фронта. Тогда передача на немецком языке прерывалась и новое сообщение Совинформбюро зачитывалось для наших воинов. Через несколько минут это сообщение передавалось на немецком языке.

По утрам, как всегда, разгоралась ожесточенная перестрелка. Первыми нарушали тишину очереди станковых пулеметов.

Правее шоссе, на склоне высоты 125,7 расположились пулеметы взвода старшего лейтенанта И. Баканова. Нередко в трудную минуту боя он сам ложился за пулемет, метко разил врага и в одном из боев погиб. Командир пулеметной роты старший лейтенант К. П. Гуляев всегда был в самом пекле боя. Он умело маневрировал своими грозными «максимами», появлялся там, где его помощь была больше всего нужна.

Командир роты Кузьма Поликарпович Гуляев с особой заботой относился к расчету Александра Метелицы, действовавшего в сложных условиях. Расчет не мог свободно маневрировать и часто менять позиции. Отважного пулеметчика не пугали близкие разрывы мин и снарядов. И только однажды — это случилось 3 мая, пулемет Метелицы вдруг замолчал. На помощь другу по траншее бросился С. Тарариев. Земля вокруг огневой позиции Метелицы была перепахана вражескими снарядами, а сам Александр бездыханно лежал рядом со своим верным «максимом».

С болью в сердце С. Тарариев похоронил друга на склоне бельбекской высоты и поклялся отомстить за него врагу. Гвардейцы не хотели верить, что погиб отважный Метелица, и часто, слышав голос его «максима», говорили: «Хорошего огонька по фашистам дает Метелица!»

...За несколько дней до решительного штурма Севастополя стало известно, что Гитлер снял командующего 17-й армией генерал-лейтенанта Еннеке и назначил командующим севастопольской группировкой войск генерала Альмендингера. Едва приняв командование войсками, Альмендингер направил во все части грозное сообщение:

«Я получил приказ защищать каждую пядь севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь. Именем фюрера я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждый окоп, каждую воронку... Напоминаю, что мой приказ о расстреле на месте тех, кто оставил свои позиции, сохраняет полную силу»¹.

Угроза генерала расстреливать солдат, оставляющих свои позиции, выполнялась неукоснительно. За спиной немецких солдат были поставлены с пулеметами эсесовские подразделения.

С севера Севастополь прикрывала глубоко эшелонированная оборона, состоявшая из четырех линий. Первые две — наиболее мощные. Естественный рубеж скалистого берега реки Бельбек утыкан многочисленными дотами, дзотами и другими укреплениями. На один километр фронта приходилось более десяти долговременных железобетонных огневых точек, до двадцати деревоземляных, каменноземляных, более двадцати блиндажей. Промежутки между огневыми точками насыщены минными полями и опутаны проволочными заграждениями. На ряде участков сооружен противотанковый ров глубиной до трех метров и шириной по верху до пяти. Передний край противника густо насыщен огневыми средствами. На участке наступления только одной нашей стрелковой роты у противника могли действовать тридцать пулеметов и до пятнадцати минометов.

Штурм Севастополя начался 5 мая.

Первый удар нанесла 2-я гвардейская армия. Через два дня развернулось наступление 51-й и Приморской армий с северо-востока и востока. В полосе наступления

¹ «Правда», 12 мая 1944 г.

2-й гвардейской армии главный удар нанес 13-й гвардейский стрелковый корпус. 24-я дивизия наступала на направлении главного удара армии.

Артиллерийское наступление началось в 8 часов 5 мая. В течение двух часов огонь по долговременным укреплениям противника вели орудия крупных калибров и большой мощности. В 10 часов началась интенсивная артподготовка, в которую включилась полковая артиллерия и минометы. В 11 часов был достигнут максимальный темп стрельбы, открыли огонь реактивные минометы. После пятиминутного шквального огневого налета был сделан ложный перенос огня в глубину обороны противника. Через сорок минут огненный шквал артиллерийского и минометного огня вновь обрушивается на передние траншеи гитлеровцев. В этом налете опять участвуют «катюши» и батареи тяжелых реактивных минометов. Точно в полдень огневой вал переносится на вторую траншею и продолжается до 14 часов.

Боевые действия авиации начались одновременно с артиллерийским наступлением. Сначала бомбардировщики нанесли мощные бомбовые удары по объектам в глубине обороны противника, по артиллерийским батареям в районе Бартедьевка, Северная сторона, Мекензиевы горы. Штурмовики ИЛ-2 наносили массированные удары в полосе прорыва с 11 до 13 часов.

Вместе с другими батареями включалась в общий хор артиллерии и полковая батарея 72-го гвардейского стрелкового полка, которой командовал капитан Сергей Дмитриевич Солощенко. Дружно действуют оружейные расчеты. Наводчик сержант Петр Аёшин словно бы слился со своей небольшой короткоствольной пушкой. Иногда он поворачивается к подносчикам и заряжающим и жестом поторапливает их. Другим орудием умело командует сержант Иван Семиглазов...

Артиллеристы прокладывают путь пехотинцам на Севастополь. На фронте прорыва дивизии шириной около одного километра ведут огонь сто восемьдесят стволов. На противника летят огневые стрелы наших «катюш». На переднем крае бушует море огня. Затем огневой вал перекачивается на тылы гитлеровцев. Но

это ложный перенос огня. Его задача — выманить фашистов из глубоких блиндажей и заставить обнаружить уцелевшие огневые точки.

В полдень огневой вал окончательно переносится на вторую траншею и сразу же из окопов вырываются на выжженный склон высот наши пехотинцы.

Над полем боя слышны возгласы: «За Родину!», «Даешь Севастополь!», «Коммунисты — вперед!», «Комсомольцы — вперед!» Боевой порыв гвардейцев неудержим. В наступающих цепях падают убитые. Легко раненые не покидают поле боя.

Наступающие цепи все ближе подходят к фашистам. Идет бой в первой траншее, у каждого блиндажа и огневой точки. Одними из первых в траншею противника врываются сержант М. Гуманец и рядовой В. Фесенко. В рукопашной схватке они уничтожают около десятка гитлеровцев и упорно продвигаются вперед. На пути отважных воинов встретился блиндаж, из которого гитлеровцы ведут сильный пулеметный огонь. Гуманец и Фесенко действуют хладнокровно, быстро. Подобравшись к огневой точке, они бросают в амбразуру гранаты.

Пулемет умолкает.

Решительно и смело действуют гвардейцы на всех участках прорыва.

Первая траншея взята.

Воины вслед за огненным валом артиллерии устремляются ко второй. Вновь ожесточенные схватки за каждый окоп, блиндаж, огневую точку. Все чаще вступают в бой маленькие, но грозные 45-миллиметровые пушки. Расчеты перекачивают орудия с одной позиции на другую. Пушки, хотя и маленькие, но тяжелые, да и «дорога» не гладкая — на каждом шагу воронки, траншеи, окопы. Гимнастерки на спинах артиллеристов потемнели от пота. На помощь своим боевым друзьям приходят стрелки.

Через два часа после начала атаки враг выбит из второй линии траншей. Гитлеровцы бросаются в ожесточенную контратаку. Но батальоны 70-го и 71-го полков уже успели закрепиться в отвоеванных траншеях и встречают оккупантов сплошным шквалом огня. Контратака захлебывается, однако фашистские офицеры гонят своих солдат во вторую. Гвардейцы отбивают

и эту контратаку, затем сами бросаются на врага. С боем пройдены еще двести метров. И опять контратакует противник. До наступления темноты было отбито более десяти контратак. Подразделения упорно теснят немцев.

К исходу дня 70-й гвардейский стрелковый полк майора А. С. Дрыгина продвинулся вперед на тысячу триста метров и захватил участок железной дороги в полутора километрах севернее Мекензиевых гор. Левее успешно продвигался 71-й полк майора Т. И. Степанова.

К вечеру бой начал постепенно стихать. Командиры полков уточняли занятые рубежи, перегруппировывали силы, подтягивали артиллерию и минометы. Теперь выдвигались вперед роты второго эшелона. Пополнялись поредевшие ряды подразделений первого.

Противник тоже готовился к бою — подтягивал резервы. Время от времени завязывались перестрелки. Часто вступали в дело наши орудия и минометы.

Командование стремилось уточнить обстановку и выяснить намерения противника. Поэтому с наступлением темноты ушли в поиски взводы пешей разведки полков и разведроты дивизии. В направлении станции Мекензиевы горы действовала группа дивизионных разведчиков совместно с боевой группой из четырех немцев-антифашистов*. Накануне наши разведчики вместе с антифашистами выработали план совместных действий. Впереди должны были двигаться четверо наших разведчиков во главе с Евгением Красновым, а на некотором удалении — антифашисты.

Не прошло и часа, как разведчики приблизились к позициям врага. Было тихо. Когда вспыхивали ракеты, разведчики сливались с землей, взрытой снарядами и минами. Наконец группа начала осторожно подползать к обнаруженной огневой точке врага. В этот момент один из разведчиков навалился на мину. Взметнулось пламя. Один убит, остальные ранены. Гитлеровцы немедленно открыли огонь. Положение казалось безвыходным. Но в это время на помощь пришли антифашисты. При вспышках ракет они начали разма-

* К сожалению, авторам не удалось установить их имена.

хивать своими пилотками и привлекли внимание солдат противника.

— Стой! Кто там? — Раздался окрик из траншеи.

— Прекратите огонь! — Ответил командир группы антифашистов.

— Кто вы? Из какой части?

— Мы саперы из семнадцатого саперного батальона.

— Что вы там делаете?

— Мы гуляем по окопам с девочками! — ответили на этот раз солдатской шуткой немецкие товарищи.

В траншее успокоились и посоветовали:

— Возвращайтесь в свои окопы! Здесь неподалеку русские разведчики.

— Сейчас идем, — ответили, поднимаясь в полный рост, антифашисты, — но эти проклятые мины...

Не торопясь, чтобы не вызвать подозрения, антифашисты подошли к раненым разведчикам и начали потихоньку оттягивать их от фашистских траншей. Сначала все шло хорошо, но вскоре солдаты противника заподозрили неладное и окрикнули боевую группу:

— Куда вы? Там русские разведчики!

Антифашисты, не отвечая на вопрос, ускорили шаг. Тогда из траншеи раздался приказ:

— Стойте, иначе мы будем стрелять!

И сразу же после этого окрика заработал фашистский пулемет. Первой очередью был тяжело ранен один антифашист, получили новые ранения разведчики. Командир группы антифашистов бросился на помощь к своему раненому товарищу, но тот остановил его криком, перекрывая треск пулеметной очереди:

— Оставьте меня! Помогите русским товарищам!

Не успели антифашисты проползти со своей тяжелой ношей и несколько шагов, как услышали громкий возглас своего боевого друга:

— За свободную Германию! По фашистам — огонь!

Слабеющими руками он вскинул автомат и выпустил длинную очередь по фашистскому пулемету. Завязалась огненная дуэль. Пулемет замолк. Заглох и автомат. Тем временем антифашисты доползли с ранеными разведчиками до траншеи, занятой нашими пехотинцами. Спустившись в нее, антифашисты молча сняли пилотки, отдавая последнюю воинскую почесть своему товарищу. Тяжело раненный в горло Евгений Краснов

смог только молча пожать крепкую руку командира группы антифашистов.

Растревоженные разведкой, гитлеровцы весь остаток ночи непрерывно освещали местность ракетами и вели беспорядочную стрельбу. Уставшие гвардейцы дремали по очереди в тесных окопах, а командиры и политработники в эту ночь вообще не сомкнули глаз.

6 мая в 10 часов опять дружно ударили наши орудия и минометы. Артподготовка продолжалась час. Пошла в атаку пехота. Гитлеровцы открыли заградительный артиллерийский и минометный огонь и перешли в контратаку. После подавления артиллерией и авиацией батарей противника наши стрелковые роты приблизились к Мекензиевым горам.

При отражении контратак противника были взяты большие группы пленных из частей, переброшенных ночью с соседних участков фронта. Командующий гитлеровскими войсками генерал Альмендингер, обеспокоенный продвижением наших войск к Мекензиевым горам, рискнул снять части с восточного обвода обороны Севастополя. Переброска гитлеровских войск на северный обвод обороны создала благоприятные условия для действий 51-й и отдельной Приморской армий, которые должны были нанести удар по севастопольскому укрепленному району со стороны Салун-горы.

Во второй половине дня гитлеровцы предприняли несколько яростных контратак в полосе действий 70-го и 71-го стрелковых полков. Но они стоили противнику больших потерь в людях и технике. Подразделения удержали занятые рубежи, но дальнейшее продвижение замедлилось: предстояло прорвать укрепленную линию противника, прикрывавшую Мекензиевы горы. На этой линии через каждые пятьдесят-сто метров были сооружены железобетонные огневые точки и мощные укрепления крепостного типа — железобетонные бастионы. На ряде участков перед огневыми точками проходили противотанковые рвы.

После отражения контратак противника началась подготовка к штурму укреплений перед Мекензиевыми горами. Разведку и наблюдение за передним краем противника вели стрелковые полки. Майор А. С. Дрыгин расположил свой наблюдательный пункт в небольшом

окопчике на переднем рубеже второй стрелковой роты. Отсюда видны огневые точки противника, которые прижимали к земле нашу пехоту.

Много работы у связистов. Ползком, а иногда короткими перебежками тянули они телефонные провода. Бывало, едва наведут связисты линию, как где-нибудь неподалеку начинают рваться снаряды и мины. Теперь нужно двигаться вдоль провода, искать место обрыва. Проходят минуты — и вновь по проводу, как по нервному волокну, пошла информация с переднего края — сначала к командиру полка, затем к командиру дивизии, а уж потом и к горячему, темпераментному командиру корпуса, генерал-лейтенанту П. Г. Чанчибадзе.

С переднего края идут донесения об обстановке, о продвижении наших подразделений, о контратаках противника. В сторону переднего края поступают команды, приказы, боевые распоряжения. Вот командир дивизии полковник Г. Я. Колесников со своего наблюдательного пункта докладывает обстановку командиру корпуса. Генерал П. Г. Чанчибадзе задает вопросы, уточняет положение:

— Где сейчас твои хозяйства? В каком месте находятся передовые «сестры»? Куда ведут огонь «самовары?»

Это означает: «Какого рубежа достигли сейчас полки дивизии? В каком месте находятся стрелковые роты? По каким целям ведут огонь минометы?» Командир корпуса обеспокоен тем, что до сих пор не взяты Мекензиевы горы.

Колесников отвечает:

— Впереди жарко. «Сестры» залегли. Противник ведет сильный огонь...

— Почему об этом мне докладываешь ты, а не твой заместитель? — вдруг взрывается Чанчибадзе.

— Мой заместитель впереди, и у меня пока нет с ним нитки (связи), — отвечает комдив.

— Ты должен быть во главе своих батарей, штурмом брать Мекензиевы горы, — сердито гудит в трубку Чанчибадзе. — А если не возьмешь, то героически погибни. Твой заместитель доложит мне об этом.

— Слушаюсь, — коротко отвечает Колесников, — беру автомат и иду вперед.

— Подожди, — останавливает его генерал. — Погибать будешь в следующий раз. Доложи, что у тебя делается на правом фланге?

Разговор принимает более спокойный характер. Командир дивизии докладывает обстановку по кодированной карте. Он называет цифры условных координат квадратов карты, номера ориентиров и целей, кодовые названия высот и населенных пунктов.

Едва командир дивизии заканчивает разговор с командиром корпуса, как на связь выходят один за другим командиры полков майоры А. С. Дрыгин и Т. И. Степанов.

Стрелковые полки опять вынуждены приостановить продвижение; они отбивают яростные контратаки гитлеровцев. Уже отбито четыре. Надо помочь стрелковым полкам, командир дивизии отдает распоряжение командующему артиллерией подполковнику А. Д. Кузнецову усилить поддержку огнем...

Особенно остервенело шли гитлеровцы в контратаку на первый батальон 71-го полка. Солдаты вновь стойко встретили немецкую лавину фашистов. Но в самый разгар боя оборвалась связь батальона с наблюдательным пунктом командира полка. Майор Степанов раздосадованно положил трубку полевого телефона и, подозревая начальника связи полка капитана А. Сабанцева, приказал немедленно восстановить линию. На выполнение трудного и ответственного задания Сабанцев выделил рядового А. Овчинникова.

Готовясь в опасный путь, Овчинников рассовал по карманам нехитрый инструмент, прихватил моток провода, перекинул через плечо ремень полевого телефонного аппарата, на пояс подвесил «лимонку».

С наблюдательного пункта было видно, как Овчинников несколько раз ложился около провода и подключал аппарат к линии. Это были точки обрывов. Быстро соединив и изолировав провод, Овчинников продолжал двигаться вперед. На одной из высоток отважный связист был ранен.

Вскоре капитан Сабанцев услышал его изменившийся голос и понял, ценой каких усилий солдат идет по линии... Овчинников же с каждой минутой слабел, но упорно полз вдоль провода. Вот и очередной обрыв. Последним усилием подтягивает связист концы про-

вода и пытается слабеющими пальцами соединить их, но провод выскальзывает из рук. Тогда Овчинников захватывает оба конца провода зубами и плотно сжимает их. Связь с батальоном есть.

Наблюдательный пункт комдива полковника Г. Я. Колесникова находится позади наблюдательных пунктов полков. Сюда реже долетают пули, здесь тоже рвутся фашистские снаряды и мины. Провода линий связи рвутся по несколько раз в течение часа. И здесь связисты сбиваются с ног. Начальник связи майор Рассадин почернел, осунулся, его глаза воспалены от бессонницы. Его ближайший помощник, командир дивизионной роты связи капитан Г. Г. Коханов все время в движении. То он руководит линейщиками, то выбирает место для коммутатора и помогает развертывать полевой узел связи. Но вот линии наведены, коммутатор установлен в полуразрушенном блиндаже. Место дежурной телефонистки занимает никогда неунывающая Даша Егорова.

Сержант Егорова служит в дивизии с осени 1941 года. Она воевала на Волхове, под Синявином, в Сталинградской степи, на Миусе, Молочной, на Кинбургской косе. В боях за Севастополь вместе с Дашей коммутатор обслуживают ее подруги Тамара и Вера. Вместе с дивизией они прошли путь от стен Сталинграда.

...К вечеру атаки гитлеровцы выдыхаются. За день стрелковые роты продвинулись на тысячу двести метров, взяты пленные. Добровольно сдались большие группы румын.

Утром 7 мая опять ударили наши артиллерия и минометы. Над Мекензиевыми горами поднялись облака дыма и желтоватой пыли. Умолкали одна за другой огневые точки противника. В атаку дружно пошла пехота. С первых минут боя успешно атаковали вражеские позиции подразделения 70-го и 72-го полков и не успела осесть на землю пыль, поднятая разрывами снарядов и мин, как поднялись в атаку роты 70-го полка. Гитлеровцы не выдержали стремительного удара гвардейцев и откатились.

На участке 72-го полка фашистские укрепленные рубежи атаковали две штурмовые группы первого стрелкового батальона. Одну группу вел в бой командир батальона капитан Александр Канаев. Вторую —

командир первой стрелковой роты капитан Иван Будников. Группы три раза подряд поднимались в атаку и преодолевали одну за другой три траншеи противника. Когда группа капитана Канаева прогрызала третью траншею, из строя вышел пулеметный расчет. Грозный «максим» замолк в самый ответственный момент, когда гитлеровцы поднялись в новую контратаку. К пулемету под яростным огнем противника бросились капитан Канаев и парторг роты сержант Никифор Наследников. Не успевший остыть пулемет вновь начал поливать свинцовым дождем цепи горлающих, пьяных гитлеровцев. Фашисты не выдержали, попрятались в воронках от снарядов, а затем отползли на исходные позиции. По призыву капитана Канаева: «Гвардейцы, вперед!» штурмовая группа стремительно атаковала. Завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы были выбиты из третьей траншеи.

К этому моменту ряды штурмовых групп первого батальона заметно поредели. Но в бой вступили штурмовые группы второго батальона капитана М. С. Осинцева. Впереди атакующих коммунисты — М. С. Осинцев и его заместитель по политчасти капитан Л. В. Пашков, парторг роты рядовой В. Титов. С боем брали каждый окоп, каждую огневую точку.

Вскоре был введен в бой и третий батальон 72-го гвардейского стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Кучмина. Как всегда, в первой цепи атакующих — заместитель командира батальона по политчасти лейтенант Фалько. Рядом с ним бывалые воины — рядовые Иван Палищук и Сергей Сиднев. Боевые друзья сражаются плечом к плечу. В какую-то минуту навстречу Полищуку бросаются два фашиста. Сиднев прошивает одного автоматной очередью, а другого сбивает прикладом. Внезапно перед ветераном поднимается из траншеи гитлеровский офицер. Полищук срезает и его короткой очередью.

Штурмовая группа разведчиков с утра вела бой на подступах к Мекензиевым горам. Здесь сражались отважные воины — И. И. Зубов, А. Ф. Копылов, Л. Воронков, Н. Черников, Г. И. Жердицкий, Г. Задубровский, Н. Осипов, А. Якимович. Среди разведчиков есть раненые в недавних боях, не снял еще повязку и Г. И. Жердицкий. После перевязки остались в строю еще несколь-

ко разведчиков. Они обратили в бегство группу вояк Антонеску. После полудня, когда тучи дыма, гари и пыли, висевшие над полем боя, скрыли солнце, разведчиков контратаковала рота пьяных гитлеровцев. Подпустили их поближе и ударили почти в упор. Автоматы, гранаты, а затем приклады и штыки гвардейцев сделали свое дело. Помогла завершить разгром врага одна из стрелковых рот 72-го полка.

На левом фланге дивизии упорно теснили противника подразделения 71-го полка. Здесь тоже много раненых, оставшихся в строю, но которым нужна была медицинская помощь, и сестры, фельдшера, врачи оказывали ее воинам, оказывали прямо на поле боя или в наспех оборудованных медпунктах. Упорная борьба за жизнь раненых, возвращение их в строй велась и в медсанбате дивизии. Командир медсанбата майор медицинской службы С. А. Болотский только что принимал раненых, а сейчас его высокая худощавая фигура видна у входа в большую палатку, где развернута операционная.

Врачи и медицинские сестры уже трое суток не покидают палатки медсанбата. Люди устали, и поэтому Сергей Андреевич не приказывает, а только просит: «Наши части уже подходят к Севастополю. Продержитесь еще сутки, бои закончатся, и тогда вы отдохнете...».

Над Мекензиевыми горами не стихал грохот боя. Когда огонь становился реже, до слуха доносился могучий гул битвы со стороны Сапун-горы. С утра наши войска начали штурм севастопольских укреплений с востока. Над Сапун-горой весь день стояли клубы дыма. Сверкая огнем выстрелов и вспышками ракет, пронеслись грозные «ИЛы». Сражение за Севастополь разгоралось на всем внешнем обводе укрепленной полосы. Вскоре поступили известия об успехах воинов 51-й и Отдельной Приморской армии. Они вызвали у гвардейцев новый подъем боевого духа.

Подразделения 70-го полка упорно, метр за метром, приближались к станции Мекензиевы горы. В первых рядах гвардейцев шел старшина И. Сижек. Ему знаком здесь каждый бугорок, каждая лощинка. В 1942 году старшина оборонял Севастополь на Мекензиевых горах, в балке Сухарной, на Инкермане. Сейчас старшина

показывает солдатам рубежи, где в 1942 году стояли насмерть защитники Севастополя.

К исходу дня 7 мая подразделения 70-го и 72-го полков завязали бой за станцию Мекензиевы горы. Ночью передовые подразделения 70-го полка обошли Мекензиевы горы справа и утром 8 мая прорвались к Северной стороне Севастополя, выйдя к Северной бухте.

Командир полка А. С. Дрыгин обошел батальоны и поставил задачу: готовиться к форсированию бухты с использованием подручных средств. Свой наблюдательный пункт он расположил в погребе деревянного сарая на крутом берегу, откуда хорошо просматривалась панорама Корабельной стороны. Внизу, под обрывом, черная водная гладь. Противник вел сильный бой в районе Сатун-горы и еще не знал, что его левый фланг оказался под ударом наших батальонов. Фашистские огневые точки на Корабельной стороне молчали. Однако тишина продолжалась недолго. Гитлеровцы обнаружили выход наших частей на берег и открыли интенсивный огонь из пулеметов и зениток.

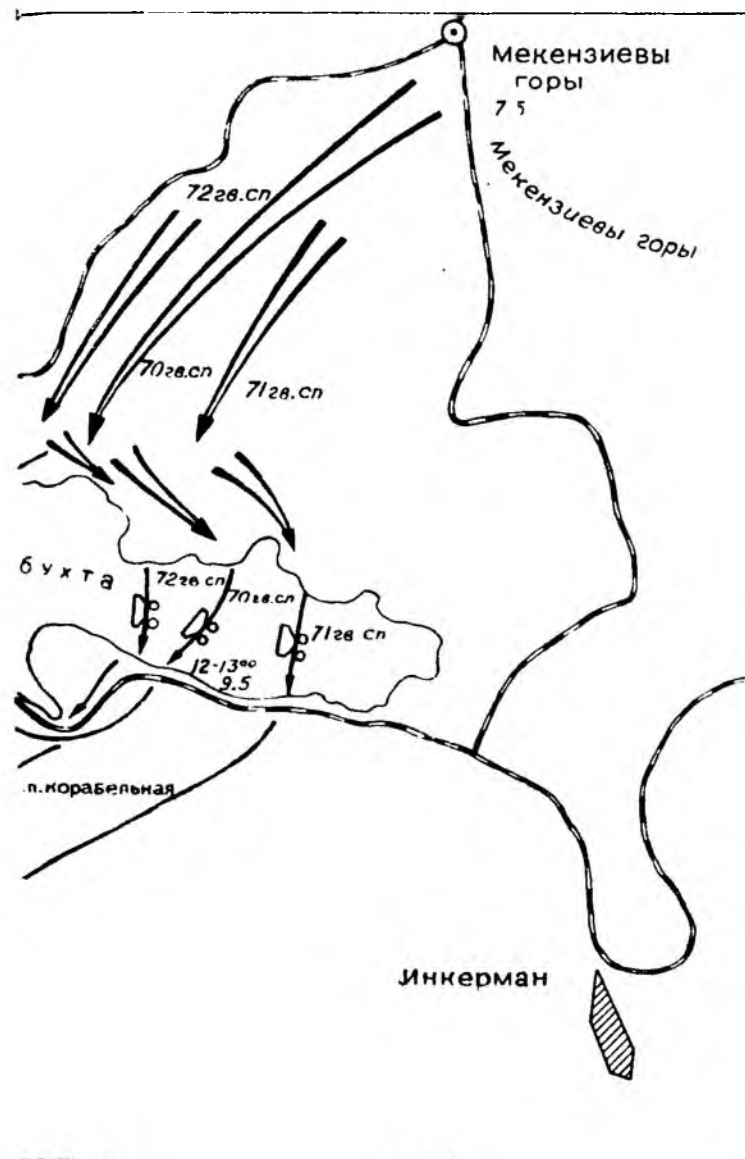
Под непрерывным огнем противника майор Дрыгин провел рекогносцировку местности и вместе с командирами батальонов наметил места для переправы. Рекогносцировка уже подходила к концу, когда группа командиров попала под огонь малокалиберных зениток. Как раз в это время на берегу, у самой воды, появился офицер штаба дивизии капитан В. А. Бальбах. Он бежал с картой в руках, чтобы передать командиру полка приказание комдива. Обычно неторопливый, сейчас Владимир Бальбах очень спешил. Но не добежав несколько метров, он был сражен вражеским снарядом. Карта покрылась пятнами крови.

Тем временем на берегу, несмотря на огонь противника, гвардейцы готовились форсировать водную преграду.

Форсирование Северной бухты было назначено на три часа утра 9 мая. Скрытно, под покровом темноты бойцы несли к воде двери, оконные рамы из разрушенных домов, доски, бревна — все, что могло пригодиться для сооружения плотов. Солдаты вязали и сколачивали плоты. Разведчики 70-го полка разыскивали небольшую лодку. Вместе с разведчиками работали и саперы. Когда командир полка подошел к разведчикам, они



Боевые действия 24-й гвардейской стрелковой дивизии при



штурме Севастополя 7—9 мая 1944 года.

уже заканчивали ремонт лодки. С трудом в ней могли уместиться шесть человек. Это сразу определил командир полка.

— Нужны шесть добровольцев,— сказал А. С. Дрыгин разведчикам и саперам.— Разведка пойдет на южный берег бухты.

— Разрешите пойти мне,— обратился к командиру сержант Константин Висовин.— Я знаю Корабельную сторону, недалеко от госпиталя есть подходящее место для высадки.

Командир полка раздумывал, а Висовин горячо продолжал:

— Идти через бухту и первыми вступить на землю Севастополя должны моряки.

— На том берегу придется вести тяжелый бой, а вас будет всего шесть человек,— сказал командир полка.— Ищите еще одну лодку.

— Не беспокойтесь, товарищ майор,— убеждал Висовин,— к берегу можно подойти в темноте незаметно. А когда зацепимся за землю, обратно не уйдем.

— Прошу направить и меня в Севастополь,— обратился к командиру лейтенант А. Ф. Земков.

— Хорошо. Будете командовать группой,— согласился командир полка.— Необходимо высадиться на другом берегу бухты, вести разведку и сделать проходы в минных полях. Тем временем полк форсирует бухту. Как только высадитесь, лодку отправьте назад. Повторяю, в группу брать только добровольцев.

Добровольцев оказалось более десятка. По команде лейтенанта А. Ф. Земкова места в лодке заняли сержант К. Г. Висовин, рядовые А. Н. Соценко, И. В. Дубинин, Я. А. Романов и М. П. Сидоренко.

Смельчаки в 23.00 8 мая неслышно отчалили от берега и налегли на весла. Перегруженная лодка начала медленно удаляться и скоро скрылась в густом тумане. Поднявшись на свой наблюдательный пункт, командир полка пытался при вспышках ракет рассмотреть лодку на темной поверхности бухты. Медленно тянулись минуты,— и вдруг на воде, ближе к противоположному берегу, начали рваться мины и снаряды. Противник обнаружил разведчиков и открыл огонь.

Взрывы снарядов и мин поднимали столбы воды и обрушивали их на лодку. Борта во многих местах были

пробиты осколками и пулями. Но храбрецы упорно шли к берегу... Наконец лодка ткнулась носом в каменистый берег. Лейтенант Земков вместе с четырьмя товарищами выпрыгнул. Рядовому М. П. Сидоренко предстояло отправиться за следующей группой.

Земков, Висовин, Соценко, Дубинин, Романов высадились в намеченном месте и стали вести разведку.

Но вскоре они были обнаружены. Против пятерых храбрецов немцы бросили в бой около роты солдат. Смелчаки были взяты в плотное кольцо. Одна за другой следовали яростные атаки. Погиб Яков Романов. Оставшиеся гвардейцы продолжают стоять насмерть.

Во время одной из атак гитлеровцы выдвинули на железнодорожное полотно пулемет и под его прикрытием выкатили на прямую наводку орудие. Александр Соценко, приподнявшись, метнул гранату. Расчет орудия был уничтожен. С последней гранатой Соценко пополз к фашистскому орудю. Александр Земков, Константин Висовин, Иван Дубинин прикрывали его огнем из автоматов. Александра Соценко ранило в левое плечо, но он упорно продолжал ползти к орудю. Когда до него осталось не больше двадцати метров, Соценко, преодолевая боль, бросил еще одну гранату. После этого воины сами бросились в атаку. Но у гвардейцев на исходе патроны и гранаты. Тогда они подхватили автоматы фашистов и продолжали бой... Гибнет, уложив около десятка гитлеровцев, Александр Соценко. Падает раненый в ноги лейтенант Земков. Теперь ведут бой только Константин Висовин и Иван Дубинин. Изредка стреляет из немецкого автомата Александр Земков. Он лежит за камнем и слабеет от потери крови. Вскоре Земков теряет сознание и лежит, не выпуская из рук автомат. На Константина Висовина наваливаются несколько гитлеровцев. На помощь товарищу бросается крепыш Иван Дубинин. Фашисты не выдерживают натиска и откатываются за железнодорожное полотно.

В этом неравном бою Константин Висовин получил тяжелую рану и потерял много крови, но продолжает вести огонь. Ему становится все труднее сменить магазин у автомата, словно сквозь туман, видны орущие гитлеровцы. Моряк понимает, что это его последний бой. Слабеющими пальцами он расстегивает все пуговицы на вороте гимнастерки. Теперь полосатая флот-

ская тельняшка хорошо видна. В это время в последнем диске автомата кончаются патроны. Константин отбрасывает диск в сторону и нащупывает нож. Фашисты, наконец, понимают, что моряк почти безоружен. Но и такой он им страшен. Осторожно приближаются гитлеровцы к Висовину и кричат хриплыми голосами: «Рус, сдавайся!» Константин выхватывает нож и с криком: «Нет, гады! Моряки и гвардейцы в плен не сдаются!». Ножом он достает одного фашиста, прикладом автомата сваливает на землю второго. Несколько пуль пронзают грудь моряка, и Висовин падает на севастопольскую землю. Он падает, руки вразброс, словно хочет обнять и прижать к груди истерзанную, израненную, родную его сердцу землю Севастополя...

Из пяти отважных гвардейцев, что первыми вступили на Корабельную сторону, продолжает вести бой только один Иван Дубинин. Он отбегает в сторону и занимает позицию в подвале разрушенного здания. Но у гвардейца кончаются патроны...

А тем временем все ближе и ближе грохот боя. Это наша артиллерия ведет огонь где-то слева за Килен бухтой. По Корабельной стороне наносят удары штурмовики. словно почувствовав, что Дубинину нужна помощь и поддержка, наша артиллерия переносит огонь на железнодорожное полотно. Теперь снаряды рвутся в самой гуще фашистов, еще совсем недавно атаковавших разведчиков. У себя за спиной Дубинин чувствует какое-то движение и близкие голоса. Он оборачивается и видит в сумерках подвала женщин. словно подкрепление подошло к отважному гвардейцу. Женщины приносят немецкие гранаты, патроны. Когда артиллерийский огонь становится особенно сильным, Дубинин выскакивает из подвала, быстро подбирает автоматы Земкова и Романова, прихватывает по пути еще два немецких автомата. Теперь у Дубинина почти полный диск безотказного ППП и несколько магазинов с патронами к немецким автоматам. С этим «арсеналом» Дубинин опять занимает оборону, превратив узкое оконце подвала в грозную бойницу.

Усталые, измученные, но теперь воспрянувшие духом севастопольские женщины помогают гвардейцу вести неравный бой. Одна из них пробирается к самой бойнице с котелком в руках.

— Пей, сынок, — говорит она по-матерински ласково и заботливо, — наверное, во рту все пересохло.

Дубинин, не отрываясь от автомата, большими глотками пьет воду. Потом женщина осторожно закатывает рукав его гимнастерки, промывает рану той же водой из котелка и перевязывает белой тряпицей. Бой не прекращается ни на минуту. Как только стихает огонь артиллерии, фашисты пытаются атаковать Дубинина. Но он ведет прицельный огонь короткими очередями и одного за другим отправляет врагов на тот свет... А бой все ближе к «плацдарму», который удерживает «гарнизон» — гвардеец Иван Дубинин и смелые женщины, имен которых он даже не успел спросить. Уже слышны наши «максимы» и автоматные очереди.

Дерзкий десант группы Земкова отвлек на себя значительные силы гитлеровцев. Отважные разведчики уничтожили несколько десятков фашистских солдат и офицеров и помогли 70-му гвардейскому стрелковому полку успешно форсировать бухту.

За беспримерное мужество, проявленное в этом бою, воины гвардейцы во главе с лейтенантом Александром Земковым были удостоены высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. В канун 30-летия Великой Победы Советского народа над немецко-фашистскими захватчиками жители Севастополя воздвигли на месте, где высадился десант отважных, гранитный монумент. На нем высечены слова:

*«Героям
Советского
Союза
отважным
разведчикам*

*70-го гвардейского полка 24 гвардейской
Краснознаменной Евпаторийской стрелковой дивизии
гвардии лейтенанту А. Ф. Земкову
гвардии рядовому К. Г. Висовину
гвардии рядовому И. В. Дубинину
гвардии рядовому А. Н. Соценко
гвардии рядовому Я. А. Романову.*

*Они первыми 9 мая 1944 года форсировали
Северную бухту.*

Бесстрашными были они во имя грядущей победы».

...Пока группа Земкова вела неравный бой на первом плацдарме Корабельной стороны, 70-й гвардейский стрелковый полк заканчивал подготовку к решительному броску через Северную бухту. На высокий берег, а в некоторых местах прямо к воде, выдвигались на прямую наводку пушки артиллерийских дивизионов. Выкатились на открытые огневые позиции грозные гаубицы 101-го гаубичного полка. Руководил организацией системы артиллерийского огня при форсировании бухты, а потом и во время боев на улицах Севастополя командующий артиллерией дивизии подполковник А. Д. Кузнецов.

С Корабельной стороны пригнал лодку М. П. Сидоренко. Не успела она ткнуться в берег, как в нее прыгнула новая группа разведчиков и автоматчиков. Гвардейцы дружно налегли на весла, и чудом державшаяся на воде лодка опять пошла через бухту. Вторая группа высаживалась в районе Троицкой балки, около полотна железной дороги.

Когда лодка ушла во второй рейс, к командиру 70-го полка подошел молодой, по-гвардейски подтянутый офицер — младший лейтенант Г. Стрельченко. Взвод, которым он командовал, был в резерве. Но взводный и его бойцы рвались в бой. В 1942 году Стрельченко в числе последних защитников города оборонял Севастополь, потом с группой бойцов прорвался в горы к партизанам и храбро громил фашистских оккупантов на крымской земле. После соединения партизан с частями Красной Армии, освобождавшими Крым, молодой офицер Стрельченко считал своим долгом быть в первых рядах освободителей Севастополя. Об этом он и просил А. С. Дрыгина.

— Добро, — согласился командир полка, выслушав взводного. — Введем вас в бой как усиленную штурмовую группу.

Обрадованный Стрельченко побежал к своему взводу. Солдаты спустили на воду первый плот. Вместе с тремя бойцами Стрельченко поплыл на нем. На середине бухты гитлеровцы обстреляли плот из минометов. Прямым попаданием мины плот был разбит. Бойцы погибли, а младший лейтенант на обломках досок возвратился назад. Неудача не остановила офицера и он стал готсвить новые плоты. Вскоре они были готовы.

Под прикрытием артиллерийского огня взвод успешно форсировал бухту и закрепился на противоположном берегу. Огнем из автоматов и пулеметов он обеспечил высадку батальона.

А на Северную сторону опять вернулась единственная на весь полк лодка. В ее бортах зияли новые пробоины. Отверстия быстро законоплатили, и лодка была готова к новому переходу. Третьим рейсом на Корабельную сторону переправился с оперативной группой командир полка майор А. С. Дрыгин. За лодкой командира как за флагманом, из бухты Северной двинулась целая флотилия плотов и других импровизированных сооружений, которым было трудно даже придумать подходящее название.

Переправу поддерживала огнем артиллерия. Приближаясь к Корабельной стороне, стрелки, пулеметчики, автоматчики открывали огонь по противнику и высаживались на берег. Вместе с передовыми отрядами пехотинцев высадил на сушу своих связистов начальник связи полка капитан Н. Сидоренко. Высадились командиры 2-й и 4-й батарей 101-го гаубичного полка старшие лейтенанты Болдин и Сирук вместе с командирами взводов управления лейтенантами Васильевым, Тищенко, Винокуровым. Быстро сориентировавшись в обстановке, артиллеристы уточняют цели и по радио связываются со своими батареями. Считанные минуты — и на гребне высот, откуда ведут огонь фашистские автоматчики и пулеметчики, поднимается сплошная стена разрывов тяжелых гаубичных снарядов.

Всего за пятьдесят минут форсировал 70-й полк Северную бухту и, не дожидаясь рассвета, повел наступление на Корабельную сторону. Командир разделил полк на две группы. Левофланговая группа, в составе двух батальонов, должна была подняться из Троицкой балки на высоты и наступать по восточной и юго-восточной окраине Корабельной стороны в направлении горы Татарская и железнодорожного вокзала, затем выйти на юго-западную окраину слободы Рудольфовой. Командование этой группой А. С. Дрыгин принял на себя. Вместе с ним шли в бой работник политотдела армии подполковник В. Ф. Боев, агитатор полка старший лейтенант А. Г. Беглоян, комсорг полка старший лейтенант М. С. Эскин. Перед правофланговой группой

полка была поставлена иная задача: наступать по железной дороге, прорваться через тоннель к Килен-бухте, обойти ее, через второй тоннель пробиться к вокзалу, выйти к зданию панорамы и тоже наступать на Рудольфову слободу. Группу правого фланга возглавил заместитель командира полка майор Сергей Буткевич. В ее составе был начальник политотдела дивизии подполковник Н. Д. Ермоленко.

В день штурма Севастополя жарко было и у артиллеристов. Еще вечером в Северную бухту вошел немецкий караван из шести самоходных барж и одного небольшого парохода. Тихо, едва различимые в темноте, с потушенными ходовыми огнями прокрались эти суда в Южную бухту. Суда каравана произвели погрузку солдат и военной техники, и, построившись в кильватерную колонну, стали выходить из Южной бухты. Во главе ее шел пароход. После выхода в Северную бухту, караван стал разворачиваться курсом на запад. В этот момент суда каравана подставили правый борт под огонь нашей артиллерии. Слаженно открыли огонь с Северной стороны орудия всех калибров. На фашистских транспортах поднялась паника; вопли гитлеровцев, обезумевших от огня нашей артиллерии, доносились до Северной стороны. С некоторых транспортов затаивали зенитки. Но после прямых попаданий наших артиллеристов, замолкли. Накренился и пошел на дно пароход. Пучина поглотила и четыре самоходные баржи. С тонущих судов в кипящую от разрывов воду посыпались сотни гитлеровцев. Но никто из них не добрался до берега. Одна баржа выбросилась на мель рядом с памятником затопленным кораблям. Огнем артиллерии баржа была подожжена и долго горела. Последняя в караване баржа пыталась прорваться в открытое море, но после нескольких метких попаданий снарядов, загорелась, сбавила ход и, едва выйдя в море, затонула.

В 72-м гвардейском стрелковом полку одним из первых начал форсировать Северную бухту взвод лейтенанта И. А. Сенина. Гвардейцы плыли на трех плотках. На самой середине бухты плот, на котором находился лейтенант Сенин, был разбит прямым попаданием снаряда. Сенин и несколько солдат оказались в воде. Тогда к ним подошли на своих плотках парторг роты рядо-

вой В. Титов и сержант И. Французов. Они перетащили Сенина и его бойцов на свои плоты и двинулись вперед.

Взвод лейтенанта Игоря Алексеевича Сенина первым в полку высадился на берег и атаковал гитлеровцев, засевших в полуразрушенном доме. Огнем из автоматов и гранатами гвардейцы проложили дорогу к дому и после короткого ближнего боя овладели им. Коммунист Василий Титов водрузил над захваченным зданием красный флаг. Дальнейшему продвижению 2-го батальона 72-го стрелкового полка мешал другой дом на высоком берегу, превращенный фашистами в опорный пункт. Его атаковала группа лейтенанта А. Д. Абрамчука. Первыми на штурм устремились коммунисты сержант Б. Белоусов и младший сержант Г. Косищев. Ворвавшись в дом, они гранатами уничтожили два пулеметных расчета гитлеровцев.

В районе балки Георгиевской быстро и организованно, почти без потерь, форсировал Северную бухту 71-й полк. Первыми на землю Севастополя здесь ступила группа бойцов, которую вел за собой парторг первого стрелкового батальона капитан Григорий Трофимович Дурасов. Действия батальона способствовали успешной высадке подразделений полка на южном берегу бухты. Теперь на Корабельной стороне развивали наступление стрелковые части дивизии.

Успешно двигались вперед, освобождая метр за метром, обе группы 70-го стрелкового полка. Группа майора А. С. Дрыгина с боем продвигалась вверх по склону и скоро выбила гитлеровцев из укреплений. Это облегчило действия группы Буткевича, подходившей к железнодорожному тоннелю. Перевалив гребень, группа под командованием Дрыгина без задержки устремилась вниз, преодолела Килен-балку и завязала бой на юго-восточной окраине слободы Корабельной. Гитлеровцы не выдержали атаки полка и побежали через Доковый овраг к Южной бухте.

Тем временем группа майора С. Буткевича пробила через первый железнодорожный тоннель и вышла на берег Килен-бухты. В прозрачно голубой воде, недалеко от берега, был хорошо виден затонувший эсминец. Преследуя отступающего противника, гвардейцы обогнули Килен-бухту и подошли к клочку земли, отбито-

му у врага несколько часов назад группой лейтенанта А. Ф. Земкова. Здесь к своему полку и присоединился последний защитник плацдарма Иван Дубинин.

• Впереди были вокзал и Южная бухта. Пробивались к ним в ожесточенных схватках с врагом. Вот показалось черное жерло тоннеля, последнего перед вокзалом. В кюветах были видны аккуратно уложенные и соединенные проводами авиационные бомбы. Внутри тоннеля стоял товарный вагон, к которому тоже тянулись провода.

— Пока наверху идет бой, нужно прорваться через тоннель, — предложил начальник политотдела подполковник Н. Д. Ермоленко, обращаясь к бойцам передовой группы.

Через несколько секунд под сводами тоннеля загремел призыв: «Даешь Севастополь!», грянуло гвардейское «ура!». Молниеносно пронеслись гвардейцы через тоннель, начиненный взрывчаткой. Но за тоннелем, из глубокой выемки, по наступающим ударили пулеметы. Воины залегли под высокой каменной стеной справа от полотна железной дороги.

Дальше следовало пробиваться к вокзалу. И в это время в севастопольском небе раздался могучий рокот моторов — над вокзалом и западным берегом Южной бухты прошли в четком строю эскадрильи двухмоторных бомбардировщиков с красными звездами на крыльях. Авиаторы сбросили смертоносный груз на головы обезумевших гитлеровцев.

Не успели рассеяться клубы дыма и пыли после бомбежки, как все услышали громкий голос подполковника Н. Д. Ермоленко:

— Впереди Севастополь! За мной, гвардейцы!

Воины поднялись в стремительную атаку. Вскоре они вышли к железнодорожному вокзалу и, преследуя бегущих гитлеровцев, начали взбираться вверх по крутому склону к зданию панорамы. Здесь сошлись обе группы наступавших подразделений 70-го полка. В этот момент противник открыл по зданию панорамы и Историческому бульвару шквальный пулеметный и минометный огонь. Майор Дрыгин под огнем противника быстро перегруппировал свои подразделения. Теперь гвардейцы устремились к Большой Морской короткими перебежками. Кругом рвались снаряды и мины, в

воздухе висели облака пыли и дыма. Встретился памятник строителю севастопольских укреплений генералу Э. И. Тотлебену. Война не пощадила и его: бронзовая фигура стояла без головы...

Тем временем наступающие роты 70-го стрелкового полка пробились на Большую Морскую. Улицы прошивают фашистские пулеметы, там и тут беспорядочно рвутся снаряды и мины. Из подвала одного разрушенного дома на правой стороне Большой Морской выскакивают женщины. Лица их светятся радостью и счастьем: «Наши пришли!». В руках у женщин ведра, котелки и просто банки, наполненные прохладной водой. Женщины не обращают внимания на огонь, подбегают к бойцам, обнимают и поят их..

Колонна 70-го полка с боем прорывается по улице Восставших, проходит мимо стадиона и поднимается в гору. Слева виднеется сохранившееся двухэтажное здание, обнесенное высокой каменной стеной.

В боевых порядках 70-го полка идет заместитель командира дивизии, Герой Советского Союза подполковник Л. И. Пузанов. Он увлекает роты в обход здания к Рудольфовой слободе. До нее всего пятьдесят метров. Противник продолжает вести оружейный огонь. Один из снарядов попадает в стену здания, взрывается и осыпает воинов осколками. Несколько человек ранены. Осколком снаряда сражен насмерть герой-гвардеец Иван Дубинин. Четвертый из пяти отважных, которые первыми форсировали Северную бухту.

Дивизия с боем достигает Рудольфовой слободы и получает приказ остановиться; освобождение Севастополя идет к концу. Из подвалов, блиндажей и других укрытий выползают с поднятыми, трясущимися руками гитлеровские вояки. Один из пленных совершенно подавлен и в ответ на все вопросы твердит: «Это ужасно, потерять всего за несколько часов крепость Теодорихгафен. Это невероятно». Только после дополнительных вопросов выясняется, что Гитлер, стремясь вытравить со всех географических карт грозное для фашистов имя города-героя, переименовал Севастополь в Теодорихгафен.

Около двух часов дня части дивизии на своем участке закончили бои по освобождению города от немецко-фашистских захватчиков.

В слободе Рудольфовой расположился штаб дивизии, сконцентрировались части и подразделения. Усилиями 2-й гвардейской, 51-й, Отдельной Приморской армии и моряков Черноморского флота освобождение Севастополя завершилось к 19 часам 9 мая 1944 года.

Едва на Севастополь опустились сумерки, как воины-победители дали грандиозный салют в честь освобождения города-героя. В темное южное небо взвились тысячи трофейных ракет, трассирующих пуль и снарядов зенитных орудий. Полковые и дивизионные артиллеристы салютовали стрельбой по противнику, отступающему на мыс Херсонес. Во время победного салюта гитлеровская артиллерия на Херсонесе открыла огонь по Рудольфовой слободе и другим окраинам Севастополя. Но фашистские орудия умолкли одно за другим, подавленные ураганным огнем нашей артиллерии. Только к полуночи закончился салют в Севастополе.

В час ночи Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта и кораблям Черноморского флота, освободившим город Севастополь.

Уставшие за пять дней штурма Севастополя воины отдыхали в ночь на 10 мая с чувством выполненного перед Родиной долга. Отдыху и сну победителей не могли помешать яростные атаки фашистских «Хейнкелей», которые всю ночь шли из Румынии через Черное море и беспорядочно высыпали свой груз на освобожденный от врагов Севастополь.

С утра 10 мая части 51-й и Отдельной Приморской армии начали бои по разгрому группировки противника на мысе Херсонес.

В это время дивизия получила приказ о выходе из Севастополя. Колонны медленно огибали Северную бухту, гвардейцы прощались с городом. Вспоминались слова адмирала Сенявина: «Самый лучший взгляд на Севастополь с Северной стороны».

Несколько минут тишины. Воины дивизии в скорбном молчании почтили память своих боевых товарищей, павших в боях за освобождение города-героя.



КОНЕЦ ФАШИСТСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

И снова бой. — На земле врага. —
Кенигсберг повержен. — Победа!

Дивизия вместе с другими соединениями 2-й гвардейской армии была выведена в резерв Главного Командования, получив приказ совершить марш и на станции Снегиревка Херсонской области погрузиться в эшелоны. С приподнятым настроением шли бойцы по освобожденной украинской земле. Но лица были суровы. С болью в сердце проходили они мимо разрушенных сел и деревень, перерытых пашен и исковерканных садов. Многие воины не скрывали своей тоски по земле, желания потрудиться на ней. Но все понимали: сначала надо разгромить врага.

Наконец был отдан приказ о погрузке. Эшелоны один за другим стали уходить со станции. А куда — никто не знал.

10 июня из Снегиревки точно по графику был отправлен последний состав. Не обошлось без курьезов. Так, командир 71-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка гвардии майор Степанов отбыл с первым эшелоном своей части, а на место выгрузки у станции Ельня Смоленской области прибыл последним. Этот эшелон был задержан в пути и загнан в тупик.

Морока была с лошадьми, которые не могут долго стоять на месте. Когда эшелон в пути — вагоны покачиваются и это заставляет животных все время переступать с ноги на ногу, чем в достаточной степени

обеспечивается необходимая им двигательная активность. Но если вагоны стоят, лошади перестают «шагать на месте» и их обязательно надо выводить. Но как это сделать? Не было известно, когда прозвучит сигнал к отправлению. Кроме того, эшелон стоял на высокой насыпи, а соорудить сходни было не из чего. Рисковать потерей тягловой силы гвардейцы не могли. И выход был найден. Помогла солдатская смекалка. Солдаты соорудили примитивные блоки, укрепив их на крышах вагонов. Из трофейных одеял и плащ-палаток для лошадей сделали подбрюшники. С помощью этой самодельной «системы» без особого труда, быстро, даже с шутками, спускали лошадей на землю. «Изобретение» пришлось как нельзя кстати, потому что эшелон простоял в тупике несколько суток.

К 22 июня 1944 года части соединения сосредоточились в районе Новоселки — Балакирево — Рыжий Угол. И здесь каждый час использовался для всесторонней боевой подготовки. К тому времени наши войска, развивая наступление, освободили от гитлеровских захватчиков уже более трех четвертей временно оккупированной территории и на большом протяжении вышли на советскую государственную границу. Ареной ожесточенных сражений стали земли республик Советской Прибалтики.

Фашистское командование применяло все меры к тому, чтобы удержать этот крайне важный в стратегическом отношении район, потеря которого была равносильна перенесению военных действий на территорию Германии.

В Прибалтике гитлеровцы сосредоточили весьма крупные силы. К 1 сентября 1944 года на оборонительном рубеже, протянувшемся от Немана до Финского залива, находилось 56 пехотных, танковых и моторизованных дивизий. В них насчитывалось свыше 700 тысяч солдат, 1216 танков и штурмовых орудий, около 7000 артиллерийских орудий и минометов, 400 боевых самолетов. Рубеж вражеской обороны имел глубокое — до 100 километров — эшелонирование¹. Позиции неприятеля усиливались еще и тем, что про-

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история, изд. 2-е, М., 1970 г., стр. 376.

ходили по западным берегам многочисленных рек, по лесам и болотам. Все это позволило врагу обороняться относительно малыми силами, создать сильные резервы и вызывало у него иллюзорные надежды на длительное удержание Прибалтики в своих руках.

Для прорыва немецко-фашистской обороны Верховное командование Советских Вооруженных Сил сосредоточило около 500 тысяч бойцов, 17480 орудий и минометов, свыше 3000 танков и самоходных орудий, 2640 боевых самолетов, не считая авиации Краснознаменного Балтийского Флота и резерва Главного командования¹. В весенне-летнем наступлении 1944 года принял участие и 1-й Прибалтийский фронт (командующий — генерал армии И. Х. Баграмян). Войскам фронта надлежало совместно с соседом слева — 3-м Белорусским фронтом (командующий — генерал армии И. Д. Черняховский) рассечь и изолировать друг от друга немецкие группы армий «Север» и «Центр», разгромить вражеские войска в Литве и перехватить сухопутные коммуникации группы армий «Север» в Восточной Пруссии.

В результате успешно проведенной Витебско-Полоцкой наступательной операции войска 1-го Прибалтийского фронта к началу июля подошли к восточной границе Литвы. С выходом советских войск на линию озеро Дрисвяты — Козяны — озеро Нарочь группа немецких армий «Север» оказалась охваченной с юга. В дальнейшем войска фронта должны были нанести удар в направлении на Каунас: овладеть рубежом Даугавпилс — Швенчение — Подбродзе, затем главными силами наступать на Каунас, а частью сил — на Паневжис и Шауляй.

Учитывая сложность предстоящих задач, Ставка приняла решение об усилении фронта и ввела в его состав две резервных армии: 2-ю гвардейскую (командующий — генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе) и 51-ю (командующий — генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер). Во 2-ю гвардейскую армию в составе 13-го гвардейского стрелкового корпуса входила и наша 24-я гвардейская, теперь уже Краснознаменная Евпаторийская стрелковая дивизия под командованием полковника П. Н. Дом-

¹ Там же.

рачева, который сменил полковника Колесникова, получившего 10 августа 1944 года новое назначение.

Дивизии предстояли бои в лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья. Вывалых воинов — участников сражений на Волховском направлении — такая перспектива не смущала. Наоборот, они, воюя в Сталинградских степях, на Дону и Маныче, на левобережье Днепра и в Крыму, не раз вспоминали леса и болота. Там, говорили они, легче ориентироваться, маскироваться, вести поиск, скрытно накапливать силы для атаки. Там в редкие минуты отдыха можно было соорудить себе шалаш с постелью из хвои и мха, там было из чего разжечь костер, чтобы обсушиться и обогреться. Бойцы шутили, вспоминая русскую пословицу: «В лесу — каждый кустик ночевать пустит». И «старые лесовики» заботливо учили ориентироваться и воевать в новых условиях тех солдат, которые пришли в армию из беслесных районов.

В конце июня дивизия получила распоряжение готовиться к маршу в направлении на Дорогобуж и Смоленск и к середине июля выйти в район восточнее Витебска, на участок озер Борово, Симоки, Ригоники. Началась усиленная подготовка. Ведь предстояло пройти более трехсот километров, причем скрытно, со строжайшей маскировкой на привалах и дневках. В эти дни большую работу провели работники политотдела дивизии во главе с подполковником Н. Д. Ермоленко, политический состав частей и подразделений, партийные организации.

Мы еще не знали, что на марше нас ожидает радостное событие. В один из дней, в районе Смоленска, части соединения были построены для торжественного вручения дивизии и 71-му гвардейскому полку боевых орденов Красного Знамени, которыми они награждались за героизм бойцов и командиров, за умение бить врага. В дивизию прибыли члены Военного Совета 2-й гвардейской армии и командование 13-го гвардейского корпуса. На гвардейские знамена соединения и полка, боевые награды прикрепили командующий армией генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе и начальник политотдела армии генерал-майор А. Я. Сергеев. Вручение орденов вдохновило гвардейцев на преодоление трудностей тяжелого марша.

Заместитель командира 19-го отдельного саперного батальона по политической части гвардии майор А. И. Ульянов, выступая на митинге, сказал: «Гвардейцы, мы возвращаемся на священные рубежи нашей Родины, на места, где приняли первые удары врага. Тогда нам пришлось отступить. Но мы поклялись вернуться и клятву свою выполнили. Мы вернулись! Вернулись затем, чтобы отомстить за нашу поруганную землю, за гибель отцов, матерей, за страдания детей, за героически павших в неравных боях наших боевых товарищей — однополчан. Поклянемся же, друзья-гвардейцы, драться до последней капли крови, не щадя своей жизни!».

На митинге в 71-м Краснознаменном полку начальник артиллерии капитан К. И. Шипилов заявил: «Я начал войну красноармейцем. В тяжелых боях первых дней войны мы уничтожили немало захватчиков, но нам пришлось отходить. Теперь я капитан, командую грозной силой полка — артиллерией. Клянусь использовать весь свой боевой опыт, всю силу и мощь наших орудий и минометов для великого дела победы».

Солдат И. Бондаренко из 72-го полка со слезами на глазах говорил: «Я молодой солдат, у меня еще мало боевого опыта. Но я хорошо понимаю, за что мы воюем, и буду бить врага до последнего вздоха. Ведь лютые изверги убили моих родителей, угнали в неволю сестру, надругались над нашей священной землей».

Радовали гвардейцев сообщения Совинформбюро, в которых ежедневно передавались вести о новых победах наших войск, об успехах тружеников тыла.

На марше дивизия получила приказ изменить направление и двигаться на д. Буры с задачей уничтожить противника, обороняющегося по западному берегу реки Свенты, на территории Литовской ССР. Вместе с приказом было получено обращение Военного Совета 2-й гвардейской армии. В приказе говорилось о необходимости ускорить марш, не дать врагу оправиться от нанесенного ему удара и закрепиться на новом рубеже обороны. Обращение Военного Совета к войскам армии заканчивалось словами:

«Товарищи бойцы, сержанты, офицеры! Товарищи гвардейцы! С нами вперед на запад идет наша гвардейская боевая слава. Это слава богатырей-сталинградцев, слава победителей на Миусе и на Молочной, слава

освободителей Крыма — бесстрашных героев Перекопа Сиваша, Тамани и Евпатории, героев Севастополя!

Будьте достойны этой славы, товарищи! Умножьте ее в предстоящих боях! Пусть враг вновь испытает на своей поганой шкуре силу грозных гвардейских ударов! Так вперед же, товарищи, на запад!

Скорей освободим родную Прибалтику и ворвемся в берлогу фашистского зверя! Приблизим час окончательной победы! В бой за Советскую Родину! Смело гвардейцы — в бой, на врага!»¹.

В ночь на 21 июня части соединения совершили форсированный многокилометровый марш по шоссе Даугавпилс—Ковно (Каунас), рассредоточились по обе стороны дороги и приготовились к бою. Впереди, за рекой Свента, виднелись населенные пункты Жмудейки и Видзишки, а за ними — город Вилкомир (Укмерге). Как доложила наша разведка, противник прочно укрепился по западному берегу Свенты. Используя выгодные условия рельефа местности, враг противопоставил наступающим гвардейцам большие силы: создал хорошо организованную систему пулеметного и артиллерийско-минометного огня, окружил себя минными полями, а на восточном берегу оставил сильно укрепленное предполье.

Командование соединения и частей тщательно готовилось к первому большому бою в Прибалтике. Как поведут себя солдаты и офицеры в новых условиях, как они будут драться с врагом в лесу, где боевое взаимодействие отделений, взводов, рот, артиллерии организовать значительно сложнее, чем на равнине. Особое беспокойство вызывали еще не обстрелянные бойцы. А задача, поставленная перед соединением по прорыву глубоко эшелонированной вражеской обороны, была очень ответственная. От ее выполнения зависело многое для дальнейшего хода операций на этом участке фронта.

Агитаторы в беседах напомнили воинам о том, как в этих местах донские казаки генерала М. И. Платова в июне 1812 года разгромили отборный корпус французских конников. Всем очень хотелось, чтобы и наш первый бой здесь был успешным.

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4021, д. 103, л. 175.

Боевой порыв гвардейцев проявился в первых же схватках с врагом. В бою на берегах Свенты была применена внезапная, без артиллерийской подготовки атака вражеского предполья. Используя ночное время, гвардейцы батальона капитана Барабанова из 70-го полка бесшумно сосредоточились перед вражескими позициями. С восходом солнца они бросились на гитлеровцев, застав их врасплох, умело действуя автоматами и гранатами, поддерживая друг друга, бойцы с ходу прорвали линию обороны противника.

Солдат Алексей Жуйков увлек за собой роту и первым достиг берега реки. Однако сразу переправиться через Свенту не удалось. Враг, поддерживаемый из глубины своей обороны на западном берегу, открыл сильный пулеметный огонь. Гвардейцам пришлось залечь. Продвижение рот замедлилось. Надо было что-то предпринимать.

В тыл бьющего с фланга немецкого пулемета пополз солдат Василий Тонконогов. Вот он уже почти у цели, враги не видят его. Резкий взмах руки — и граната взрывается возле пулемета. Отважные действия бойца, который уничтожил расчет вражеского пулемета и захватил при этом в плен фашиста, позволили всему батальону капитана Барабанова выйти к берегу реки.

Форсировать Свенту днем оказалось невозможным. Батальон продолжал уничтожать огневые средства и живую силу на вражеском предполье. Два других батальона 70-го и 71-го полков готовились к ночному бою и форсированию реки.

Сигнал к атаке был дан глубокой ночью. Орудия 50-го артиллерийского полка и стрелковых частей нанесли сокрушительный удар по обороне противника в полосе наступления дивизии. Грянул гвардейский клич: «За Родину! Ура!» Буквально по пятам преследуя уцелевших гитлеровцев из боевого охранения, воины переправились через реку и захватили плацдарм.

Весь следующий день шел ожесточенный бой. Враг непрерывно контратаковал, делая все, чтобы разгромить наши подразделения, вклинившиеся в его оборону. Но гвардейцы не отступили ни на шаг. Больше того, они медленно, но верно расширяли плацдарм, предоставляя возможность переправляться через реку основным силам соединения.

К исходу 23 июля все подразделения дивизии были на западном берегу Свенты и двинулись на Вилкомир. Опыт уличных боев в Севастополе, умение действовать в одиночку и маленькими группами хорошо помогали вести наступательный бой. Отличились воины батальона капитана Калинина из 71-го полка. Под покровом темноты роты старшего лейтенанта И. Григорьева и лейтенанта В. Седых, совершив глубокий обходный маневр, поставили противника под угрозу окружения. Гитлеровский 312-й полк в панике отступил. Развивая успех, дивизия к утру 24 июля полностью освободила Вилкомир. Это была первая и очень важная победа гвардейцев на новом участке фронта.

Однако на торжество у нас не было времени: предстояло преследовать отступающего врага. Выйдя на тыловые позиции гитлеровцев, умело используя лесистоболотистую местность, дивизия во взаимодействии с другими частями корпуса выбила оккупантов из населенных пунктов Таракай, Сесики, Паобялис и других. Совершая 15—20 -километровые, неожиданные для противника марши, гвардейцы то и дело угрожали ему окружением. В этом преследовании особую активность проявляли дивизионные и полковые разведчики капитанов Я. Е. Коробки, А. Новикова, В. Сидорова, лейтенанта И. Чихарева, старшины Д. Южакова. Внезапные действия отдельных разведгрупп и передовых отрядов стрелковых полков не позволяли противнику закрепиться на новых рубежах.

Наступление продолжалось в направлении небольшого литовского города Сурвелишки. Располагался он на западном берегу реки Невяжа, вдоль дороги, идущей на Кедайнай и далее на Каунас. Командование знало, что враг укрепил западный берег и намерен прочно удерживать его. Но точных сведений о его силах не имелось.

Передовой отряд 72-го полка, которым в то время командовал майор А. Н. Бельчуков, натолкнулся на плотный огонь врага в нескольких километрах от реки Паневежис. Разведчики лейтенанта Ивана Чихарева доложили, что противник перекрыл подходы к реке, создав на ее восточном берегу сильные опорные пункты. Дополнительная разведка установила также, что враг сплошь заминировал все возможные подходы к опор-

ным пунктам, расставив большое количество мин-сюрпризов. И вообще мин в этом районе боев было так много, что даже ветераны поражались.

Однако и это препятствие не ослабило наступательного порыва. Бдительность бойцов повысилась. В преодолении инженерных сооружений хорошо помогло проведенное ранее обучение способам обнаружения и обезвреживания мин. Почти каждый наш разведчик выполнял эту опасную работу. Отлично действовали минеры батальона капитана Д. Тюкова, а также полковых саперных взводов.

Мощные укрепления свидетельствовали о том, что враг не намерен уходить с выгодных для него позиций. Было замечено усиленное передвижение войск неприятеля в его тылу. Возникло предположение, что враг проводит перегруппировку сил. Однако цели этого маневра, количество сил, вовлеченных в него, еще не были установлены.

Командование армии и корпуса потребовало от командиров соединений и полков усилить разведку, во что бы то ни стало брать контрольных пленных, внимательно следить за обстановкой в полосе действий своих подразделений.

Широкие действия разведчиков дали свои результаты. Удалось установить расположение нескольких опорных пунктов противника на подступах к реке Невьяжа, точно определить оборону врага по ее западному берегу, засечь огневые точки. Разведчики захватили и несколько «языков». Но несмотря на собранные данные и показания пленных, полного представления о силах и замыслах врага все еще не было.

Командир дивизии приказал помощнику начальника разведки капитану О. С. Белкину искать пути для получения новых данных. Капитан Белкин создал из добровольцев группу, в которую вошли наиболее опытные и отважные разведчики. Группе надлежало проникнуть через линию фронта и передавать сведения в штаб дивизии по радию. Добровольцев оказалось много. Сформировались две группы: одна — для заброски в тылы противника, другая — для обеспечения прохода первой группы через линию фронта.

Задание взволновало разведчиков. Они напряженно готовились к выполнению задания. Санинструк-

тор роты Галина Балакина убеждала командиров включить в группу, которая пойдет во вражеский тыл, воспитанников роты — юных разведчиков Юру Карелина, Леню Федосова и ее — Галю Балакину. Отважная девушка считала, что подростки и девушка в одежде местных жителей не вызовут особых подозрений, и им будет легче, чем взрослым, собирать необходимые сведения. Кроме того, медик мог очень пригодиться группе. После колебаний капитан Белкин и командир роты Коробка наконец согласились.

В первую группу вошли опытные разведчики Илья Зубов, Григорий Жердицкий, Иван Сычугов, радист Дмитрий Куликов, подростки Юра Карелин и Леня Федосов и санинструктор Галина Балакина. Командиром группы был назначен ветеран роты, отважный и опытный разведчик Илья Зубов. Во вторую группу под командованием тоже опытного разведчика Николая Осипова были включены Анатолий Копылов, Григорий Задубровский, Леонид Воронков и Тихон Изотов.

Все горели желанием как можно лучше выполнить ответственное задание командования. Однако беспокоила не только сложность задачи. Многие думали об опасности, которая ждет любимцев роты Юру и Леню и разведчицу Галку (так звали ее в роте). Все знали, что она прошла с разведротой большой путь от Котельникова до Прибалтики. Не боялась выходить на нейтральную полосу, чтобы оказать первую помощь раненым, под огнем врага вынести их с поля боя. Галина Балакина ушла добровольцем на фронт в первые месяцы войны, оставив учебу на первом курсе Московского авиационного института. Все любили ее за твердый и веселый характер.

Наконец было выбрано место для перехода в тыл врага, а базу для наблюдения за противником оборудовали на небольшом холме в нейтральной полосе.

Визуальная разведка помогла установить, что основная линия обороны немцев проходит по западному берегу реки, господствующему над полями, перелесками, лугами и болотами. Здесь была сплошная линия траншей. В глубине ее просматривались отдельные строения и каменная крепостная стена города Сурвелишки. На нейтральной полосе виднелся хутор.

К исходу дня, не обнаружив движения в районе

хутора и прилегающей к нему лощины, разведчики Зубов, Сычугов, Копылов и Жердицкий подобрались к нему. Здесь они слышали шум моторов. Затем уловили немецкую речь. Можно было предполагать, что в лесу за хутором находятся несколько вражеских танков или грузовиков и два-три десятка человек.

Воспользовавшись затишьем, разведчики решили обследовать хутор. Они обошли постройки и убедились, что немцев там нет. Постучались в дом. Дверь открыл старик, плохо говоривший по-русски. Узнав, что пришли советские, литовец разбудил старую женщину и провел разведчиков в дом. Здесь их встретил подросток, племянник хозяина дома. Старушка угостила разведчиков молоком и хлебом. Но гостеприимные хозяева ничего путного о противнике сказать не могли. Поблагодарив за хлеб-соль, разведчики посоветовали им на время покинуть хату. Здесь может быть бой. Однако уйти из дома они не захотели. Когда окончательно стемнело, разведчики вернулись на наблюдательный пункт.

На другой день, едва рассвело, они увидели, что со стороны хутора движутся цепью более тридцати гитлеровцев. Отходить было поздно. Решили дать бой.

— До команды не стрелять! — приказал Зубов.

Враг приближался. Особенно выделялся их командир, высокий и сытый рыжий офицер. Вдруг в нашей цепи затрещала автоматная очередь. Это не выдержал Юра. Тотчас заработали еще одиннадцать автоматов.

— Хлопцы! Экономьте патроны! — приказал Зубов.

Не рассчитывая на скорую подмогу, бойцы хладнокровно вели бой. Их меткие выстрелы в первую же минуту сразили нескольких фашистов, в том числе и рыжего командира. Атака врага захлебнулась. Немцы залегли и повели огонь по холму. Одна группа попыталась обойти разведчиков справа.

— Жердицкий, Сычугов, быстро на скаты холма! Не пустить немцев в тыл! — подал команду Зубов.

Она оказалась своевременной: враг, обходивший курган, попал под сильный огонь разведчиков.

Но и на этом бой не закончился. Гитлеровцы еще несколько раз поднимались в атаку и каждый раз откатывались назад. Наконец, после очередной безрезультатной попытки сломить сопротивление группы смельчаков, фашисты отступили.

Разведчики осмотрели поле боя. Они обнаружили более десяти трупов гитлеровских вояк. В отряде разведчиков трое получили легкие ранения. Скоро группа связалась с командиром дивизии и получила приказ вернуться в штаб.

Разведчики не смогли пройти в тыл врага. Помешали непредвиденные обстоятельства. Однако их бой с превосходящими силами врага помог подразделениям полностью выбросить немцев за реку Невяжа и выйти к основной линии их обороны на западном берегу.

На следующий день дивизионные разведчики, действуя впереди наступающих подразделений, проходили через знакомый хутор. Здесь их ждала жуткая картина: хозяин и хозяйка дома, старые больные люди, были зверски убиты, а над их телами рыдал племянник старика. Гвардейцы, вновь увидев звериное лицо фашизма, поклялись отомстить врагу и за это злодеяние.

Преследуя гитлеровцев, выбитых из опорного пункта на подходах к реке Невяжа, батальоны 72-го полка поднялись в атаку. Но под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника роты залегли. Только девятая рота гвардии старшего лейтенанта Николая Рукавишникова, наступавшая на левом фланге, сумела преодолеть ржаное поле, болотистый луг, с ходу форсировать водную преграду и вплотную подойти к траншеям врага. Не получив поддержки, рота тоже остановилась и стала спешно окапываться.

Атака не удалась оттого, что командовавший полком гвардии майор Семен Чебонян, рассчитывая на стремительное продвижение, не обеспечил подавление огневых точек противника на переднем крае и в глубине его обороны. Полковая артиллерия и батальонные минометы были не в силах выполнить эту задачу. А оборона фашистов была более прочной, чем казалась.

Полк понес ощутимые потери: был ранен командир третьего батальона гвардии капитан М. А. Холмогорцев, выбыло из строя еще несколько командиров.

В тяжелом положении оказалась рота Рукавишникова. Враг непрерывно вел по ней артиллерийский и пулеметный огонь, стремясь отеснить за реку. Геройски сражались гвардии старший сержант Николай Анацкий, гвардии рядовые Иван Полищук, Шараф Галанец, Максим Николаенко, Николай Штыколенко и

другие. Они подпускали фашистов почти вплотную, а затем уничтожали их. Но гибли и гвардейцы. Выбыли из строя командиры взводов, заместитель командира роты. Остался единственный офицер — Рукавишников. Будучи раненым, он личным примером вдохновлял солдат. Сильный огонь врага не заставил гвардейцев оставить занятые рубежи.

Постепенно налаживалось взаимодействие подразделений. Артиллерия успешно подавляла пулеметные точки на городской стене и в зданиях, минометы накрывали огнем вражеские батареи в глубине обороны.

До конца дня батальоны полка еще трижды пытались выйти на линию девятой роты. Но атаки оказались безуспешными.

В роте Рукавишникова кончались боеприпасы и перевязочные материалы. Тяжелораненых необходимо было срочно эвакуировать. В эти трудные часы отличился агитатор полка гвардии капитан Борис Редько и комсорг старший лейтенант Константин Клеменков. Вместе с пятью солдатами и четырьмя санитарями, под сильным огнем врага они доставили в роту боеприпасы, перевязочный материал, продукты и сумели эвакуировать тяжелораненых. Получив помощь и подкрепление, рота Рукавишникова удержала рубеж до наступления темноты.

Ночью через реку перебрались остальные подразделения полка. Не ожидая рассвета, батальоны пошли в атаку. Это принесло успех. Ночного боя, поддержанного артиллерийским и минометным огнем, враг не ожидал. Гвардейцы ворвались в траншеи фашистов и вступили в рукопашную. Немцы, оставляя раненых и убитых, скрылись за городской стеной. Но и это их не спасло. На поддержку 72-му полку был брошен третий батальон 71-го Краснознаменного полка. Командир батальона капитан Н. Ивченко, обойдя с ротой старшего лейтенанта В. Сергеева городскую стену с севера, ворвался в город и повел бой на улицах. Узнав об этом, гвардейцы 72-го полка усилили натиск и тоже проникли в город.

Фашисты предприняли отчаянную попытку удержаться в опорном пункте, созданном на кладбище. Но сюда с юга ворвалась рота Рукавишникова, а с севера рота Сергеева. В рукопашной схватке гвардейцы выби-

ли фашистов из последнего опорного пункта, а к утру полностью очистили Сурвелишки от врага.

Разгрому немцев на кладбище во многом содействовали артиллеристы батареи старшего лейтенанта Шишкина из 72-го полка и лейтенанта Афонина — из 71-го. Сопровождая роту Сергеева, орудие сержанта С. Ковалева прямой наводкой уничтожило пулемет с расчетом, преграждавший гвардейцам дорогу на улицы города. Расчет гвардии старшего сержанта П. Аёшина из батареи Шишкина, раньше всех преодолев трудно проходимое болото и реку, выкатил орудие на высоту и огнем прокладывал дорогу пехоте.

Не менее мужественно сражались пехотинцы. Солдат Уманец бросился на гитлеровцев, перетаскивавших тяжелый пулемет на более удобное место. Гвардеец успел очередью из автомата уложить двух гитлеровцев, а третьего оглушил прикладом. С подоспевшим сержантом Антощенко, Уманец развернул пулемет, захваченный у врага, и стал расстреливать гитлеровцев.

Тяжелый бой в невыгодных для наших воинов условиях закончился победой. Только на кладбище гитлеровцы потеряли убитыми более ста солдат и офицеров, артиллерийскую и минометную батареи.

Но и штурм вражеских укреплений нелегкой ценой достался гвардейцам. В рукопашном бою погиб любимец роты бесстрашный офицер Николай Рукавишников. Был тяжело ранен заместитель командира батальона по политической части Михаил Осипов, принявший на себя командование батальоном.

В конце июля 1944 года войска 2-й гвардейской армии разгромили соединения врага, действовавшие на смежных флангах групп армий «Север» и «Центр», и способствовали продвижению войск 1-го Прибалтийского фронта на глубину 100—140 километров. Советские войска оказались на ближайших подступах к столице Латвии — Риге и к побережью Рижского залива.

Продолжая наступление, соединения 2-й гвардейской армии 10 августа вышли к реке Дубисса и овладели городом Расейняй, а вскоре заняли железнодорожный узел Ауце, перерезав железную дорогу, связывающую Елгаву с портом Лиепая.

Гитлеровское командование принимало спешные меры к ликвидации этого прорыва. Для ликвидации Рижского выступа немцы подтянули около тысячи танков и самоходных орудий. Они рассчитывали разгромить советские войска в районе города Шауляй и развить удар на Елгаву. При этом главная сила танкового тарана была направлена на 2-ю гвардейскую армию, которая перешла к обороне на фронте протяженностью 110 километров.

Перед началом наступления противник бросил на левый фланг 2-й гвардейской армии 80 танков в сопровождении полка пехоты. Не считаясь с огромными потерями, гитлеровцы рвались вперед, и им удалось захватить Расейняй. Но дальше продвинуться неприятелю не дали. В этом бою основную тяжесть удара приняли на себя воины 24-й гвардейской дивизии. Бронебойщики и артиллеристы 50-го полка сожгли 23 танка противника.

Днем 16 августа враг контратаковал наши части из района Кельмы вдоль шоссе на Шауляй. Он рассчитывал сковать оборонявшиеся здесь войска 2-й гвардейской армии и облегчить нанесение удара по Шауляю с запада. Двенадцать дней длилось ожесточенное сражение. 2-я гвардейская армия совместно с войсками 51-й армии и фронтовыми резервами нанесли серьезное поражение гитлеровцам. Только с 16 по 26 августа немецко-фашистские войска потеряли более 15 тысяч солдат и офицеров, до 350 танков, самоходных установок и 270 орудий¹.

В течение сентября 2-я гвардейская армия крупных военных действий не вела. Она укрепляла оборонительные сооружения по восточному берегу реки Дубиссы. Но это были предгрозовые дни. Воины готовились к решительным действиям на Клайпедском направлении, чтобы выбить врага из Прибалтики.

5 октября при поддержке танков и авиации наша дивизия вместе с другими соединениями форсировала реку Дубиссу. Противник был выбит с занимаемых позиций. Наступление развивали танкисты. К исходу третьего дня боев дивизия в составе 13-го корпуса продвинулась вперед на 30 километров.

¹ История Прибалтийского военного округа, стр. 155.

За последние семь дней войска 2-й гвардейской армии освободили более 1700 населенных пунктов Литовской ССР, уничтожили 124 танка и штурмовых орудия, захватили 110 пушек и много другой техники¹.

В результате успешного осуществления Мемельской наступательной операции около сорока дивизий врага были отсечены от Восточной Пруссии и оказались в кольце между Тукумсом и Либавой.

В этих боях особенно отличились части нашей дивизии — 70-й и 71-й гвардейские стрелковые полки. Они первыми прорвали сильно укрепленную неприятельскую оборону и пересекли государственную границу, первыми в этой войне ступили на землю врага. К исходу следующего дня, после начала прорыва, воины, преодолев упорное сопротивление противника, вышли к Неману, близ города Тильзит.

В ноябре и декабре дивизия была занята на строительстве дорог в лесисто-болотистой местности в направлении Курляндского полуострова.

Под гвардейскими знаменами нашего соединения сражалось немало мужественных, беззаветно преданных Родине и Коммунистической партии сынов и дочерей.

Светлую память оставил в сердцах однополчан Герой Советского Союза гвардии капитан Петр Иванович Сизов, уроженец села Терпение Мелитопольского района Днепропетровской области. В предвоенные годы он трудился в аппарате Ургенченского райкома партии Узбекистана. Весной 1942 года Сизов был призван в Красную Армию. В 71-й гвардейский Краснознаменный стрелковый полк Петр Иванович пришел в июле 1943 года на должность политрука роты. В первом же бою он проявил себя умелым организатором. Вскоре Сизов возглавил партийное бюро полка и прослужил в должности парторга до конца жизни.

Политработник Петр Иванович Сизов выделялся не только отвагой в боевой обстановке. Он обладал завидным умением быстро сближаться с людьми, хорошо понимал их нужды и по-дружески делил с ними тяготы

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 585, л. 133.

фронтной жизни. Парторг Сизов был наделен талантом страстного агитатора и пропагандиста.

Коммунист П. И. Сизов 21 октября 1944 года пал смертью героя. Вот как это случилось.

Части нашего соединения рвались к берегам Немана в районе города Тильзит. Шла упорная подготовка к штурму этого крупного промышленного центра. Накануне наступления Сизов всю ночь провел среди бойцов. С рассветом 20 октября началась атака. Густой туман мешал наблюдению за действиями противника, который большими силами пошел на левом фланге 71-го полка в контратаку. Создавалось критическое положение, так как некоторые необстрелянные бойцы начали отходить. В эту минуту среди воинов появился капитан Сизов.

— Гвардейцы не отступают! — раздался его голос. — Стоять насмерть...

Фашистская контратака была отбита.

На другой день наше наступление возобновилось и развивалось успешно. Враг был выбит из первой линии траншей, и жаркий бой шел уже в глубине его обороны. Но вот сильный пулеметный огонь прижал к земле атакующую роту гвардейцев. Наступление приостановилось.

В это время, словно бы из-под земли, вырос не привыкший кланяться пулям парторг Сизов. Он поднял воинов и повел их в атаку.

В разгар боя капитан заметил, что фашисты устремляются на новом рубеже станковый пулемет. Вот-вот он полоснет по наступающим... Подав команду поддержать его огнем, отважный офицер бросился вперед. Когда до пулемета осталось не более двадцати метров, Сизов метнул гранату. Но в тот же миг бросили гранату и фашисты. Так героически погиб парторг полка. Но и вражеский пулеметный расчет был уничтожен.

Славному сыну советского народа, коммунисту Петру Ивановичу Сизову, ратные подвиги которого ранее были отмечены двумя орденами Красной Звезды, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1945 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом министра обороны капитан Петр Иванович Сизов навечно зачислен в списки 1-й роты 71-го гвардейского Краснознаменного полка.

Петра Ивановича Сизова похоронили недалеко от города Пагеляй. После войны его останки были перенесены в этот город. Теперь одна из дружин юных пионеров столицы Литвы — Вильнюса носит имя Героя Советского Союза гвардии капитана Сизова.

В конце декабря 1944 года 2-я гвардейская армия была переведена из состава 1-го Прибалтийского в 3-й Белорусский фронт, которому предстояло решать важную стратегическую задачу по разгрому немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии. Советская Армия подошла к «логову фашистского зверя».

Силы противника здесь были весьма внушительными. Они опирались на мощные долговременные укрепления, естественные преграды, населенные пункты, приспособленные к обороне. Группировка немецко-фашистских войск насчитывала 580 тысяч солдат и офицеров, 8200 орудий и минометов, 720 танков и штурмовых орудий и 515 самолетов¹.

В центре Восточной Пруссии, за Мазурскими озерами, глубоко под землей находился командный пункт ставки Гитлера.

На Восточную Пруссию гитлеровское командование возлагало большие надежды. Для немецко-фашистской Германии она была ценна не только как база, плацдарм неоднократных походов на Восток, но и как житница страны. Отсюда можно было ударить во фланг нашим войскам, стремительно продвигавшимся к Берлину.

В условиях бездорожья, в туман и снегопад обычных для Восточной Прибалтики в это время года, части 2-й гвардейской армии скрытно, форсированным маршем за шесть ночей преодолели около трехсот километров и вновь подошли к реке Неман. Переправа на левый берег началась в ночь на 22 декабря. По реке плотно шла шуга, переправочные средства покрылись наледью. Особенно сложно было переправлять технику. Бойцы вручную затаскивали на понтоны орудия и транспортные средства и сгружали их с большой осто-

¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., Политиздат, 1970, стр. 421.

рожностью. Оплотай кто-нибудь — мгновенно люди и техника могли оказаться в студеной воде. Трудная переправа завершилась организованно. Уже к рассвету части сосредоточились на границе Восточной Пруссии в районе населенных пунктов Эйдкунен — Пилюпинин.

В ночь на 26 декабря соединения 2-й гвардейской армии сменили части 11-й и 28-й армий на рубеже Грюнвайтшен, юго-восточнее озера Гольдапер-Зее. Наши войска готовились к решительному штурму фашистской обороны и продвижению в пределы центральных и западных районов Восточной Пруссии.

В оставшиеся до наступательных операций дни гвардейцы учились преодолевать сильно укрепленные рубежи и преследовать неприятеля в новых условиях. Особое внимание уделялось методам ведения боя в траншеях, действиям штурмовых групп и отрядов по блокировке долговременных огневых точек в любое время дня и ночи.

Перед 28-километровым фронтом войск 2-й гвардейской армии стояли отборные вражеские части, находившиеся в глубоких траншеях и долговременных оборонительных сооружениях. Правому флангу фронта, где занимала оборону наша 24-я дивизия, противостояла 2-я механизированная дивизия «Герман Геринг», а за ее спиной — танковая дивизия. Фашистские войска активно готовились к отражению атак наших войск, они верили в неприступность укреплений. На некоторых участках имелось по 10—15 артиллерийских стволов на километр фронта.

На участке фронта 24-й дивизии инженерные укрепления противника простирались до четырех километров в глубину. Траншеи полного профиля в пять-шесть линий, наиболее мощными из которых считались вторая и третья. Рубеж насыщен эшелонированными заграждениями. В тылу противник располагал густой сетью хороших дорог, по которым можно было быстро перебрасывать живую силу и технику с одного участка на другой.

В конце декабря 1944 года и первой половине января 1945 года наша дивизия укрепляла свою оборону на фронте около пяти километров. Во втором эшелоне подразделения обучались наступательным дейст-

виям, ночному бою с пехотой и танками. Занятия проводились на местности, похожей на ту, на которой располагались гитлеровские войска. В этих целях широко использовался опыт подготовки к штурму Перекোпа весной 1944 года. Воздвигались учебные укрепления, подобные тем, которые имелись у неприятеля. Гвардейцы штурмовали их вслед за огнем вылом боевой стрельбой. Причем учения, так же как и в украинских степях, проводились скрытно, вдали от линии фронта и при плохой видимости с воздуха.

Офицерский состав тщательно изучал оборону немецко-фашистских войск. Одновременно велась всесторонняя разведка, совершались планомерные вылазки в тыл врага.

В задачу второй гвардейской армии командование 3-го Белорусского фронта поставило сковывающие действия, вспомогательный удар против врага. Она должна была добиться свертывания обороны противника в направлении городов Буйлиц и Даркемен. Одновременно в этом же направлении наносился удар по врагу правым крылом, на котором были сосредоточены части 13-го гвардейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта А. И. Лопатина¹.

В первом эшелоне 13-го корпуса шла 24-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника П. Н. Домрачева, во втором — 3-я гвардейская стрелковая дивизия, которую возглавлял полковник Г. Ф. Полищук. 87-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора К. П. Тымчика находилась в резерве армии.

Подготовка к операции завершилась 12 января 1945 года.

Наступило утро 13 января. Земля окутана плотным туманом. В 9 часов со стороны Грюнвайтшена донесли залпы «катюш», вслед за ними раздался оглушительный грохот сотен орудий на главном направлении фронта нашего соседа слева — 28-й армии.

Через три дня к выполнению поставленной задачи приступили войска 2-й гвардейской армии. Днем 16 ян-

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 79, л. 10.

варя после короткой артподготовки части 24-й, 87-й и 3-й гвардейских стрелковых дивизий при поддержке танков и самоходных орудий атаковали противника на рубеже Нештонкемен — Замелюкен — Шестокен и к исходу дня заняли его первую и вторую траншеи. В этот день противник предпринял 15 контратак силами от роты до батальона в сопровождении 6—8 танков, но удержать свои позиции ему не удалось¹. В ходе боя многие опорные пункты неоднократно занимались то нашими, то фашистскими частями.

Через день наша дивизия возобновила наступление. Вновь завязались ожесточенные схватки. Фашистские войска десять раз бросались в контратаку. 19 января гвардейцы предприняли решительные действия и отбросили противника на 2—3 километра. Наибольшего успеха добились полки 24-й дивизии. Части соединения форсировали реку Роминте и 20 января овладели крупным опорным пунктом противника — городом Перкален, способствовали тем самым выполнению первой тактической задачи армии.

Основная группировка войск 3-го Белорусского фронта развивала успех на главном направлении Гумбинен — Инстербург. Одновременно сокрушительные удары по неприятельским рубежам нанесла 2-я гвардейская армия. Это вынудило парализованные части 2-й механизированной дивизии «Герман Геринг» и 21-й пехотной дивизии врага 21 января форсированно отходить на Даркеменские укрепления.

Январские сражения 1945 года стали одними из крупных, в которых участвовали гвардейцы 24-й дивизии. Солдаты, сержанты, старшины, офицеры показывали образцы героизма и отваги. Многие из них отмечены за это орденами и медалями. Командир соединения вручал воинам награды непосредственно на поле боя. Среди награжденных были младший лейтенант Николай Гигиев, пулеметчик Иван Дорофеев, разведчик Алексей Спицын...

Вот один из примеров героизма, проявленного гвардейцами 24-й дивизии в январских боях. На подступах к городу Гумбинен командир роты 72-го полка капитан В. И. Рыжов под покровом ночи вывел бойцов на ис-

¹ Архив МО СССР, ф. 303, оп. 4005, д. 741, лл. 50, 54, 58.

ходные рубежи. Предстояло овладеть важным опорным пунктом, опоясанным двумя линиями траншей полного профиля, перед которыми было минное поле и проволочные заграждения. Кирпичные здания здесь были приспособлены для кругового обстрела. Все подступы простреливались на расстояние до тысячи метров. В тыл противника вели два хода сообщения.

Взводу старшего лейтенанта Самедова командир роты поставил задачу: внезапно занять ход сообщения с тылами. В короткой жаркой схватке гвардейцы Самедова уничтожили 20 фашистских солдат и выполнили приказ. Одновременно взводы лейтенантов Антипова и Кислицына атаковали фашистов с фронта. Под сильным огнем взвод Самедова не дал противнику доставить боеприпасы из тыла. На рассвете 20 января враг решил уничтожить взвод. Фашисты семь раз поднимались в контратаки, но безуспешно. Только по приказу командира роты гвардейцы оставили траншею, заняв неприятельский блиндаж. Завершила дело артиллерия. Опорный пункт врага пал.

Таких примеров мужества и отваги, проявленных воинами нашей дивизии в этих боях сотни. Массовый героизм гвардейцев в сочетании с умелым руководством боевыми операциями позволил дивизии в короткий срок прорвать два мощных рубежа.

К середине февраля 1945 года наши войска, блокировав с трех сторон город-крепость Кенигсберг, продвигались по Земландскому полуострову, стремясь овладеть портом и военно-морской базой Пиллау. Противник упорно оборонял Кенигсберг и водный канал — единственный путь, связывающий город с портом, а по Балтийскому морю — со своими тылами. С упорством обреченных гитлеровцы оборонялись и на Земландском полуострове.

Почувствовав угрозу окружения фашистской цитадели — Кенигсберга, противник 19 февраля предпринял попытку отеснить наши войска от города. В бой были брошены большие силы артиллерии, танков, пехоты. В результате трехдневных боев гитлеровцы несколько потеснили наши передовые части. 24-я дивизия к моменту этого контрнаступления находилась в резерве и готовилась к предстоящим боям. 23 февраля она получила приказ приблизиться к частям, отража-

ющим фашистские контратаки. Комдив вызвал в штаб командиров частей для уточнения обстановки и получения боевого приказа.

Командир 71-го полка гвардии майор Т. И. Степанов, отдав необходимые распоряжения своему заместителю майору Давиденко, направился в сопровождении лейтенанта Василия Букина и связного сержанта Шарифа Гильмидинова в штаб дивизии. Майор, прикинув по карте путь, а он был не более четырех километров, решил, что прибудет к комдиву за 10—15 минут до назначенного времени. Часть пути Степанов прошел вместе с разведчиками, выступившими в указанном полку западном направлении, а затем двинулся лесом. С опушки хорошо просматривался хутор, в котором располагался штаб дивизии. В это время с юго-западного и северного направлений внезапно открылась сильная пулеметно-минометная стрельба. На дороге, по которой двигались наши войска на запад, образовалась пробка. Некоторые части стали рассредоточиваться, отходить. Разгоревшийся бой быстро прижился.

Майор Степанов и сержант Гильмидинов устремились к штабу дивизии. Однако бежать по раскисшему полю было трудно. Мешали канавы с водой и снегом. До штаба оставалось не более трехсот метров. Казалось — рукой подать. Но плотный артиллерийский и минометный огонь заставлял то и дело прижиматься к земле. Еще рывок. Вдруг со стоном повалился Гильмидинов. Его гимнастерка на груди окрасилась кровью. Почувствовал сильный удар в правое бедро и Степанов. Комполка, как смог, перевязал сержанта и себя. Выждав момент, он взвалил связного на плечи. Преодолевая боль, пошел вперед. Выносливость и сила не раз выручали Степанова на фронте. До войны он был мастером спорта по борьбе.

Но вот перед ним широкая канава, полная воды. Не снимая раненого с плеч, Степанов прыгнул через нее. И не смог удержаться на бровке: дало знать о себе ранение. Майор почувствовал, что сползает вниз. Вот он уже по грудь в воде, а под ногами все еще нет твердой опоры. Ожогла мысль: «Неужели придется так нелепо погибнуть?» Майор решил для начала уложить Гильмидинова на берег. Но эта, казалось бы, про-

стая задача была выполнена только с пятой попытки. Теперь можно было подумать о себе...

На войне бывает всякое. Немало встречал неожиданностей гвардии майор Степанов, прошедший большой путь от командира стрелкового взвода до командира прославленного полка.

...И вот истекающий кровью Степанов не может выбраться из канавы.... «Нет, так нелепо не погибать! — сам себе сказал Терентий Иванович. — Спокойнее. Должен же быть выход!» — Он попробовал пробивать в отвесной стене канавы ступеньки. Сразу это не удалось. Пришлось долго бить в стенку здоровой ногой, опускаться с головой в воду и выскребать углубления руками.

Наконец он на берегу. Степанов прилег рядом с товарищем, чтобы хотя немного отдышаться. Однако уже через минуту встал, попытался поднять сержанта. И не смог. Степанов кричал, звал на помощь, но никто не слышал его. Тогда он напруг остаток сил и взвалил связного на плечи. Но не сделав и десятка шагов, как взрывная волна разорвавшегося поблизости снаряда свалила его. Их, офицера и сержанта, лежавших без сознания, нашли связисты...

В свой полк майор Степанов не вернулся. Врачи госпиталя, где начальником был бывший старший врач 71-го полка Петр Петрович Гнатко, долго боролись, чтобы избежать ампутации ноги.

День Победы над фашистской Германией Степанову пришлось встретить в госпитальной палате. Вместе с радостью великой победы над фашизмом майора очень огорчило сообщение о смерти его боевого товарища сержанта Шарифа Гильмидинова.

....В январе 1945 года после ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта блокировали Кенигсберг с севера, востока и юга. Предстояли завершающие бои по овладению форпостом немецкого фашизма в Восточной Пруссии.

На протяжении семи веков немецкие захватчики совершали отсюда варварские набеги на славянские земли, грабили и разоряли русские селения. Почти все города, поместья, деревни и хутора строились здесь

на выгодных для ведения войны высотах. Стены домов, окна и особенно подвалы были сооружены с расчетом быстрого приспособления их для обороны. Тысячи военных поселенцев-пруссак превращали свои дворы и дома в крепости.

На территории Восточной Пруссии были созданы сотни крупных казарм и складов, ремонтные заводы и мастерские, рассчитанные на размещение и оснащение огромной наступательной армии. Железные дороги и автостреды были подготовлены для маневра больших войсковых соединений. Десятки аэродромов и портов были в состоянии принимать в неограниченном количестве самолеты и военные корабли.

Да, особая роль отводилась Кенигсбергу. Фашистская печать в 1941 году пророчила ему роль нового центра «Великой Германии», которая будет простираться от Балтики до Урала и Индии.

Весной 1945 года Советская Армия подошла вплотную к цитадели Восточной Пруссии. Перед войсками 3-го Белорусского фронта стояла исключительно сложная задача. Прежде всего нужно было разорвать внешнюю линию обороны. Она подковой охватывала город, находясь от его центра в шести-семи километрах и состояла из пятнадцати фортов. Между ними по последнему слову военной техники и фортификации были возведены массивные доты, линии траншей, противотанковые рвы, установлены надолбы, минные поля, проволочные заграждения.

Каждый форт — настоящая крепость. Они вмещали в себя казармы, боевые казематы, артиллерийские бастионы, пулеметные капониры, арсеналы, продовольственные склады. Там имелись свои электростанции, колодцы с питьевой водой, госпитали, радиостанции. Сам форт — огромное сооружение из железобетона и кирпича с двойными трехметровыми стенами. Он как бы врос в землю, прикрываясь ее 2—3-метровой толщей, и казался, если смотреть сверху, обыкновенным холмом, поросшим деревьями и кустарниками. В каждом таком «холме» находился гарнизон в 300—400 солдат и офицеров, стояло от 15 до 25 орудий крупных калибров и 10—15 пулеметов разных систем.

Центр Кенигсберга прикрывался вторым, внутренним поясом укреплений, состоящим уже из двадцати

четырёх «холмов». А непосредственно в центре, на склонах Литовского вала, было ещё девять фортов. Всю эту глубоко эшелонированную оборону венчала возвышавшаяся на крутом берегу реки Прегель 90-метровая башня королевского замка.

Город состоял из 862 кварталов, дома которых с двух- и трехметровыми стенами и огромными подвалами были специально приспособлены для обороны. В парках, скверах, на площадях и улицах также была создана система дотов, дзотов, траншей и блиндажей.

Кенигсберг, блокированный с трех сторон советскими войсками, обороняли большие силы врага. Они насчитывали четыре полнокровных пехотных дивизии и несколько отдельных полков. Гарнизон крепости насчитывал более 130 тысяч солдат и офицеров, до 4 тысяч орудий и минометов, около 100 танков и штурмовых орудий. Город прикрывали с воздуха 170 самолетов, базировавшихся на аэродромах Земландского полуострова.

Гарнизон прусского разбойничьего гнезда был настроен воинственно. На домах красовалось множество плакатов, призывающих к борьбе против русских. Захваченный в плен гитлеровский полковник нагло заявил: «22 января 1758 года не повторится. Кенигсберг не сдадим азиатам!»¹.

За малейшее непослушание гестапо расстреливало солдат и мирных жителей города. На столбах и деревьях висели трупы с угрожающими надписями на груди: «Такая судьба ждет каждого дезертира», «Так кончают враги фюрера!», «За трусость!» Но судьба Кенигсберга была предрешена. Ничто уже не могло остановить грозную лавину советских армий.

Гвардейцы готовились к решительному штурму Кенигсберга. Создавались штурмовые отряды и группы. Офицеры сначала на картах, а затем и на местности со своими подразделениями, что называется, до седьмого пота отрабатывали темы: «Штурм городского квартала», «Штурм форта», «Штурм дома, дзота, дота», «Форсирование канала» и другие. Перед молодыми воинами выступали ветераны с рассказами о своем

* 22 января 1758 года русские войска штурмом взяли Кенигсберг.

участии в уличных боях, в штурме «Миус-фронта» и «линии Вотана», Перекопа и Бельбека, форсирования Северной бухты в Севастополе и других операциях.

Во всех трех батальонах и пулеметной роте 72-го гвардейского стрелкового полка выступил Герой Советского Союза, комсорг 1-го стрелкового батальона гвардии лейтенант Федор Михайлович Стренин. На многих примерах он показывал молодым воинам, что перед умелым и смелым гвардейцем враг не устоит.

Агитаторы в беседах с воинами читали выдержки из писем убитых фашистов, в которых они с циничной откровенностью рассказывали о том, как глумились над советскими людьми. Зачитывались письма, в которых родные и близкие гвардейцев писали о зверствах фашистов на временно оккупированной Советской земле. Так, в штурмовой группе лейтенанта Михаила Куликова сержант Василий Иванский, награжденный орденами Красной Звезды и Славы третьей степени, прочел письмо от сестры из Полтавской области. В нем говорилось:

«Дорогой Вася. У нас большая радость и большое горе. Радость потому, что наконец пришла к нам родная Красная Армия, наша Грушовка теперь снова советская.

А горе потому, что фашисты сожгли все хаты, а в двух сожгли и людей, которые не захотели уходить из родного дома. Страшно сейчас смотреть на наше село. Одни развалины... Дойдешь до фашистского логова, отомсти им за нас, за нашу Грушовку!»

Закончив читать, Василий Иванский обернулся к своему фронтовому другу и спросил:

— Так что же ты, Иван, посоветуешь написать сестре моей? Перед нами и есть фашистское логово — Кенигсберг!

— Разобьем зверя в его же берлоге. Сил и злости у нас хоть отбавляй. Так и сообщай своей сестренке, — ответил гвардии ефрейтор Иван Завгородный.

В 71-м гвардейском Краснознаменном полку бывалый воин, старшина Аркадий Касинцев, боевые дела которого были отмечены многими орденами и медалями, в том числе орденами Славы всех трех степеней, выступая перед бойцами, говорил: «Я еще молод, но уже более трех лет воюю с фашистами. Они исковер-

кали жизнь миллионам советских людей, хотели сделать нас рабами. Но гитлеровцы здорово просчитались. Они забыли, что мы советские люди, что мы воспитаны великой Ленинской партией и потому непобедимы. В самые трудные дни и месяцы войны мы делали все для победы. Мы ковали оружие и совершенствовались воинское мастерство, выращивали хлеб и добывали руду, копили в себе злость на врага и закаляли свою волю. Всем смертям назло мы шли и шли вперед, преодолевая нечеловеческие трудности. И вот мы дошли до вражеского логова, не менее страшного, чем Берлин, до которого еще дойдем. Клянемся, что будем биться до последней капли крови, до полной победы над лютым зверем в человеческом обликии — гитлеровским фашизмом. Мы знаем, враг еще силен, он жесток и коварен. Он спрятался за стены мощных укреплений. Бои предстоят кровавые, но мы победим!».

Весь март и начало апреля в Восточной Пруссии шли холодные дожди, висели сплошные туманы. Повсюду непролазная грязь. Но это не мешало подготовке советских войск к наступлению, не охладило боевого духа.

1 апреля тяжелая артиллерия начала методический обстрел, а авиация наносила бомбовые удары по укреплениям Кенигсберга. Над крепостью поднялись тучи дыма и пыли, рушились вражеские доты и бастионы, взрывались минные поля.

По замыслу командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского, Кенигсберг должен быть взят «звездным» штурмом. 11-й гвардейской, 50-й, 43-й и 39-й армиям предстояло штурмовать его с восьми направлений. Главный удар по Кенигсбергу наносили 43-я и 50-я армии с северо-запада на юг и юго-восток и 11-я гвардейская армия — с юга в северном направлении. Дивизии этих армий должны были соединиться в центральных кварталах города. 13-й гвардейский корпус в составе 24-й, 33-й и 87-й гвардейских дивизий входил в 43-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант А. Н. Белобородов. Армия находилась на направлении главного удара. В ночь на 6 апреля дивизии, стоявшие в первых эшелонах, успешно провели разведку боем. Были уточнены передний край обороны, система огня и силы противни-

ка. Вперед выдвинулись штурмовые отряды и группы дивизий первых эшелонов.

И наступил долгожданный день, 6 апреля в 10 часов началась артиллерийская подготовка. В течение двух часов над крепостью и ее окрестностями бушевало море огня. Большинство вражеских огневых средств в полосе наступления 13-го гвардейского корпуса были уничтожены или подавлены. Противник понес большой урон и в живой силе.

В 12 часов, вслед за огненным валом, в атаку пошли штурмовые отряды 33-й и 87-й дивизий. Стремительным броском воины преодолели первую и ворвались во вторую линию траншей противника. В ожесточенной рукопашной схватке гвардейцы уничтожали уцелевшие огневые точки и мелкие группы гитлеровцев. Преодолевая многочисленные заграждения и упорное сопротивление фашистов, штурмовые отряды подошли к противотанковому рву. Начался бой за преодоление рва и за форт № 5а. Только к утру 7 апреля наши воины захватили форт и взяли в плен около 200 немецких солдат и офицеров. Во время артподготовки в форт угодило около ста 203- и 280-миллиметровых снарядов наших дальнобойных орудий.

К исходу первого дня штурма подразделения 33-й и 87-й дивизий выполнили только ближайшую задачу. Гитлеровцы неоднократно бросались в контратаки. Ожесточенные бои разгорелись на подступах к каналу Ланд-Грабен — последнему водному препятствию к пригородам Кенигсберга: Иудиттену, Ратсхау и Амалленау. Фашисты стремились уничтожить подразделения 13-го корпуса, переправившиеся на южный берег канала. Части 33-й и 87-й дивизий стойко отбивали контратаки и хотя медленно, но продвигались вперед. Однако противник, бросив в бой все силы, сумел задержать продвижение этих соединений.

Командарм приказал ввести в бой 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию, находившуюся во втором эшелоне корпуса. Выполняя этот приказ, командир 13-го корпуса генерал-лейтенант А. И. Лопатин поставил командиру 24-й дивизии полковнику П. Н. Домрачеву следующую задачу: дивизии переправиться через канал Ланд-Грабен и, развернувшись на его южном берегу, овладеть районом кирпичного завода; в даль-

нейшем наступать в направлении станции Прегель, перерезать железную дорогу и перекрыть пути отхода противника на Запад. В состав соединения возвращались 50-й гвардейский артиллерийский полк и сводная группа 120-миллиметровых минометов, ранее поддерживавших 87-ю гвардейскую дивизию.

Командир 24-й дивизии решил выполнить поставленную задачу силами одного 71-го полка. 70-й и 72-й полки П. Н. Домрачев приказал подтянуть в район Вальд-Гартена и подготовить их к развитию успеха 71-го полка. 7 апреля 71-й Краснознаменный полк под командованием майора А. С. Козлова переправился через канал Ланд-Грабен. После 10-минутного артиллерийско-минометного налета по переднему краю обороны противника батальоны капитанов П. И. Калинина и А. Я. Каменева пошли в атаку.

К сожалению, командир полка недостаточно изучил обстановку. Наступление началось без тщательной разведки, не была выявлена огневая система врага. Короткий артиллерийский налет по переднему краю обороны не причинил противнику существенного ущерба. Лобовая атака гвардейцев была встречена сильным огнем и успеха не имела. Атакующие подразделения застряли.

После частичной перегруппировки гвардейцы 71-го полка вновь поднялись в атаку. Штурмовая группа лейтенанта Владимира Соколова к 19 часам ворвалась на территорию кирпичного завода. Действия группы поддерживали другие подразделения. Разгорелся жаркий бой. Штурмующим помогали артиллеристы старшего лейтенанта Константина Железнякова, выдвинув свои пушки на прямую наводку. Умело действовали воины пулеметных рот, которыми командовали старший лейтенант К. П. Гуляев и лейтенант В. П. Бельтюков. Опасаясь прорыва своей обороны, противник усилил оружейный и пулеметный огонь, затем предпринял контратаку. Не менее двух рот пехоты при поддержке танков, самоходных орудий и минометов ринулись на наши подразделения и потеснили их к окраине кирпичного завода.

Дивизионная и приданная нашему соединению артиллерия, заняв новые огневые позиции, обрушила на врага мощный шквал огня. Батальоны капитанов П. И. Ка-

линина и А. Я. Каменева вновь поднялись в атаку. На этот раз она была более успешной. Гвардейцы ворвались на территорию завода. Гитлеровцы цеплялись за каждый подвал, но вынуждены были откатиться в глубину своей обороны.

В этом бою многие воины проявили смелость и редкую находчивость. Героем дня стал сержант Павел Брилин. Будучи в первых рядах атакующих гвардейцев, он незаметно подобрался к группе гитлеровцев и забросал их гранатами. На смельчака бросилась другая группа фашистов, поддержанная самоходным оружием. Укрыться от «фердинанда» было некуда. Брилин не дрогнул. В самоходку полетели гранаты, очереди из автомата наповал разили гитлеровцев. К месту схватки отважного советского воина подоспело противотанковое оружие и со второго выстрела подбило самоходку. Уцелевшие фашисты отступили. Тяжело раненный сержант Брилин продолжал сражаться до пор, пока его не вынесли с поля боя. Своей стойкостью и умелыми действиями коммунист П. Т. Брилин помог полку овладеть кирпичным заводом.

Однако противник не смирился с потерей выгодных позиций. Контратаки следовали одна за другой. В их отражении активно участвовали артиллеристы, минометчики. Отличилась минрота гвардии капитана С. Макарова. Расчет старшего сержанта И. Тюленева из минвзвода лейтенанта А. Михайленко накрыл кочующий пулемет и накапливающихся для контратаки врагов.

Попытки фашистов отвоевать утраченные рубежи постепенно слабели. К 24 часам 7 апреля 1945 года опорный пункт был полностью очищен от гитлеровцев.

На 8 апреля войскам 13-го гвардейского корпуса была поставлена задача: всеми силами решительно штурмовать Кенигсберг, овладеть его пригородами Левскеном, Ратсхау, Амалленау и в дальнейшем наступать на железнодорожную станцию Прегель. 24-й дивизии предстояло занять северную и центральную части пригорода Иудиттен, а затем овладеть им полностью и выйти на реку Прегель, в километре на северо-восток от одноименной железнодорожной станции. Главной целью дивизии было перерезать железную и

шоссейную дороги, идущие из Кенигсберга на запад, и тем самым лишить противника путей отхода на побережье Балтийского моря.

Дивизия точно в срок приступила к выполнению задачи. Рубежом для наступления теперь была южная окраина кирпичного завода. На этот раз в первом эшелоне действовали 71-й и 72-й полки.

В 10 часов после короткой, но сильной артиллерийской подготовки, проведенной 50-м гвардейским артполком дивизии и приданными ей 214-ым гаубичным, 203-им легким артиллерийскими полками и дивизионом 107-й гаубичной бригады большой мощности, батальоны перешли в наступление. Следуя за огневым валом, гвардейцы сломали сопротивление противника на северной окраине Иудиттена и завязали бои на улицах этого пригорода Кенигсберга.

71-й полк, наступавший на правом фланге дивизии, продвигался по улице Гошттедштрассе. Обходя мелкие группы противника, выбивая гитлеровцев из домов и подвалов, подразделения неудержимо рвались вперед. Успеху наступления способствовала высокая активность артиллеристов и минометчиков, умелое взаимодействие их с пехотой. Двигаясь в боевых порядках стрелковых подразделений, артиллеристы прямой наводкой уничтожали огневые точки врага, поджигали его танки и бронетранспортеры. Минометчики, засылая вперед корректировщиков, кочуя со своими «самоварами» с места на место, непрерывно обстреливали глубину обороны фашистов.

Гвардии сержант Н. Окунев, поддерживая штурмовую группу старшего лейтенанта И. Авдеенко, подбил из своей «сорокапятки» немецкий бронетранспортер. Отважный минометчик А. Касинцев, проникнув с рацией в тыл гитлеровцев, обнаружил группу танков и взвод солдат, готовящихся к контратаке. По координатам, полученным от Касинцева, по скоплению врага ударили минометы Г. Маркова и И. Диденко. В результате два вражеских танка были подбиты, многие гитлеровцы уничтожены. Контратака была сорвана.

Хватало дел и стрелкам. Враг с яростным упорством оборонял каждый дом. Так, при штурме одного укрепленного здания группа лейтенанта Ф. Соколова, отличившаяся в бою накануне, никак не могла про-

никнуть в этот дом и уничтожить засевших там гитлеровцев. Тогда Соколов приказал командиру пулеметного взвода А. Семянникову держать под огнем окна дома. Пользуясь этим прикрытием, Соколов вместе с комсоргом батальона Н. Сериковым перенес на наветренную сторону несколько трофейных дымовых шашек и поджег их. За дымовой завесой бойцы группы поднялись в атаку и проникли в дом. В этой схватке боец Петр Онищенко, сразив очередью из автомата немца у входа в подвал, ворвался туда и в рукопашном бою уничтожил еще пятерых гитлеровцев. Здесь он был тяжело ранен.

В бою за пригород Кенигсберга солдаты и офицеры 71-го полка проявили смелость, инициативу и находчивость на всех участках. Штурмовая группа старшего лейтенанта М. Денисенко при подходе к юго-восточной окраине Левскена была остановлена пулеметным огнем с верхнего этажа каменного здания. Подавить пулемет из орудия не удалось. Сапер Г. Коваленко вызвался уничтожить огневую точку. Он скрытно подполз к дому и бросил в окно две гранаты. Пробравшись после этого в здание, Коваленко третьей гранатой и очередью из автомата уничтожил пулемет вместе с расчетом.

Так была расчищена дорога штурмовой группе и сорвана попытка противника взорвать мост через канаву. Вскоре по мосту пошли наши танки и артиллерия.

В голове 72-го гвардейского стрелкового полка, наступавшего по улицам Родерштрассе и Фридрихвальдсаллее (командир полка гвардии майор А. Л. Бельчуков), шли подразделения испытанного в боях 2-го батальона, во главе с расчетливым и смелым командиром гвардии майором Михаилом Осинцевым. Левее наступал 3-й батальон под командованием капитана Александра Гуляева.

Непосредственную артиллерийскую поддержку батальону Осинцева оказывали полковая батарея 76-миллиметровых пушек гвардии капитана С. Солощенко и батарея 45-миллиметровых орудий гвардии капитана Н. Шишкина. Двигаясь в боевых порядках штурмовых групп, артиллеристы прямой наводкой уничтожали сопротивлявшихся гитлеровцев.

Гвардейцы коммуниста Осинцева вели бой за каждый дом, а в доме — за каждый этаж, подвал и чердак. Вот бойцы штурмовой группы сержанта Гавриила Вакуленко, пригибаясь к земле, преодолели узкую улицу и метнулись к трехэтажному кирпичному дому. В окна и двери полетели гранаты. Еще не рассеялись дым и пыль от взрывов, а по коридорам застрочили автоматы штурмующих. Вслед за рвущимися гранатами гвардейцы пробились на верхние этажи, на крышу, затем спустились в подвал и там добили уцелевших фашистов.

Комсомолец Вакуленко уничтожил за день более двадцати вражеских солдат и одного офицера. Гвардии рядовой Н. Стариков в рукопашных схватках уложил одиннадцать гитлеровцев. От дома к дому пробились гвардейцы батальона майора Осинцева и капитана Гуляева, пока пригородный поселок Иудиттен не был полностью очищен.

Продолжая развивать наступление к реке Прегель, батальоны 70-го полка вступили в квартал Лавскена. Чем дальше они продвигались, тем яростнее сопротивлялись фашисты. При поддержке танков и самоходок полк немецкой пехоты перешел в контратаку. В отражении ее мужество и отвагу проявили пулеметчики и артиллеристы полка.

Пулеметчик Степан Косарев из взвода гвардии лейтенанта Григория Волошина был ранен, но продолжал вести огонь, пока враг не откатился. В секторе обстрела его пулемета осталось более двадцати трупов. Рядовой этого же взвода пулеметчик Андрей Шило уничтожил тридцать фашистов.

В том, что батальон М. Осинцева удержал занимаемый рубеж, немалая заслуга расчета 45-миллиметрового орудия сержанта М. Бабия, наводчика И. Брянцева и заряжающего Р. Кудряшова. Они подбили два легких немецких танка, но и сами все были тяжело ранены. Последние выстрелы произвел командир орудия коммунист Бабий. Ему удалось подбить бронетранспортер. С такой же отвагой сражались командир расчета сержант И. Савцов, наводчик И. Тесленко и заряжающий К. Васюк.

Вражескую контратаку отражал и батальон гвардии капитана А. Гуляева. Активно и разумно действо-

вал в сложной обстановке комсорг третьей роты сержант Е. Дедик. Его штурмовая группа проникла в расположение контратакующего немецкого батальона и с тыла ударила из пулеметов и автоматов. В рядах врага возникла паника, контратака захлебнулась, и он отступил.

С подходом танков и самоходок фашисты вновь двинулись вперед. Казалось, еще минута-две и танки сомнут наши передовые подразделения. Но этого не произошло. В рядах пехоты на прямой наводке стояли два 76-миллиметровых орудия батареи гвардии капитана Солощенко. Заметив угрозу, артиллеристы открыли беглый огонь сначала по автоматчикам, а когда те залегли, — по танкам. Расчет гвардии старшего сержанта Б. Орлова подбил три вражеских танка, орудие гвардии старшины И. Семиглазова — один. Но последний, пятый танк продолжал на большой скорости приближаться к нашим стрелковым ротам, находившимся на открытой местности. Тогда парторг 4-й роты гвардии сержант Тулен Кабилов со связкой гранат бросился под вражескую машину. Мощный взрыв потряс землю. Немецкий танк замер. Так героически погиб верный сын казахского народа коммунист Тулен Кабилов.

Гвардейцы в едином порыве бросились на врага, лишенного броневой защиты, и смяли его.

8 апреля, около полудня, подразделения 71-го и 72-го полков отбросили врага на южную окраину Иудиттена. В это время по приказу штаба дивизии вступил в бой 70-й гвардейский полк под командованием гвардии майора С. П. Буткевича *). Его задачей было развить наметившийся успех частей первого эшелона и овладеть железнодорожной платформой южнее Иудиттена. Свежие силы сломили сопротивление фашистов и содействовали успешному выполнению дивизионной задачи дня.

* Бывший командир полка А. С. Дрыгин 3 февраля 1945 года был назначен командиром 923-го стрелкового ордена Александра Невского полка 257-й Витебской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии. За образцовое выполнение боевых заданий полк в марте 1945 года был награжден орденом Суворова, а в апреле — орденом Кутузова.

Части закрепились на участке станция Прегель — вагоностроительные мастерские. Подразделения 72-го полка соединились с частями 16-й стрелковой дивизии 36-го корпуса 11-й гвардейской армии.

К исходу дня 24-я дивизия, сосредоточившись в районе Иудиттен — Ратсхов, стала готовиться к отражению возможных атак противника с востока и запада. Сражение за Кенигсберг еще не окончилось. Несмотря на безнадежность, гитлеровцы, окруженные в центре города, продолжали сопротивляться. В ночь на 9 апреля многочисленные группы фашистов с танками и бронетранспортерами неоднократно пытались прорвать кольцо окружения. Одна из таких групп, состоявшая из двух с половиной сотен эсэсовцев под командованием бывшего командира разбитой 548-й пехотной дивизии генерала Зидеау с танками, бронетранспортерами и штурмовыми орудиями, сумела прорваться через боевые порядки соседних с нами подразделений и вклиниться в стык обороны между 70-м и 71-м полками нашей дивизии.

Движение вражеской колонны к боевым порядкам 70-го полка обнаружил расчет полкового орудия, стоявшего на прямой наводке. Командир орудия гвардии сержант А. Дубинин открыл огонь по легковой машине, следовавшей за танком, почувствовав, что в ней находится гитлеровский генерал. Первым же снарядом автомашина была разбита. Выстрел орудия Дубинина послужил сигналом для гвардейцев полка. Моментально открыли огонь другие орудия полковой батареи, артдивизиона, минометы, станковые и ручные пулеметы.

Гитлеровцы, рассыпавшись в цепь и прикрываясь танками, пошли в атаку. Разгорелся ожесточенный ночной бой. Озверевшие фашисты, чувствуя обреченность, бросались в рукопашные схватки. Ценой больших жертв противнику удалось вклиниться в нашу оборону. По приказу начальника артиллерии полка капитана А. О. Гуссара, стрельбу из орудий пришлось прекратить. В отражение вражеской атаки включились минометчики.

Командир расчета младший сержант В. Попов, чуча с минометом, появлялся в самых неожиданных

местах и посылал мины в самую гущу фашистов. Меняя позицию, Попов заметил, что одна из фашистских групп упрямо пробивается к большому каменному дому, в котором располагался штаб полка.

— Огонь! — скомандовал он. И в скопление фашистов полетели мины. Продвижение врага приостановилось. В это время кончились мины. Тогда младший сержант Попов и его товарищи бросились в атаку. Мины метчиков поддержали охрана штаба полка и его офицеры.

Этот скоротечный, но исключительно напряженный бой, закончился полным разгромом противника, который потерял более 180 солдат и офицеров, в том числе двух генералов. Но погибло немало и наших воинов. Пал смертью храбрых командир 70-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор С. Буткевич, ветеран дивизии, прошедший в ее рядах славный боевой путь.

Завершающим этапом боев дивизии на Кенигсберге были смелые действия разведчиков и штурмовых групп 72-го полка по ликвидации вражеского форта № 6. Этот форт вызывал серьезное беспокойство. Хотя он был уже обойден, однако его гарнизон продолжал вести интенсивный огонь. Не было исключено, что фашисты предпримут отсюда вылазку и нанесут удар по нашим тылам.

Поэтому командир дивизии гвардии полковник П. Н. Домрачев приказал командиру 72-го полка гвардии майору Бельчукову выделить две штурмовые группы для блокирования и уничтожения форта. Сначала решили предъявить командованию форта ультиматум о капитуляции.

Командир полка вызвал командира взвода разведки гвардии лейтенанта И. Чихарева, вручил ему пакет с текстом ультиматума и приказал передать его коменданту форта № 6. Текст ультиматума гласил:

«Коменданту форта № 6

Советское командование, во избежание лишних жертв, предлагает Вам и Вашему гарнизону капитулировать. Если Вы добровольно сдадитесь, командование Советской Армии гарантирует Вам и Вашим подчиненным полную безопасность. Раненым будет немедленно оказана необходимая медицинская помощь».

Гвардии лейтенант Чихарев попросил разрешения взять с собой, кроме переводчика, несколько разведчиков. Таким образом в его группу вошли старший сержант А. Малужин, сержант М. Коростылев, рядовой И. Бойко и переводчик гвардии лейтенант С. Рутгайзер.

Впереди с белым флагом шел Алексей Малужин. Гитлеровцы прекратили огонь. Навстречу парламентарам вышли немецкий офицер и два солдата. Через переводчика Чихарев передал офицеру требование командира дивизии о капитуляции гарнизона. Офицер ответил, что он не уполномочен вести такие переговоры, но может провести парламентаров в форт и передать пакет его коменданту.

Разведчики приняли это предложение. В форт их ввели с завязанными глазами и заперли в отдельном каземате. Прошли два томительных часа, прежде чем Чихарева и Рутгайзера провели к коменданту форта. Комендант отказался принять ультиматум.

Парламентаров вывели из форта на нейтральную полосу. Сбросив повязки, разведчики быстро вернулись в свою часть. О том, что гарнизон форта решил сопротивляться, немедленно было доложено командиру дивизии.

Настало раннее утро 9 апреля. Еще не успело взойти солнце, а советские артиллеристы и минометчики обрушили на вражеский форт сотни снарядов и мин, летчики сбросили десятки бомб. Вслед за этим штурмовые группы 72-го гвардейского полка, взаимодействуя с подразделениями 319-й стрелковой дивизии, двинулись вперед. Шаг за шагом, преодолевая сильное огневое сопротивление, продвигались советские воины. В 9 часов утра над фортом повис белый флаг, уцелевшая часть гарнизона капитулировала.

Это была последняя операция дивизии в боях за Кенигсберг.

Героизм и отвагу проявили в ней бойцы и офицеры наших штурмовых групп. Но особую роль сыграли полковые разведчики гвардии лейтенанта Ивана Чихарева, выполняя миссию парламентаров: старший сержант Алексей Малужин, сержант Михаил Коростылев, солдат Иван Бойко, а также переводчик лейтенант Самуил Рутгайзер.

Появление советских парламентаров в крепости сыграло свою роль. Бессмысленность новых жертв, возможность сохранить свою жизнь стала ясной для многих вражеских солдат. Соппротивление их штурмовавшим гвардейцам оказалось уже не столь упорным.

День 9 апреля 1945 года принес радость не только воинам нашей дивизии, успешно выполнившим приказы командования. Он стал памятным днем всех бойцов и командиров, штурмовавших Кенигсберг. Менее чем за четверо суток под сокрушительными ударами наших войск пала твердыня, о которой гитлеровская пропаганда кричала на весь мир, как о несокрушимой.

За несколько недель до штурма города советскими войсками «фюрер Кенигсберга» Вагнер заявлял: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней против непобедимой немецкой армии. Кенигсберг — лучшая крепость Европы — будет держаться не меньше». Даже утром 9 апреля, когда всем был ясен исход сражения, немецкое радио вещало: «Защитники Кенигсберга нерушимо держат оборону. Их лозунг гласит: «Мы удержим крепость!». Но лживой фашистской пропаганде уже мало кто верил даже в Германии.

За мужество и воинское мастерство, проявленные в боях за Кенигсберг, многие бойцы и командиры соединения были награждены орденами и медалями. Коммунистам — красноармейцу Петру Тимофеевичу Брилину и командиру отделения сержанту Тулену Кабилову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

За успешное выполнение боевой задачи при штурме Кенигсберга 24-я гвардейская Евпаторийская стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

По достоинству были отмечены и отдельные части дивизии. 72-му гвардейскому стрелковому полку присвоено наименование «Кенигсбергский». 71-й Краснознаменный стрелковый полк получил орден Кутузова 3-й степени.

Столица нашей Родины Москва салютовала доблестным воинам 3-го Белорусского фронта.

Однако война в Восточной Пруссии продолжалась. Вела бои и наша дивизия. С 10 по 13 апреля 1945 года части соединения наступали в направлении Фирбрудеркруга. Тридцатиминутной артиллерийской подготовкой на рассвете 10 апреля началось наступление нашей дивизии на оборону противника в Кабельбудском лесу. Времени на разведку было недостаточно. Подразделения, прорвав первую линию обороны и продвинувшись вперед на километр, натолкнулись на сильное сопротивление противника и вынуждены были остановиться. После дополнительной артиллерийской обработки второй линии обороны и ввода в бой резерва командира дивизии, части углубились в лес. Гитлеровцы несколько раз безуспешно пытались контратаковать, неся большие потери.

К утру разведка доложила: «Противник спешно отходит». Стало ясно, что враг предпринимал контратаки с целью вывода своих основных сил из-под огня нашей артиллерии на новый рубеж обороны. Но оторваться от передовых подразделений гитлеровцам не удалось.

Продвижение корпуса было внезапно остановлено. Ему предписывалось закрепиться на достигнутом рубеже и подготовиться к передаче участка фронта другому соединению.

Потеряв Кенигсберг, гитлеровцы решили любой ценой оборонять Земландский полуостров, прикрывавший выход к Балтийскому морю и подступы к военно-морской базе Пиллау. Здесь фашистское командование создало специальную группу войск под названием «Земланд» в составе восьми пехотных и одной танковой дивизий.

Готовясь к последним боям в Восточной Пруссии, советское командование провело некоторую перегруппировку войск. Но до начала наступления была предпринята попытка закончить войну на этом участке фронта без кровопролития. Командующий 3-им Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский 12 апреля обратился к командованию немецкой армией группы «Земланд» с предложением капитулировать. Однако гитлеровцы его отвергли.

Наступление на Земландский полуостров началось 13 апреля. В нем участвовали четыре общевойсковые

армии фронта. Основной удар наносили соединения 5-й и 39-й армий. Правее их, по северному побережью полуострова, вспомогательный удар осуществляли войска 2-й гвардейской армии. С юга на север и запад наступали войска 43-й армии генерала Белобородова.

По вражеским позициям был нанесен сильный удар авиации и наземных войск. К вечеру 15 апреля противник был выбит из основной линии обороны и в ночь на 16 апреля стал отступать по всему фронту.

Части 24-й дивизии, передав ранее занимаемый рубеж другому соединению, к полудню 14-го апреля вышли во второй эшелон корпуса, сосредоточились в районе Гросс-Хайдекруг, а вечером 16 апреля были введены в бой. Они успешно форсировали болотистую долину, речку Леуке-Флисс и заняли исходное положение для наступления на город Циммербуде.

Враг придавал большое значение обороне этого города, занимавшего выгодное стратегическое положение. Расположенный на берегу залива, он служил хорошим прикрытием порта Пиллау с востока. Немцы укрепили северо-восточную окраину города, а южнее мыса сосредоточили большое количество артиллерии. Обороняли Циммербуде части 16-й немецкой пехотной дивизии.

Атака гвардейцев 70-го и 71-го полков на город с ходу не удалась. Сильным артиллерийско-минометным огнем противник остановил наши подразделения. Но подошедшие дивизионы 50-го артполка гвардии майора В. М. Моисеева и приданные соединению «катыши» нанесли сокрушительный удар по обороне немцев и его артиллерийским позициям. Воспользовавшись этим, батальон капитана Калинина ворвался на северо-восточную окраину города. Разгорелся бой на улицах.

Для ускорения наступления и разгрома гарнизона Циммербуде командир дивизии приказал командиру 70-го полка направить одно подразделение в тыл неприятеля. Для этого был сформирован отряд в составе двух сводных рот под командованием капитана В. Лекарева. Отряд, погрузившись на катера, по заливу Фриш-Гафф достиг мыса юго-западнее города. Поддержанный огнем артполка, он без потерь высадился на берег и стал очищать его от врага. Появление совет-

ских солдат в тылу вызвало панику в рядах фашистов. Дорога для отступления к Пиллау оказалась перерезанной. Сопротивление немцев ослабло, а вскоре и совсем прекратилось. Циммербуде был взят. В плен сдалось около 8 тысяч солдат и офицеров противника.

Бои на подступах к Фишхаузену и Пиллау продолжались. Гитлеровское командование заставляло своих деморализованных солдат драться до последнего патрона. Оно старалось удержать Пиллау в надежде переправить морем остатки разбитых дивизий в центр Германии, чтобы продолжать давно проигранную войну.

Советские войска сбрасывали в море недобитых фашистов. В бой за Пиллау была введена 1-я Московская морская бригада. В состав ее был включен отряд 71-го гвардейского полка, специально сформированный для высадки десанта на косу Фриш-Нерупа. Вместе с заметно поредевшими стрелковыми подразделениями полка в отряд включили минометную роту и дивизионную роту разведки.

Командиром отряда назначили гвардии майора Алексея Прокофьевича Давиденко, опытного, расчетливого и смелого офицера. Политработу в отряде возглавлял опытный воин и воспитатель майор Леонид Харитонович Рейнгольд. Подстать им были начальник артиллерии майор Д. Власов, начальник штаба капитан И. Рыжов, командир минометной роты капитан С. Макаров, старшие лейтенанты А. Андреев и Г. Сухарев, командир приданной разведки капитан Я. Коробка. В отряд подобрали лучших бойцов-добровольцев.

Боевой приказ требовал от отряда высадиться на косу, закрепиться на ней и не допустить прохода вглубь косы остатков гитлеровских войск, прорывающихся из Пиллау.

Выполняя приказ, отряд 22 апреля сосредоточился в районе пристани города Циммербуда. В течение двух суток проходили тренировки на быстроту и организованность посадки на плавсредства и высадки на берег, умение вести бой с лодки и в воде.

24 апреля, еще затемно, отряд отбыл к берегам косы Фриш-Нерупа. Подробных данных о противнике не имелось. Известно было только, что на косе есть

аэродром, большая водная станция и что там скопилось много немцев.

К месту отряд подплыл на рассвете. Высадке содействовал густой туман и специально поставленная дымовая завеса. Первым к берегу подошел катер с разведчиками и автоматчиками капитанов Коробки и Рыжова. Однако высадиться незамеченными не удалось. Немцы открыли огонь из минометов и пулеметов. Десантники, рассыпавшись в цепь, поддерживаемые огнем пулеметчиков И. Виноградова и С. Головина, пошли на сближение с противником.

В этом первом на косе Фриш-Нерупа бою отличился автоматчик К. Сафаров. Он в числе первых высадился на берег. Прокладывая путь автоматным огнем и гранатами, отважный воин уничтожил несколько немцев. Сафаров, будучи ранен, первым ворвался в траншею противника. Ошеломленная смелостью советского солдата, и, видя за его спиной атакующих гвардейцев, большая группа немцев побросала оружие и подняла руки.

К этому времени на берег высадились все подразделения отряда. Группа старшего лейтенанта А. Андреева заняла оборону фронтов на юг. Минометчики капитана Макарова установили три миномета и приготовились к открытию огня.

Майор Давиденко повел десантников в наступление на водную станцию. Минометчики к тому времени успели засечь огневые точки противника и начали интенсивно обрабатывать их. Вскоре огонь с немецкой стороны прекратился. Разведчики капитана Коробки ворвались на водную станцию и вместе с автоматчиками старшего лейтенанта Г. Сухарева вышибли противника.

Теперь враг сконцентрировался на аэродроме. Наша атака началась сильным минометным и пулеметным огнем. Однако, несмотря на численное превосходство, гитлеровцы боя не приняли. Всюду стали подниматься белые флаги: фашисты сдавались в плен.

К середине дня на плацдарм высадились подразделения морской бригады и начали продвигаться вглубь косы.

На косе было взято в плен около 30 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, захвачено 33 самолета-

истребителя, из них 17 реактивных, 4 гидросамолета, несколько реактивных минометных установок и множество другой военной техники.

* * *

За мужество и героизм, проявленные в боях за Родину, около 15 тысяч солдат, офицеров и генералов дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза. Десять воинов соединения, особо отличившихся в боях, удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Четверо гвардейцев стали обладателями солдатского ордена Славы всех трех степеней.

Торжественно и радостно отмечали гвардейцы соединения день Международной солидарности 1 Мая. Победно закончив бои, они были преисполнены радости за успехи воинов других фронтов, добивавших врагов на всех направлениях. Чувствовалось приближение полной Победы. И все же, весть о ней так взволновала, что многие бывалые воины, не стыдясь, плакали. Так наступил ни с чем не сравнимый праздник Победы 9 мая 1945 года.

В конце июня началась демобилизация воинов старших возрастов. Радостными и одновременно грустными были минуты расставания воинов, прошедших славный боевой путь. Все понимали, что наступает новый этап в жизни народа, в истории нашего государства. Предстояла огромная и трудная работа по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Стране были очень нужны рабочие руки, руки советского воина-созидателя. И к этому гвардейцы были готовы.

24 июня 1945 года в Москве состоялся грандиозный торжественный парад Победы. В рядах сводного полка 3-го Белорусского фронта, ведомого прославленным воином дважды Героем Советского Союза генерал-лейтенантом П. К. Кошевым по Красной площади перед Мавзолеем В. И. Ленина, прошли и лучшие воины нашей славной дивизии.



В МИРНЫЕ ДНИ

Три десятилетия минуло с тех незабываемых дней. На месте военных пожарниц поднялись новые города. Старые окопы покрылись буйным разнотравьем.

Но жива и неизгладима в благодарных человеческих сердцах память о героях, грудью вставших на защиту Отечества. Как священный огонь, бережно передается она из поколения в поколение. Присягая на верность Родине, сыновья бывших гвардейцев клянутся быть такими же стойкими и отважными, какими были в грозное лихолетье их отцы.

Помнят и знают о гвардейцах Евпаторийской Краснознаменной трудящиеся во многих городах и селах, по которым пролегал ее славный боевой путь. На судовой верфи в городе Штральзунде Германской Демократической Республики для Советского Союза были построены и спущены на воду три рыболовных морозильных траулера.

По ходатайству Калининградского городского Совета депутатов трудящихся Совет Министров РСФСР присвоил одному из них название «Тулен Кабилов». Экипаж судна достойно отвечает на эту честь, ежегодно перевыполняя план улова рыбы. Тулен Кабилов в строю, живет и трудится на коммунизм!

В музеях Калининграда, государственного университета и средней школы № 1 созданы стенды, посвященные Героям Советского Союза, в том числе и Тулену Кабилову. Студенты университета и школьники ведут переписку с рыбаками траулера «Тулен Кабилов».

А ауле Асы-сага Чиликского района Алма-Атинской области восьмилетняя школа, в которой учился Тулен Кабилов, носит его имя. Перед зданием школы установлен бюст Героя. Ежегодно 1 сентября занятия в школе открываются уроками мужества — рассказами о подвигах Тулена Кабилова и его однополчан в годы Великой Отечественной войны.

Красные следопыты Опочиваловской средней школы Чудовского района Новгородской области под руководством учительницы истории К. В. Гудковой за последние пять лет организовали десять походов по местам боев гвардейской Евпаторийской Краснознаменной стрелковой дивизии. Во время походов они проводили беседы о героических подвигах гвардейцев, встречались с очевидцами боев, собирали материалы и экспонаты для музеев боевой славы.

Школьники ежегодно участвуют в сельскохозяйственных работах. На заработанные деньги они соорудили памятник погибшим воинам и создали два музея. Они любовно ухаживают за священными могилами. Лучшему из лучших пионерских отрядов Опочиваловской средней школы присваивается право называться отрядом имени Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Николая Васильевича Оплеснина, который совершил свой героический подвиг на Волхове и похоронен на территории Чудовского района.

Большую военно-патриотическую работу проводят преподаватели и учащиеся средней школы № 9 города Севастополя. Здесь более пяти лет работает музей боевой славы 2-й гвардейской армии, которая освобождала от немецко-фашистских захватчиков Севастополь. Усилиями красных следопытов материалы и экспонаты музея постоянно пополняются. В музее проходят пионерские сборы, встречи с ветеранами 2-й гвардейской армии.

Стенд и архивные материалы о боевых действиях гвардейской Евпаторийской Краснознаменной дивизии,

входившей в состав 2-й гвардейской армии, пополняют и обновляют ученики класса, которым руководит Евгения Антоновна Кошлакова. В классе идет соревнование за право называться отрядом имени Героя Советского Союза гвардии сержанта Константина Гавриловича Висовина, совершившего свой бессмертный подвиг при форсировании Северной бухты в Севастополе в мае 1944 года.

В 1973 году красные следопыты школы, возглавляемые заведующей музеем боевой славы 2-й гвардейской армии Клавдией Иосифовной Кияшко, приняли активное участие в перезахоронении воинов-гвардейцев, погибших в боях на реке Бельбек в мае 1944 года.

Студенты Ставропольского сельскохозяйственного института по инициативе старшего преподавателя, ветерана Евпаторийской Краснознаменной гвардейской дивизии гвардии подполковника запаса Б. Ф. Редько совершили походы по местам боев дивизии в Крыму и под Ленинградом.

В Евпатории участники похода ознакомились с музеем, в котором отведена специальная комната, где экспонируются фотографии освободителей города, документы, вырезки из газет военных лет и личные вещи командира подвижного механизированного отряда 24-й дивизии Героя Советского Союза гвардии подполковника Л. И. Пузанова.

Бельбекская долина... Долиной смерти называли ее воины. Здесь в начале мая 1944 года земля была перепахана орудиями войны, на каждом квадратном метре лежали десятки осколков мин, снарядов и бомб, воронки, колючая проволока, разрушенные окопы, траншеи, доты и дзоты.

Теперь здесь сады и виноградники совхоза имени Софьи Перовской. Раны на земле зарубцевались. На склонах Мекензиевых высот выше и выше поднимается лес, на полянах буйно растут сочные травы и цветы, среди которых выделяются красные маки...

Бельбекская долина сейчас превращена в долину фруктовых садов, долину персиков и винограда. Сам поселок Бельбек переименован в село Фруктовое. Совхоз имени Софьи Перовской обеспечивает фруктами Москву и Ленинград, Киев и Вологду, Севастополь и Симферополь!

Приезжая в Севастополь, многие невольно вспоминают известные слова Л. Н. Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтобы кровь не стала быстрее вращаться в ваших жилах...».

Здесь действительно на каждом шагу чувствуется дыхание тех героических лет и одновременно видно, что севастопольцы совершили еще и великий трудовой подвиг. Они возродили свой город. Он, словно сказочная птица феникс, поднялся из руин и пепла и стал величественным памятником боевой славы севастопольцев и всего советского народа.

В послевоенные годы огромные изменения произошли и на севере нашей страны, где Евпаторийская Краснознаменная гвардейская дивизия защищала Ленинград. В местах боев на земле Новгородской и Псковской возрождены разрушенные селения, залечили раны лесные массивы, сильно пострадавшие во время ожесточенных боев.

Под Синявином и Мгой, на территории непроходимых болот, ведутся осушительные работы, создаются культурные пастбища и возводятся животноводческие механизированные комплексы.

Как же сложилась судьба однополчан-гвардейцев после войны?

Прославленный командир 24-й гвардейской Петр Кириллович Кошевой, ныне дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза отдает свой огромный опыт и знания делу воспитания и обучения советских генералов и офицеров. Командир артиллерийского полка Федор Петрович Тонких сейчас генерал-полковник, начальник Военной академии. Командир пулеметной роты Виктор Петрович Бельтюков — генерал-майор, возглавляет военное училище. Политработник Юрий Иннокентьевич Кириленко — полковник-инженер, кандидат технических наук, доцент Военной академии. Штабной работник полка Анатолий Андреевич Мальцев — полковник, областной военный комиссар.

Тысячи бывших гвардейцев с первых же мирных дней поднимали из руин и пепла промышленность и сельское хозяйство, города и села нашей страны.

Во многих отраслях народного хозяйства, на различных участках и постах находятся ветераны Евпаторийской Краснознаменной гвардейской. Командир полка А. С. Дрыгин уже много лет работает на ответственной советской и партийной работе. Более тринадцати лет он является первым секретарем Вологодского обкома партии. Вологодская область добилась значительных успехов в выполнении народнохозяйственных планов и удостоена ордена Ленина. В этом немалая заслуга и Анатолия Семеновича Дрыгина — умелого организатора, руководителя и воспитателя. Он член ЦК КПСС, достойно представляет своих избирателей-тружеников Вологодской области в Верховном Совете СССР. К орденам, полученным за ратные подвиги в годы войны, на груди Анатолия Семеновича Дрыгина прибавились новые награды за доблестный труд, два ордена Ленина, орден Октябрьской революции, орден Трудового Красного Знамени. Несмотря на огромную занятость, А. С. Дрыгин является активным членом Совета ветеранов дивизии, оказывает большую помощь в его работе.

Михаил Андреевич Черных в военные годы был рядовым артиллеристом. На фронте мирного труда он, слесарь Воронежского завода им. В. И. Ленина, стал ударником коммунистического труда. Его грудь украшают не только боевые награды, но и орден Октябрьской революции.

Более двадцати лет возглавляет колхоз «Дружба» Черниговской области бывший заместитель командира стрелкового полка Алексей Прокофьевич Давиденко. Большой любовью и уважением пользуется среди колхозников ветеран гвардейской дивизии. Он умел вести за собой воинов гвардейского полка в бой с врагом и неумоимо ведет тружеников села на борьбу за увеличение производства сельскохозяйственной продукции, за высокую культуру земледелия, делит с ним все невзгоды и радости.

Колхоз «Дружба» — один из передовых колхозов Украины, а его председатель — известен теперь уже и как ветеран колхозного строя. Родина высоко оценила самоотверженный труд А. П. Давиденко в мирные годы, наградив его орденом Ленина, орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени.

В ногу с Алексеем Прокофьевичем идет и его однополчанин, в прошлом командир артиллерийской батареи, гвардии капитан, ныне председатель крупного колхоза на Украине — Василий Николаевич Колomoец. К боевым наградам военного времени прибавились у него награды за мирный героический труд — орден Трудового Красного Знамени и орден Октябрьской Революции.

Илья Иванович Зубов — отважный разведчик, полный кавалер орденов Славы сейчас является ответственным работником Омского областного Совета депутатов трудящихся. За успехи в социалистическом строительстве И. И. Зубов награжден орденом «Знак почета».

В Херсонской области заведующим молочно-товарной фермой работает И. Л. Полищук. В годы войны был рядовым солдатом, автоматчиком. Долгое время ферма была отстающей в колхозе. Партком поручил коммунисту Ивану Леонтьевичу Полищуку возглавить ее. Кропотливый труд принес свои результаты. Второй год подряд ферма занимает первое место в колхозе. Ряд передовых тружеников фермы, в том числе и гвардеец Иван Леонтьевич Полищук, награждены правительственными наградами.

Отважная разведчица Галина Балакина после войны с отличием закончила Московский Государственный университет и аспирантуру. Много лет она работает экскурсоводом в столичном экскурсионном бюро, знакомит людей с жизненным путем и трудами великого Ленина, воспитывает их на героической истории Великой Отечественной войны.

Гвардии капитан Алексей Михно, прошедший боевой путь в рядах славного арtpолка, возглавляет деканат факультета одного из вузов города Ворошиловграда.

Бывший автоматчик Андрей Саржан — директор средней школы на Украине. Бывший командир орденосного гвардейского полка Терентий Иванович Степанов более двадцати лет заведовал кафедрой в Московском авиационном институте, сейчас он на заслуженном отдыхе.

Отважный разведчик Александр Сергеевич Карасев и политработник Андрей Андреевич Клешинов на

фронте потеряли зрение. Но тяжелые травмы не «выбили гвардейцев из седла». Вот уже много лет они успешно руководят отделениями Общества слепых — А. С. Карасев — в Саратове, А. А. КлеЩИНОВ — в Архангельске.

С первого и до последнего дня войны был в составе дивизии и 2-й гвардейской армии бывший политработник, гвардии майор Семен Никитич Жилин. После демобилизации он несколько лет трудился на партийной работе, а затем редактировал городские и областные газеты. Сейчас он персональный пенсионер, но продолжает работать. Последние годы журналист С. Н. Жилин работает редактором радиопередач для Московской области.

Ветераны хорошо знают казначея Совета ветеранов дивизии Арсения Андреевича Киселева. В прошлом политработник 71-го полка, он сейчас инженер одного из Московских научно-исследовательских институтов.

Сержант В. И. Седаков служил в артиллерийском полку. Ныне он начальник отдела в Государственном комитете Совета Министров СССР по профтехобразованию.

Невозможно перечислить имена всех ветеранов, отдающих свои знания и опыт делу строительства коммунизма в нашей стране. Уместно привести замечательные слова поэта: «Не стареют сердца ветеранов. Ветеранов второй мировой».

Воины-ветераны не только трудятся на «своих больших и малых постах», не только воспитывают молодежь на героической истории Великой Отечественной войны. Они часто встречаются друг с другом. Для этого ветераны-однополчане создали общественный Совет. Одним из инициаторов организации Совета был Т. И. Степанов, который вот уже много лет является его председателем. В общественном Совете также активно работают ветераны А. А. Киселев, А. О. Гуссар, Г. Г. Балакина, Ю. И. Кириленко, Б. Ф. Редько, С. Н. Жилин и многие другие. Совет регулярно организует встречи ветеранов, поддерживает связь с секциями красных следопытов школ в районах, по которым проходил боевой путь нашего соединения, собирает материал о героических подвигах солдат и офицеров частей и подразделений. По инициативе Совета в 1973

году в Вологде на здании, где располагался штаб дивизии (Набережная VI Армии, д. 111), установлена мемориальная доска.

Славный боевой путь прошла 111-я—24-я гвардейская Краснознаменная Евпаторийская стрелковая дивизия, родившаяся на Вологодской земле. Боевые подвиги воинов соединения никогда не изгладятся в памяти советского народа, они зовут молодежь к новым свершениям во имя Отчизны.



ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

24-й гвардейской Краснознаменной Евпаторийской стрелковой дивизии

БРИЛИН Павел Тимофеевич — гвардии сержант, командир стрелкового отделения 71-го гвардейского стрелкового полка.

ВИСОВИН Константин Гаврилович — гвардии рядовой, разведчик 70-го гвардейского стрелкового полка.

ДУБИНИН Иван Владимирович — гвардии рядовой, автоматчик 70-го гвардейского стрелкового полка.

ЗЕМКОВ Александр Федорович — гвардии лейтенант, командир саперного взвода 70-го гвардейского стрелкового полка.

КАБИЛОВ Тулен — гвардии сержант, командир стрелкового отделения 72-го гвардейского стрелкового полка.

ОПЛЕСНИН Николай Васильевич — гвардии старший лейтенант, офицер разведки штаба дивизии.

РОМАНОВ Яков Александрович — гвардии рядовой, стрелок 70-го гвардейского стрелкового полка.

СИЗОВ Петр Иванович — гвардии капитан, парторг 71-го гвардейского стрелкового полка.

СОЦЕНКО Александр Никитович — гвардии рядовой, сапер 70-го гвардейского стрелкового полка.

СТРЕНИН Федор Михайлович — гвардии рядовой, комсорг батальона 72-го гвардейского полка.



КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СЛАВЫ ТРЕХ СТЕПЕНЕЙ

**24-й гвардейской Краснознаменной
Евпаторийской стрелковой дивизии**

БЕКМЕШЕВ Сергей Григорьевич — гвардии ефрейтор, пулеметчик 70-го гвардейского стрелкового полка.

ДЕДИК Василий Степанович — гвардии младший сержант, помощник командира взвода 3-й стрелковой роты 72-го гвардейского стрелкового полка.

ЗУБОВ Илья Иванович — старший сержант, помощник командира взвода 28-й гвардейской отдельной разведроты.

КАСИНЦЕВ Аркадий Кузьмич — гвардии старшина, командир отделения разведки минометной батареи 71-го гвардейского стрелкового полка.

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы воинской доблести	5
На Северо-Западном плацдарме	7
Меж Волгой и Доном	37
От Миуса до Молочной	56
Освобождение Северной Таврии	90
В Крым	141
Штурм Севастополя	177
Конец фашистской цитадели	217
В мирные дни	261



Ф. М. Стренин.



А. Н. Соценко.



А. Ф. Земков.



К. Г. Висовин.



П. К. Кошевой.



Артиллеристы ведут огонь прямой наводкой.

А. С. Дрыгин.



На реке Молочная. Танкисты расширяют плацдарм.



Ф. П. Тонких.



П. И. Саксеев.



Т. И. Степанов.



Г. Я. Колесников.

И. М. Иванов.



Отважные разведчики — первый ряд (слева направо): Илья Зубов, Петр Гуцол, второй ряд — Алексей Воронков, Николай Дамидович, Александр Филипповский, Валентин Сычугов.



А. Е. Касинцев.



С. П. Буткевич.



А. И. Ульянов.



И. М. Чихарев.



Н. А. Сорокин.



Д. В. Казак.



Разведчики (слева направо): Н. Демидович, Н. Осипов, П. Петров.



Н. В. Оплеснин.



Перед наступлением на Миусе. Василий Тепляков объясняет гвардейцам своего взвода боевую задачу.



Офицер Петраков и ветеран бывшей 24-й дивизии Г. С. Волошин поздравляют молодого воина, сына Волошина — Сергея с принятием присяги.



Г. Г. Балакина.



Г. М. Дьяченко.



Ордена Красного Знамени и Красной Звезды получил в один день отличившийся в боях за Родину гвардии старший лейтенант Карим Байгарин (Волховский фронт). Отважного офицера поздравляет командир 72-го гвардейского полка полковник Г. Е. Кухарев.



Артиллеристы 50-го гвардейского полка (слева направо): В. И. Седаков, А. И. Елин, В. П. Шатух.



Б. Ф. Редько.



И. И. Балицкий.



Ф. И. Матвеев



Командир дивизии С. В. Рогинский (второй ряд в центре) среди группы политработников (Волховский фронт).



Т. С. Изотов.



Л. М. Глезаров.



В. Грозницкий.



Г. И. Коваленко.



Ю. И. Кириленко.



В. И. Тимошенко.



Л. И. Пузанов и подпольщик Павлов (справа налево).

А. Н. Кулдышев.



В. Н. Абрамин.



Н. К. Лаврентьев.



Между боями. Пришел свежий номер газеты.



Артиллеристы (слева направо): С. Д. Солощенко, К. М. Байгарин,
Н. В. Шишкин.

И. И. Иванов.



На реке Молочная. Рядовые В. И. Елкин и Л. Н. Каратаев.



Л. Х. Рейнгольд.



Н. В. Шишкин.



А. Д. Кузнецов.



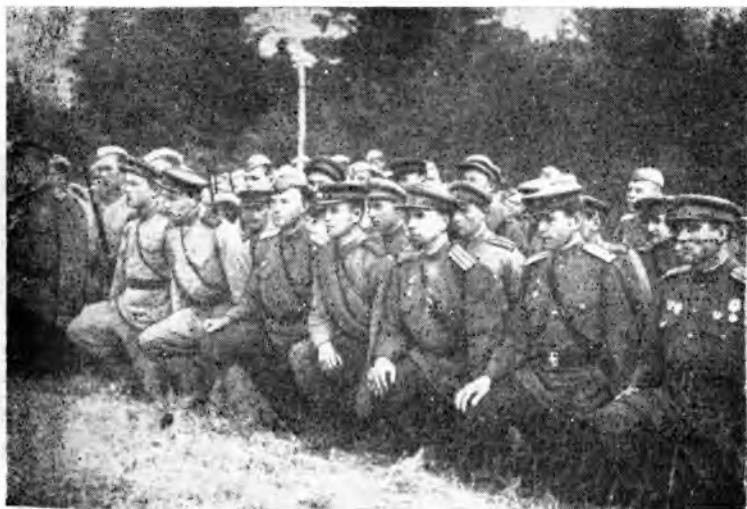
А. Д. Мукукенова.



А. И. Копылов.



С. Н. Жилин.



Воины 71-го гвардейского полка при вручении дивизии
ордена Красное Знамя.



З. В. Белозеров.



Д. С. Авдеенко.



Г. Т. Дурасов.



И. И. Дорофеев.



К. П. Гуляев.



Я. И. Роменский.



На реке Чатырлык. Бронебойщики отрезают атаку танков.



А. В. Привалихин.



В минуту передышки. Агитатор проводит беседу.

С. П. Тарариев.



Гвардейцы выходят к Днепру.



★ Ветераны 111-й—24-й гвардейской стрелковой дивизии вологжане (слева направо): майор в отставке Б. И. Мельников, майор в отставке С. И. Шелепин, капитан в отставке Ф. В. Лодыгин, бывший сержант А. К. Воробьев, полковник в отставке Н. Е. Чаусенко, бывший сержант медицинской службы Н. А. Выжлов, бывший старший сержант Н. А. Лоховинин, гвардии майор в отставке О. П. Чесноков. ★



А. Е. Трофименко.



Г. И. Жердицкий.



А. О. Гуссар.



А. П. Лобиков.



А. П. Чугуй.



А. А. Клешинов.



Разведчик гвардии сержант Т. И. Изотов (справа) делится опытом со своими товарищами гвардии старшиной И. Ситниковым и гвардии сержантом П. Н. Захарченко.



Н. Д. Ермоленко.



В. А. Букин.



В освобожденном Севастополе.



В. И. Белаш.



А. П. Давиденко.



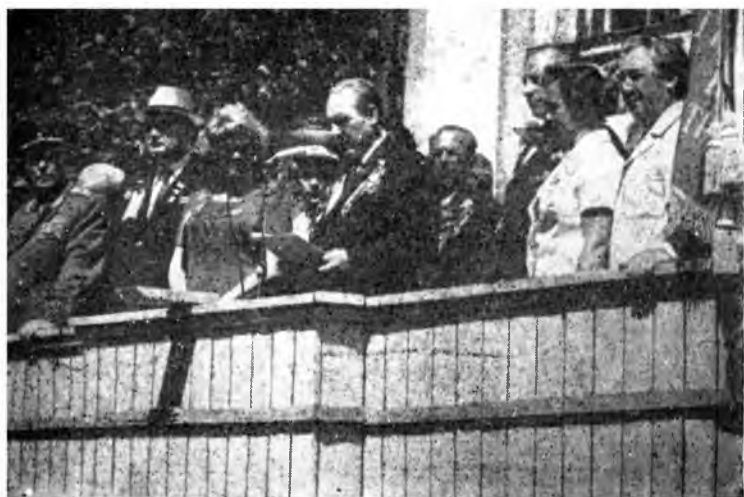
М. С. Осинцев.



И. Н. Диденко.



Памятник воинам 2-й гвардейской армии, павшим в боях за город Саки Крымской области.



На митинге в г. Вологде в 1973 г., посвященном открытию мемориальной доски на доме, где формировалась 111-я стрелковая дивизия.



Встреча ветеранов в городе-герое Севастополе (слева направо):
Б. Ф. Редько, С. Н. Жилин, Ф. Л. Деменок.



Встреча ветеранов в парке ЦДСА (слева направо):
В. И. Ипполитов, Маршал Советского Союза П. К. Ко-
шевой, А. В. Привалихин.